

Толстого. Вы говорите, “книга немножко устарела”, – это ничего. У меня есть чутье. Я выберу только нужное, а к тому же в России ничего почти не знают об Италии, – все будет ново на первых порах. К тому же гонорары *золотом* платят, а я в нем так нуждаюсь. Жизнь здесь за два последние месяца совсем обезумела. Стали уже нужны, как в России, “лимоны” (советс<кое> название миллионов)! Работать в Берлине совсем невозможно. Эмигрантские издатели пьют кровь из писателей, “Накануне” – тоже. Я там сейчас почти не пишу. На Толстого все мои надежды, – на Москву.

Вам нравится Эренбург? Мне он иногда ненавистен. Так я о нем однажды писала, и он затаил на меня злобу.¹ Но это ничего, я с ним поговорю на самых близких днях, если он в Берлине. Он – продукт современности. Со всего сорвал покровы и живет и творит одним отрицанием. Читать его мне противно, поэтому и страшно и весело, но это его веселье гробовщика, это выкапывание самых последних мерзостей в человеке, – почему *Вам* могло так понравиться? Вероятно, по какому-то злomu контрасту с самой собой? Он правда очень умен и талантлив, но качества его таланта мне лично отвратительны. Для того, чтобы Вы меня поняли, Вам нужно прочитать его роман “Жизнь и гибель Николая Курбова”.² Здесь в Берлине на счет этого романа относят самоубийство одного мальчика 18 лет. Эренбург читал, а тот слушал, да, придя домой, отравился газом. Конечно – гиперболою, но не глупая...

Какой он человек? Не знаю. Но думаю, что сговориться с ним легко, ибо честолюбив. Напишу Вам тотчас же. Мне пришлось участвовать в одной французской антологии, которую он редактирует в “Геликоне”.³ Ничего! никаких козней не устроил. Думаю, что и разговор обойдется хорошо.

Толстому сегодня передам Ваше письмо и постараюсь устроить с писательским гонораром, как Вы пишете. Ответ его тоже напишу.

Теперь посоветуйте мне, как быть. У меня здесь просили детских книг в одно *очень бедное* издательство. Я перевела “Данте для детей” Dino Provenzal⁴ и перевожу “Шахматную доску перед зеркалом” Bontempelli – буквально за грош, почти даром, можно сказать. Русские издательства в России сейчас по советскому закону совсем не платят авторских за границу.⁵ В Берлине нужно платить. Нельзя ли умилистить Provenzal и Bontempelli, чтобы они дали свое согласие gratis,⁶ во имя “высоко-культурных целей”? Может быть, это удалось бы Вам! Особенно “Данте” для русских, неумытых еще советских детей – ведь Данте *мировой* гений! Иначе заплачу я из своих, но что тут можно платить из своего кармана при таком падении марки!.. Скандала, конечно, тоже не хочу. Милая, подумайте Вы, как это сделать. Я поступила легкомысленно, не списавшись. Надо поправить. Бог с ним! пусть будет

совсем даром переведено, только хоть для имени и для детей. Деньги у меня будут из России. Если окажется необходимым – заплачу, но хотя не чудовищные цифры! Подумайте об этом, родная, и напишите мне. Это меня очень беспокоит.

Еще: если Вы написали уже Муратову о второй антологии⁷ – то и хорошо. Я за язык старинный не возьмусь. Раз уже отказалась от биографии Бернини.⁸ Слишком много труда, да может выйти плохо, все равно. Если еще не писали, напишите. Это здесь может издать роскошно “Нева” под его редакцией.⁹ А переводчиков он найдет. Меня и не пригласит, конечно, ибо он бел, как снег, и мы с ним друг друга определено и враждебно не выносим. Между прочим, из-за него (почти всецело) я больше не бываю у Зайцевых. Но это дразги! Не стоит. *Все* они люто завидуют и ненавидят Толстого. Все ясно! Вот и кончается письмо – вышло сплошь деловое! А что я могу сказать о себе? Живу без души... Тоска невыносимая, люди чужие, Берлин противен, немцев видеть не могу – они гнетут русских всеми способами, и самое ужасное, – это квартиры. Выгоняют за зря, не пускают, пьют сок, как пауки. Ах, как тяжело без России! Всегда не дома, вечно с чужими! Мне были тяжелы и итальянцы, но иначе. Легче с ними все же жить.

Родная, пришлите Ваш каприйский адрес сейчас же. Если не удосужитесь, напишу в Рим, на имя S. Angelo, с просьбой переслать Вам. Нежно и крепко Вас обнимаю.

С любовью неизменной. Ваша Нина П.

<на полях>

Здесь зной – густой, тяжелый, нечем дышать. Это не итальянская жара! И никуда не могу поехать после 9^{1/2} месяцев каторжной работы! Но ничего: “мы отдохнем... мы увидим ангелов и все небо в алмазах!”¹⁰... Это уж наверно *мы с Вами* увидим...

¹ Вероятно, речь идет о романе И. Эренбурга “Необычайные похождения Хулио Хуренито” (Берлин; М.: Изд-во “Геликон” 1922). Н. Петровская в одной из своих рецензий дала негативную оценку творчеству Эренбурга, указав, что “атмосфера, им созданная, давит и душит” (Накануне. Лит. приложение. 14 января 1923. № 35. С. 6). Здесь она присоединяется к распространенным в то время обвинениям Эренбурга в “отрицании ради отрицания”, в разрушительном нигилизме. См. рецензию А. С. Яценко на роман “Хулио Хуренито” в “Новой русской книге” (1922. № 3. С. 4-6), а также брошюру о нем Н. Терещенко “Современный нигилист” (Л. 1925). Чувствуются в замечаниях Петровской и отзвуки полемики, в связи с публикацией нашумевшей статьи И. Василевского (“Тартарен из Таганрога”) о творчестве Эренбурга, появившейся в литературном приложении к “Накануне” (29 октября 1922. № 24. С. 4-7).

² Речь идет о книге: *Эренбург И. Жизнь и гибель Николая Курбова*. М: Новая Москва, 1923. Серия: Библиотека современников.

³Антология готовилась в начале 1923 г.; см. ее анонс в списке книг издательства “Геликон”: “Антология современной французской прозы. Вступительная статья И. Эренбурга (Дюамель, Моран, Пруст, Роллан, Сандрар)” (Накануне. 21 января 1923. № 241). Эта книга не была издана, см.: *Попов В., Фрезинский Б.* Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников). Т. I. 1891-1923. СПб.: Изд. “Лина”, 1993. С. 296.

⁴ Дино Провенцал (Dino Provenzal, 1877-1972) – беллетрист, специалист по итальянскому фольклору, автор многочисленных адаптаций классиков для детей. Книга, о которой идет речь, – “Il Dante dei piccoli” – вышла во Флоренции в 1922 г. в издании “La Voce”. Итальянское название романа М. Бонтемелли (1878-1960) – *La scacchiera davanti allo spreschio*. О нем см. в письме от 21 февраля 1923 г. Эти произведения в переводах Петровской изданы не были.

⁵ Об этом декрете “Новая русская книга” сообщала: “В отношении заграничных авторов предлагается предоставить русским издательствам полную свободу” (1922. № 8. С. 37).

⁶ Бесплатно (*um.*).

⁷ Об этом замысле более никаких сведений не обнаружено ни в переписке Петровской, ни в переписке П. П. Муратова.

⁸ Вероятно, речь идет о книге Stanislao Fraschetti “Il Bernini: la sua vita, la sua opera, il suo tempo” с предисловием Adolfo Venturi (Milano: Hoepli, 1900).

⁹ Берлинское издательство “Нева”, под редакцией Виктора Струве, в 1921-1929 гг. выпускало переводы русских классиков на немецкий язык и переводы на русский язык книг по искусству, а также книги об итальянском Возрождении. Судя по библиографии П. П. Муратова, составленной П. Деотто, его произведения и переводы в издательстве “Нева”, не выходили (см. ARI, II. P. 365-393).

¹⁰ Неточная цитата из чеховской пьесы “Дядя Ваня”: “Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах...”

Дорогая моя,

я только что сдала перевод “La garçonne”,¹ который три месяца сосал как вампир мою душу. Это *пятая* книга, переведенная мной за 10 месяцев в Берлине, не считая мелочей, – еще на маленькую книжонку. В труднейшем и противнейшем тексте 11½ листов. Сейчас такое чувство, точно меня из тюрьмы выпустили. Теперь Толстой уехал и, уезжая, просил меня извиниться, что не пишет сам, – разорванный хлопотами, и просил передать Вам, что ему очень хотелось бы перевести его последний роман “Аэлита”² на итальянский. Человек он в делах весьма и весьма неуступчивый. “Аэлита”, – ее переводят на датский, английский, франц<узский>, немецкий, венгерский, – сыплет ему на голову буквально золотой валютный дождь. Когда же я ему сказала, что Ита-

лия платит мизерно вообще, он ответил: “Наплевать! Это меня не интересует! Сколько хотят!” И так же отдал еще кому-то, чехословакам, кажется. Так вот, родная, сделайте это! Переведите Вы! Оно, конечно, – легко сказать! Целая книга... Но такой будет успех! Это единственный сейчас русский фантастический роман, свежий, как озон, написанный большим автором.³ Книгу завтра возьму у его издателя и пошлю Вам. Подумайте и ответьте... утвердительно. Об “Антологии” вот что просил он Вам сказать: рассказы (не все, а пять-шесть) необходимо напечатать один за другим в русских журналах. Авторские или постепенно будет посылать Вам для каждого писателя в отдельности, по расчету желаемой за книгу суммы, или сразу, когда продаст книгу. Но по-моему это хуже. Через два-три дня я ему уже высылаю два переведенные. Но деньги *верные*, с Толстым в делах никаких задержек и недоразумений не бывает. Антология была уже обещана нами “Накануне”. Но Толстой не хочет издавать ее в Берлине. Да они и платят хуже. Пусть кусают потом локти. Вид у нее, конечно, будет шикарный и она будет первым настоящим литературным звеном между Италией и Россией. Кроме того, и мои “обзоры” сослужат службу. И все это, конечно, только благодаря Вам!..

Еще он очень, очень просил Вас выбрать какую-нибудь очень живую, очень острую, жизненную, бытовую пьесу (ни за что “салонную”). Даже из деревенского быта – но яркую, характерную, словом, чтобы была “italianissima”. В России голод в театрах. Ставят дрянь. Я бы ее немедленно перевела. *Авторские гарантированы*. Опять он даст свою редакцию и всякое артистическое содействие при постановке. Тогда мы совсем полно покажем нашу Италию в России! Милая! я только потому так бессовестно прошу Вас обо всем этом, что знаю: *такие* хлопоты мира Вашей души не нарушают, и в конце концов дадут некое благородное удовлетворение. Переводчиков с итальянского среди русских почти кроме меня *нет*. Муратов занят собой самим и своей (по-моему весьма малой!) “славой”. Зайцев, нежно любя Италию, не знает языка. Толстой же кроме меня еще никогда и никому в мире своей редакции не давал. Значит, пришлите что-нибудь нам!..

Третье дело: я напечатать в “Накануне” статью Sre Angelo *не могу*.⁴ И *ему* там быть напечатанным тоже *не годится*. Он влюблен в Муссолини, а я его там обзываю плохими словами... Передам Зайцеву или Осоргину для “Дней”, переведу “под сурдинку”, а они напечатают под их именем. Но где же конец? У меня только 3 номера. Пришлите конец и объясните Sre Angelo, что это вовсе не мое “нежелание”, а политические соображения. Он же итальянец! наших русских дел ему не понять! Только, ради Бога, чтобы он не обиделся. Вы-то ведь это все понимаете? Дело ведь еще в “оттенках”. Мне Сов<етская> Республика вчера в лице одного ее ярого представителя сказала: “Милости просим

к нам!” Уезжая, Толстой сказал на подножке вагона: “Нина, если не хочешь умереть, приезжай скоро!” И он прав. В Берлине жить нельзя. Начинается голод, начинается “в чужом пиру похмелье”.

Милая, милая, милая! Все это письмо одно сплошное “дело”. Но если я Вас увижу здесь, мы посидим в каком-нибудь огороде и будем говорить о Вечном!..

Целую нежно и крепко. Ваша всегда Нина.

<на полях>

Отвечайте мне *казным*. Меня гонят с квартиры за то, что я *всегда дома*. В 3-4 дня переберусь на новую. Но казновое не пропадет.

¹ Речь идет о романе “La Garçonne” французского писателя и драматурга Виктора Маргерита (Victor Marguerite, 1866-1942), защитника женской эмансипации, которого позже обвинили в порнографии, подрыве семейных основ и лишили ордена Почетного легиона. Этот роман, изданный в 1922 г., был необычайно популярен в России и переводился под названиями “Женщина-холостяк” и “Холостячка”. Перевод Петровской вышел под заглавием “Моника Лербье” (М.: Мосполитграф, 1924).

² В Италии роман “Аэлита” будет переведен только в 1982 г. в антологии “Noi della galassia” у издателя Editori Riuniti.

³ См. высокую оценку романа “Аэлита”, публиковавшегося отдельными главами в советской периодике, в рецензии Петровской на книги “Красной Нови” (Накануне. Лит. приложение. 14 января 1923. № 35. С. 7; Там же. 4 марта 1923. № 42. С. 7).

⁴ Весной 1923 г. А. Синьорелли ездил в Москву на международный медицинский конгресс. Отчет об этой поездке был опубликован в газете “La Tribuna” (1923. 27 июня, 5 июля, 13 июля).

Дорогая, двадцать дней лежало неотправленное письмо, пока меня трепали отвратительные житейские вихри. Ни за что ни про что хозяйка после 9 месяцев выгнала из квартиры. Это здесь часто случается. Пришлось бегать, искать, мучиться, чтобы ничего к тому же не найти. Живу у отвратительной яги в салоне, плачу за мучение валютой и проклиная все.

Когда это кончится, не знаю. Решила окончательно ехать в Россию. Здесь жить нельзя во всех смыслах. Уже ничего не хватает ни на что. Дошло (только не в гонорах!..) до астрономических цифр.

Поедете ли Вы, как собирались? Заедете ли в Берлин? Найдете ли меня? Будет горько, горько, если не увидимся.

То письмо от 2-го все остается в силе. Нет только пока в Берлине людей из “Дней”.¹

Посылаю мой адрес: Olivaer platz. Wittelsbacherstrasse 26, III st: bei Löwenschtein.

Когда я уеду из этого ада, письмо все равно передадут.

Целую крепко с любовью и неизменной нежностью. Не сердитесь. Я совершенно изнемогла за эти 20 дней от житейских пакостей, а работы по горло!..

Если приедете, сколько у меня для Вас книг! Ваша Нина

¹ Речь идет об обещании, данном в предыдущем письме, о переводе Петровской статьи Анджело Синьорелли для газеты "Дни".

19

28. <9. 1>923¹

Берлин

Дорогая моя, мне кажется, что наша встреча была во сне... Ничего я не сказала Вам! Точно за стеклом прошли Вы, только овеяло чем-то стародавне-милым, неизбывным, незабвенным. Я живу в разлуке с моей душой – много раз Вам говорила это в письмах – живу где-то на глубоком дне, а внешне... вот мое серое пальто, – цвет небытия на земле, – да глаза... Но за это не счеркивайте меня со списка Вам милых...

Кипела опять "в котлах", меняла комнату, бегала. Чувствую себя, как бы в роде роль, по которому долго колотили ногами, – долго, годы уже... Но ничего!..

Сейчас напишу всего несколько строк. Уже из России буду, вероятно, говорить с Вами и другим голосом и о другом.

Милая! Если можно, пришлите мне *не медля*, пока издатель не остыл и не уехал, эти книжки для рабочих, – приключения, интересный какой-нибудь даже полицейский роман в духе Шерлока Холмса, или быт с напряженной динамикой, книжка должна быть не больше 5-ти листов. И еще если можно "Novelle rusticane" Verga² и, если есть, какую-нибудь драму. Это просит Толстой для Москвы. Вот и все. Сегодня же посылаю в главную questura³ просьбу об информации. Если у вас есть кто-нибудь, может быть, справился бы (piazza SS. Apostoli). Я послала прямо на имя шефа – Cavaliere Bernardini.

Как было в Вене? Расскажите мне. Не забывайте меня! Мне так дорога Ваша любовь. Целую крепко, грущу, что теперь уже, верно, не увидимся.

Ваша душой Нина

P.S. Книжечки пришлите поскорее, родная!

¹ Датируется по содержанию: Ольга Синьорелли была проездом в Берлине в 20-х числах сентября.

² “Novelle rusticane” (“Сельские новеллы”) знаменитого итальянского писателя-верриста Джованни Верга (1840-1922) – сборник из 12 новелл, изданных в Турине у издателя Казанова в 1883 г. В 1927 г. в “Прибое” в переводах Н. Петровской вышел сборник произведений этого писателя под названием “Осел святого Иосифа”. 30 июня она сообщила Горькому: “Этой зимой перевела томик рассказов G. Verga” (*Garetto E. Intrecci berlinesi*. P. 144).

³ Квестура, полицейское управление (*um.*). Петровская обращалась туда за удостоверением, что она прожила всю войну и революцию в Италии; документ был необходим, чтобы начать процедуру обмена царского паспорта на советский (см. об этом в письме Петровской к Ходасевичу от 15 марта 1925 г. – *Garetto E. Intrecci berlinesi*. С. 133).

20

3. П.<1>924

Берлин

Дорогая моя!

не сердитесь на меня. Я жила в эти месяцы разорванная самыми мучительными житейскими заботами, чужая сама себе. Вы и представить себе не можете, что делает с человеком иногда Берлин. Просто сказать, что это моя комната шестая с начала августа, но пережить это было отвратительно. Из одних чужих стен – в другие. Ушли на это силы, деньги, выкачана на это вся энергия, нужная на работу. К тому же и работы кроме “Накануне” не было. Толстой ограничился одними обещаниями. Только три дня назад получила, уже здесь, огромную, месяцев на пять <работу> и этим себя сознательно пригвоздила к Берлину.¹ В Россию сейчас не поеду. Я там жить не сумею и не смогу. Там нельзя укрыть усталость в *небытии*, там нужно отдавать себя, а у меня сейчас нечего дать никому. Да начинаю привыкать к Берлину, к тому же весной запахло и влезу по уши в работу... Здесь стало совсем пусто, только точно остров – “Накануне”, да два-три издательства. Грустно – кажется, совсем прекратился “Геликон”. Берегите “Эпопею”, не давайте “зачитывать”. Когда была там в последний раз, вспоминала о Вашем желании перевести отрывок из “13 трубок”. Но Вишняк сказал, что Эренбург “заломит” огромные авторские. Это из Италии-то! “Трубки” его их по-моему не стоят, а всего больше *мне* было бы жаль Вашего труда.² Не люблю я Эренбурга!

Пишу я Вам сейчас, и как-то опускаются руки. Сколько времени прошло без Вашего привета... Захотите ли скоро ответить? Не выпала ли вся я из Вашей памяти? Но милая, милая, не должно бы нас с Вами разделять ни время, ни пространство, ни случайности. Если я Вас *там*

еще раз встречу, – в другом существовании, – буду по-прежнему любить и никакие нити не оборвутся для меня.

Расстроилась я еще внутренне (недавно) по поводу, который только Вам могу сказать. В Москве праздновали 50-летний юбилей со дня рождения Валерия Брюсова. “Накануне” посвятило этому номер воскресного приложения.³ Очень просили меня написать, и нельзя было уклониться, осталось бы пустое место, именно мое. Написала, и вот затосковало сердце... Портрет его повесила, смотрю... Стал он старый, старый, уже не на “мага”, а на “шамана” похож. Смотрю и понять не могу, как и *зачем* эти годы мои прошли!.. И за 10 лет первый раз Вам это говорю. Теперь уже поздно, прошло время всяких прекрасных “жестов” – нужно *доживать*, довести до конца какую-то неудавшуюся жизненную миссию... Вот!.. Впрочем, как только опять погружусь в работу, – все перестану чувствовать в великолепном деловом одер<e>венинии. Это лучше наркоза и вина...

Милая, теперь “деловая” часть письма. Что мне делать с антологией? У меня 9 рассказов, – остальных не прислали. Чтобы Толстой ее редактировал, не надеюсь. Напишу ему сегодня же еще. Если авторы ставят непременным условием его редакцию, – то я его окончательный ответ тотчас же Вам передам. И, конечно, авторские нужны сейчас же. А если он раздумал? Там есть “Всемирная литер<атура>” – издательство в Петербурге. Можно издать там, а, впрочем, пока не получу от него окончательного ответа, что можно сказать? Не сердитесь на меня за все это. Я не виновата.

Теперь другое: здесь у меня просят ту, первую антологию, что Вы мне прислали летом.⁴ Для Берлина, – так что если их выйдет две, – они одна другой мешать не будут. Авторс<кого> гонорара издатель согласен заплатить 1000 лир. К кому же обратиться? В Милан, к Guido Rodessa⁵ И еще, быть может, Вы мне тут помогли бы... Куда нужно написать Borgese о разрешении перевести его роман “Rubé e i vivi e i morti”⁶ Корыстный ли он человек и согласился ли бы уступить его тоже за 1000 лир, так как больше не дают? Если же его не переведу я, то переводить для России некому, не будут же это делать литературные “генералы”, как Муратов!

Ах! если бы Вы, милая, спросили Borgese от моего имени, согласится ли он отдать этот роман за сумму 1000 лир. Он, кажется, очень любит шум, поклонение и успех. Почему бы ему не согласиться? А я тогда летом смогла бы хотя ненадолго на море поехать... Еще... скажите, это *итальянская* детская вещь “Don Amendo”⁷ Я понятия не имею. Если *да*, пришлите мне и ее, как и роман Borgese. Уверяют, что итальянская, и просят перевести. Потеряв все надежды на Толстого, я

стала стараться раздобыть работу здесь, и вот результат, но как все это сложно, долго, тяжело.

Вот пока и все.

Напишите, дорогая, не ставьте мне в счет этих месяцев. “Душа моя скорбит смертельно”...⁸ Этому поверьте, и Вашей нежности у меня не отнимайте.

О себе расскажите, что можно. Я с Вами сердцем всегда!

Ваша Нина.

Адрес: Regensburgerstrasse 25. 4 stok. bei Vengel.

¹ Возможно речь идет о неудачной попытке работы над переводом Боккаччо (см. об этом в следующем письме).

² Ольга Синьорелли не перевела рассказы из сборника Эренбурга “13 трубок”; он вышел в Италии в авторизованном автором переводе Ириса Фелина в 1930 г. (*Èhrenburg Elia. 13 pipe / traduzione integrale autorizzata dall'autore di Iris Féline. Milano: Corbaccio, 1930*).

³ “Накануне. Лит. неделя”. 16 декабря 1923 № 507. Петровская поместила в этом юбилейном номере статью “Валерий Брюсов” (С. 8).

⁴ Для своих переводов итальянской прозы в “Накануне” Н. Петровская пользовалась антологией “Современные рассказчики”. Этот сборник она указывает как источник переводов, помещенных в “Накануне”: “Дом мертвой девушки” Гвидо да Верона (Лит. приложение. 10 июня 1923. № 56), “Нума Пампилий” Антонио Бальдини (19 августа 1923. № 412), “Убийца” Уго Бернаскони (Литературная неделя. 21 октября 1923. № 466), “Свобода” Джованни Верга (18 ноября 1923. № 484), “Пиготтона” Паоло Буцци (Лит. неделя. 13 января 1924. № 11). Не удалось разыскать оригинала антологии и установить ее название на итальянском языке.

⁵ Гвидо Подрекка (Guido Podrecca, 1865-1923), итальянский журналист и политик (сначала член социалистической партии, а в 20-е гг. – фашистской). Брат знаменитого кукольника Витторио (1883-1959). Основатель в 1888 г. сатирического журнала “L'Asino” и в 1919 г. журнала “Il primato artistico italiano”.

⁶ Джузеппе Антонио Борджезе (Antonio Giuseppe Borgese, 1882-1952), итальянский писатель, журналист и литературовед идеалистического направления. После Первой мировой войны заведовал в Миланском университете кафедрой немецкой литературы и эстетики. В годы фашизма эмигрировал в США. В романах “Рубэ” (Rubè. Milano 1921) и “Живые и мертвые” (I vivi e i morti. Milano 1923) изображен нравственный кризис буржуазной интеллигенции в годы Первой мировой войны.

⁷ О какой детской книге идет речь установить не удалось.

⁸ Евангелие от Матфея (26, 38).

2. 4. <1>924, Берлин,
Regensburgerst. 25
4 stok, Pens<ion> Vengel

Дорогая моя,

знайте навсегда одно: если я не пишу долго, – значит мне очень и очень плохо. Вот вижу, что вся моя работа, и борьба, и завоевания в Берлине, – nulla.¹ Все свелось почти к невозможности существования, – простого, человеческого, не выходящего из самых узких границ, насущных потребностей. Потому силы растрачиваются зря, на “борьбу с ветряными мельницами”, душа сминается в комок, и для работы настоящей ничего не остается. Единственный выход видится мне – Италия. Может быть, выйдет что-нибудь при Посольстве. Собираюсь взять себя за шиворот и начать хлопотать очень скоро. В Рим назначен Советником и Саро отдела Stampa² Кирдецов,³ наш бывший главный редактор. Попробую.

Проводя так день за днем в томлениях всякого рода, начинаю ненавидеть себя и потому о себе могу говорить только сцепя зубы, потому же писать кому-то милому труднее всего на свете.

Недавно, два месяца назад, я себя совсем посадила в силки, – сегодня шлю отказ. Взясась (с ножом у горла) переводить Бокаччио – 30 листов! сами знаете какого текста. Перевела 12 новелл на ветер, – сколько часов рабочих выброшено. Не могу. Синтаксис этого языка ужасен, понимая все от слова до слова, не могу расшифровать конструкцию. Некоторых фраз совершенно не понимаю, – слова точно на проволоку нанизаны. Издатель – “Нева”, конечно, будет реагировать бурно, ибо взят аванс. Но вся моя надежда уладить, – это на антологию и “Rubè”. Антологию он берет охотно, просит ее делать как можно скорее, деньги вышлет. “Нева” в Берлине – И<здательст>во шикарное, и сейчас их осталось всего три, на весь зарубежный мир. Авторский гонорар можно будет получить двойной, т. к. они хотели бы еще перевести ее на немец<кий> язык. “Нева” – и<здательст>во полунемецкое. С Толстым ничего больше выйти не может. Он занят в Москве исключительно собой, и кроме того из Москвы авторских по убеждению (!) не платят, печатают все, что им хочется, и даже перепечатывают...

Милая, не надо собирать новую антологию! Сделаем *эту*! Пусть ей два года, для России, не знающей совершенно новой ит<альянской> литературы, – это младенческий возраст. Пришлите мне немедленно остальные рассказы со всей библиографией. Уверяю Вас, что наши итальянцы будут довольны. Я уже перевожу, и если не получу скоро остальные, “Нева” мне отрежет голову! Я им должна вернуть аванс за Бокаччио. Ах милая, милая! Иногда я думаю: вот, у меня ничего не

болит, нет надо мной ни пушек, ни ружей, я свободна, не в тюрьме, кажется, – а жизнь стала хуже осадного положения, хуже! Ибо давит незаметно, шелковым шнурочком... Не надо... Душа моя, “взыскующая чуда”, все-таки живет вне тяжестей жизни земной, проклятой.

На условия Боргезе “Нева” тоже почти согласна. Если будет успех, то конечно, можно платить и с экземпляра. Но Вы ему скажите или напишите, что кроме меня переводить его некому. Все равно, если он не захочет, так Россия о нем и не узнает. Там еще до *Amicis* не дошли!⁴

Теперь – “<...>”⁵ – но ведь это кажется стихами написано. Тогда я не могу совершенно. И вообще из Берлина просить московского Толстого о чем-то... ничего не будет.

Здесь жизнь замерла. Два моих друга, художник Зарецкий⁶ и Гумич,⁷ открыли художественную школу. Устраивают вечера, там собираются оставшиеся. Ничего. Но это и все. Если опять буду в Италии – с выщипанными перьями, но закаленным сердцем, будем, может быть, говорить не по-прежнему, а лучше...

Пока же – варюсь в котлах и язык мой сер и убог!..

Милая, дошлите скорее, скорее рассказы для антологии, если возможно, тотчас после моего письма.

Целую Вас в глаза любовно и нежно. Ваша всегда Нина

За косноязычие меня простите!

¹ Ничто (*ит.*).

² Пресс-атташе (*ит.*).

³ Григорий Львович Кирдецов (1880-?) – журналист и общественный деятель. Сотрудник “Биржевых ведомостей” и “Русской воли”, эмигрировал осенью 1918 г. С лета 1921 г. жил в Берлине, с 26 марта 1922 по 2 октября 1923 г. был соредктором газеты “Накануне” и с 1 октября 1923 г. заведующим отделом печати советского полпредства. С 1924 г. пресс-атташе советского полпредства в Риме. В середине 1920-х вернулся в СССР, летом 1936 г. был арестован и сослан; в 1938 г. вновь арестован и в 1940 г. осужден на 8 лет лагерей, откуда не вернулся.

⁴ Об Эдмондо Де Амичисе см. сноску 6 к письму от 16 февраля 1923 г. В 1927 г. в Госиздате вышел перевод рассказа Де Амичиса “Чичилло” из книги “Сердце” без указания переводчика, с некоторой долей вероятности можно предположить, что он принадлежал Н. Петроской.

⁵ В оригинале пропущено название произведения о котором идет речь.

⁶ Николай Васильевич Зарецкий (1876-1959) – художник, график, искусствовед. Еще до Первой мировой войны был известным книжным иллюстратором. С 1920 г. эмигрировал в Берлин В 1920-1931 гг. являлся председателем Союза русских художников. С 1931 по 1951 гг. жил в Чехословакии, заведующий Русским культурно-историческим музеем в Збраславском замке близ Праги (1941-1945). К этому периоду относится его исследование изобразительного творчества русских поэтов и писателей. В 1932 г. организовал в Праге большую выставку из своих собраний “Пушкин и его вре-

мя". В 1951 г. переехал в Париж, где и умер. Личный архив, рукописи и коллекции Зарецкого хранятся в архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке и в Литературно-архиве Музея национальной литературы в Праге.

⁷ См. объявление в газете "Накануне": "В 'Кружке художник' <...> объединены культурные элементы русской публики" (15 мая 1924. № 109. С. 6). В ателье Гумича и Зарецкого 26 апреля 1924 г. выступал Маяковский с чтением стихотворения "Необычайное приключение" (Там же. 30 апреля 1924. № 98. С. 6).

22

19. 4. <1>924

Берлин

Моя дорогая,

я в ужасе от Ваших известий. Мне так представлялось, что весь собранный материал у Вас. Зная, что *нет*, я бы конечно стала ждать, не смотря ни на что. Запродала я антологию – помните – спросив все же Вас, можно ли делать в Берлине и без Толстого. Вы сказали – да. А в это время произошло вот что: я взялась за Бокаччио, по очень дешевой цене, 30 листов ужасного текста, возилась два месяца и увидела, во-первых, что перевести его хорошо не могу, а во-вторых, что эти 30 листов были бы для меня рабством, пожирающим все время. Обдумала это и, не боясь издательского гнева, *отказалась* наотрез. Но был взят довольно крупный аванс. Издатель за мысль об антологии уцепился и попросил тогда делать ее скорее вместо Бокаччио. Думая, что материал у Вас и имея Ваше согласие, я сказала да. Теперь у меня рассказов только листов на 5 ½ (так я полагаю). Дней через 6 их сдам. А тогда что? Мысль, что Вы должны покупать все книги, меня убивает. Это же трата и зачем же Вам тут поступаться материально! Но что *мне* делать, когда кончу эти 9 рассказов и он будет ждать других? Эта мысль меня приводит в отчаяние. Мне бы пока еще хотя на три листа. М<ожет> быть он скоро вернется из-за границы?¹ Но ведь и библиографические указания совершенно необходимы, их очень просит "Нева". Не сердитесь на меня, дорогая! Я не виновата. Если бы не этот аванс за Бокаччио, взятый мной ножом у горла, можно было бы антологию отложить. У меня 9 рассказов: 1 Enrico Pea, 2 Bontempelli, 3 Ada Negri, 4 Corrado Alvaro, 5 Riccardo Bacchelli, 6 Borgese, 7 Bruno Barilli, 8 Mario Moretti, 9 Baldini и 10 – Pirandello.²

По-немецки он тоже хочет непременно переводить (конечно, с итальянского текста). Письмо с своим согласием придет на Ваше имя на днях, деньги тоже верно скоро. Но с Borgese не выходит. Дела у них у всех здесь плохие. "Нева" – *одно* из трех уцелевших издательств, и тоже жметя. Говорит: "я очень хочу, но сейчас никак не могу". Мне это тоже неприятно, но и тут вины моей нет.

Вот милая, – дело с антологией волнует меня очень. Если бы еще хотя несколько рассказов, – через неделю у меня *ничего* будет работать. Ответьте поскорее, не сердитесь на меня. Во всех смыслах я – je suis un “припертый к стене человек”!

Рассказы Pirandello прекрасны. Я кажется возьму “La carriola”³ – это совсем ново по сюжету. Его бы *всего* (т.е. этот том) стоило бы перевести для Москвы, но они авторских кажется вовсе не платят. А это обидно автору.

Живу Бог знает как. Устала от всего безумно. *Хочется* мне, кажется, только спать. Другие желания за их вечным неисполнением упали на дно и лежат под спудом.

Здесь холодно, как зимой. Сегодня Страстная суббота, вспоминается Италия, но без боли, так – как сон. И не Рим я вспоминаю, а далекую жизнь в Nervi.⁴

Недавно написала фельетон о “Литературе за границей”, где много строк посвящено “La Russia”. Говорю, что “Италия первая прорубает литерат<урное> окно в Россию”.⁵ Там есть и Вы.⁶ Пришло его. И если можно еще номер “Russia” – напишу длинную рецензию.⁷ Как Вы, моя любимая? Пишу уже в Рим, – Ваша неделя в Assisi по-моему прошла.

Целую Вас нежно и крепко. Теперь буду писать часто, хотя по несколько слов. Ответьте поскорее. Спасибо за все, за все. Ваша Нина.

¹ Речь идет об издателе “Невы” В. Струве.

² Из указанных девяти рассказов десяти авторов опубликованы были только четыре: “L’isola di Irene” (“Остров Ирэн”) М. Бонтемелли, “Candelora” (“Канделора”) Л. Пиранделло, “Moscardino” (“Щеголь”) Энрико Пеа, “Numa Pompilio” (“Нума Пампилий”) Антонио Бальдини (см. ниже).

³ “La carriola” (“Тачка”) – новелла Л. Пиранделло из сборника “Novelle per un anno” (“Новеллы на год”, 1922).

⁴ Н. Петровская жила в Нерви весной 1912 г.

⁵ Речь идет о статье Н. Петровской “Русская литература за границей”, где она дает высокую оценку журналу Ло Гатто “La Russia”; здесь она оповещает читателей, что 20 февраля 1923 г. издание этого журнала возобновилось и замечает, что Италия может быть первая “прорубает окно в Россию” (Накануне. 15 апреля 1924. № 96. С. 3). См. также отклик Петровской на закрытие первого выпуска этого журнала в письме от 16 февраля 1923 г. и сноску 11 к нему.

⁶ В статье “Русская литература за границей” Петровская пишет, что до войны и революции в Италии плохо знали русскую литературу и не интересовались ею, а далее, в качестве примера приводит такой факт: “Ольга Ресневич – прекрасная переводчица и большой знаток русской литературы вообще – предложила одному издательству уже в законченном виде перевод ‘Соборян’ Лескова и ‘Бесов’ Достоевского – но рукопись была ей возвращена без объяснения мотивов” (Там же. С. 2). Здесь Петровская допускает неточность: Синьорелли не переводила “Соборян” Лескова, а ее перевод романа

Достоевского, предназначенный для издательства Валлекки, был опубликован в 1928 г. издательством Кампителли (см. Библиографию ее работ в наст. издании).

⁷ Специальной статьи, посвященной этому журналу, в “Накануне” не появилось.

18. V. <1>924

Берлин

Дорогая моя, не беспокойтесь об антологии. Письмо издателя Вы получили? Деньги он обещал тоже выслать скоро, работу я уже *сдаю* еженедельно. Значит, все хорошо. Посылайте мне все, что можно, *скоро*. Я перевожу 1/2 листа в день, и все скоро закончится. А издадут в “Неве” красиво и благопристойно с моей стороны. Без Толстого лучше, уверяю Вас, – он совершенно разрушил своей редакцией (это без знания языка редактировал) “Приключения Пиноккио”.¹

Теперь, милая, печальная новость: “Накануне” *кончилось*... Много раз уже предупреждали, что так будет, и никто не верил, а 15-го все сотрудники получили официальное сообщение. Кончается с 1-ого июля.² Берлин сейчас – это дно обмелевшей (литературно) реки. Люди выскребли все, что можно, и больше нечего взять. Из 33-х издательств осталось 3!! Газет – для меня нет. Вопрос встал ребром, – нужно куда-то уезжать. Но куда? В Россию? Нет, я не поеду. Я *не* эмигрантка. Застигни меня в Москве Революция, – я бы по сию пору там и жила. У меня мои *личные*, душевные мотивы, по которым я не могу ехать в Москву. Вы их знаете... Что бы было? Смерть. Слово, конечно, не страшное, даже примиряющее, но “переть на рожон” я не могу, потому что до последнего часа моей жизни (пусть она полна заблуждений!) ответственна за младшую сестру. Из семьи у меня больше никого не осталось. И вот... Единственной страной остается Италия. Как туда поеду, – не знаю. Возможностей денежных нет, их нужно найти, создать. А время не терпит. Вместе с этим письмом пишу в Рим, Кирдецову, нашему бывшему главному редактору “Накануне”.³ Он сейчас там в Посольстве “*persona grata*”, *il capo della Stampa*.⁴ Может быть, взял бы, зная, что я могу пригодиться. Если нет... Тогда со мной пропадет книга личных воспоминаний о символистах и Символизме. Человек, кто купил бы ее сейчас, может ее завещать даже своим наследникам, и те состригут жирные купоны. *Таких* “Воспоминаний” нет ни у кого...⁵ Но Берлин – это хуже лагуны Венецианской теперь. Издатели, если не умерли для себя самих, то для литературы – да. Кончился “Геликон”. Буквально зарос травой “забвения” его закрытый подъезд. Окна со спущенными ставнями, – как глаза с бельмами. И Вишняк обедает два раза в месяц...

Я определенно хочу донести мои кости в Италию, и если умереть, то там, – на второй моей родине. Желание по нашим временам не простое.

Тоскую: по оливкам, по морю, по небу, по красному вину и *S. Pietro*. È una vera nostalgia!⁶ Но не могу даже представить, что меня не съест серый Берлин. Да что! Умирать ведь один раз нужно!

Недавно читала в “Кружке художников” на вечере “Весов” реферат о Символистах. Очень *горький*, и, говорят, хорошо. Спасибо за “Russia”, спасибо за все!.. Из “Velia”⁷ еще не выбрала. Ах, зачем они дают “главы”? Зачем не рассказы?

Милая, я знаю, что Вы в горе о Дузе.⁸ О ней тоже я писала. Всем очень понравилось: сухо, сдержанно, как хотела бы Она...⁹ Целую Вас. Пишите. Простите меня, когда молчу, значит слов нет.

Ваша Нина.

P.S. Сейчас получила Ваше короткое письмо от 17-ого.

Насчет Негри и Varilli сделаю как Вы говорите, но оставимте Corrado Alvaro.¹⁰ Во-первых, потому что я его сдала в набор уже, а во-вторых, его отрывок из “Storia di donne” совсем не плох. Из “Velia” беру 7-ую главу 1-й части.

Д’Аннунцио, конечно, хорошо поместить, и Папини тоже прекрасно – какая же новая Антология без него. А вот Вы спрашиваете, что я выбрала Cicognani¹¹ (я не разобрала первую букву) – так такого автора я не получала. Или недоразумение? Не понимаю.

Милая, нельзя ли похлопотать в Риме визу для немецкого прекрасного поэта Р. Вальтера?¹² У него паспорт “лиги наций”, и кажется с ним не проедешь. А советский едва ли ему дадут. У Вас ведь такие связи.

О “Дневнике” ничего пока не знаю.¹³ В Берлине его никто еще не видал. Буду писать Вам теперь часто, как Вы говорите, – хоть две строчки. Целую нежно. Н.

¹ См. сноску 2 к письме от 16 февраля 1923 г.

² Последний номер “Накануне” вышел 15 июня 1924 г.

³ См. сноску 3 к письме от 2 апреля 1924 г.

⁴ Il capo della Stampa – заведующий отделом печати (*ит.*).

⁵ Речь идет о “Воспоминаниях” Н. Петровской, писавшихся как раз в это время (см. их публикацию: Минувшее. Вып. 8. С. 17-90).

⁶ Настоящая ностальгия (*ит.*).

⁷ “La Velia” (1923) – реалистический роман флорентийского писателя-вериста Бруно Чиконьяни (Bruno Cicognani, 1879-1971).

⁸ Речь идет о смерти актрисы Элеоноры Дузе, скончавшейся 21 апреля 1924 г.

⁹ Петровская говорит о своей статье “Элеонора Дузе”, опубликованной в “Накануне”, где она пишет об актрисе как “средоточии неизреченной духовности” о “пугающем и гипнотизирующем влиянии души, живущей где-то за пределами познаваемого”, и приводит фрагмент письма, “присланного вчера из Рима”, в котором Дузе говорит о своей нелюбви к биографиям и автобиографиям (Накануне. 9 мая 1924. № 104. С. 5).

¹⁰ Ада Негри (Ada Negri, 1870-1945) – поэтесса и писательница демократического направления, представительница “веризма”. Бруно Барилли (Bruno Barilli, 1880-1951) – композитор, писатель и журналист. Коррадо Альваро (Corrado Alvaro, 1895-1956) – итальянский писатель; что из его новелл было переведено Н. Петровской установить не удалось.

¹¹ См. сноску 7.

¹² Вальтер Райнер (Walter Rheiner, 1895-1925), немецкий поэт, член Экспрессионистского рабочего союза. Жил преимущественно в Берлине и Дрездене. Опубликовал между 1918 и 1921 гг. семь книг: новеллу “Kokain” (Кокаин, 1918), поэтические сборники “Das tönende Herz” (Звучащее сердце, 1918), “Insel der Seligen” (Остров блаженных, 1918), сборник стихотворений, эссе и прозаических фрагментов “Der bunte Tag” (Пестрый день, 1919). В последние годы не мог писать из-за зависимости от наркотиков. Покончил жизнь самоубийством.

¹³ Возможно речь идет о книге М. Горького “Заметки из дневника” (Берлин 1924). Глубокие впечатления от чтения этой книги и желание ее перевести нашли отражение в письмах Синьорелли к Горькому осенью 1924 г.

11. 7.<1>924, Берлин
Münchenerstrasse 47
Pens. Kämpfe. 3 stok

Дорогая моя, Вы вероятно думаете, что меня уже нет на свете! Да, это-то почти что уже и так! Расскажу Вам вкратце этот ужасный месяц, за которым тоже ничего хорошего, как видно, не будет. И вот: “Накануне” ликвидирован окончательно, причем всех нас “ликвидировали” бессовестно. Уплатили следуемое по 15 июня за вычетом авансов, и мне пришлось получить 12 m. 27 pf. Результаты, конечно, не замедлили. Было нечем платить за комнату, конфисковали вещи: белье, книги, – все. Удалось только ночью вытащить чемодан с рукописями и работами. Мы оказались буквально на улице, под дождем, к тому же и выбора не было. Пришлось боком пристроиться в деревеньке возле Берлина у знакомых (почти в таком же положении), и началось медленное умирание с голоду, которое, конечно, длится и сейчас. Вот тут и случилось то, почему Вы, вероятно, получили письма и материалы обратно. Было воскресенье, почта заперта. Пойти дать адрес я не могла и поручила это одному “другу”, который запутался в собственных делах и *забыл* сходить для меня на почту. Я ждала, ждала, а в Берлин приехать

было невозможно. К тому же чувствовала себя физически ужасно, – совершенно без сил: ни физических ни телесных. Написать Вам – Вы не поверите – не было на марку денег! За всю мою жизнь не помню таких дней, такой оторванности от мира, отчаяния и злобы на хворь здорового в сущности человека. А со мной ведь сестра, и переживать это все нужно вдвое. Опять кое-как, невероятными усилиями, вернулась в Берлин, кое-как нашла комнату, как насмешка, – огромную, с четырьмя широкими голыми стенами. Если за это время не поможет случай, судьба, – из нее путь только в могилу. Законы берлинской жизни для человека безработного, – неумолимы. А надежд на улучшение собственно никаких. После “ликвидации” нас *так* осталось четверо. Издательства – их было 57¹ – все почти закрылись. Несколько дорабатывают начатое, сцепя зубы, потому что Россия запретила ввоз зарубежных изданий почти безусловно. Одним словом, в смысле литературного заработка, Берлин стал бесплодной иссохшей пустыней. Говорят, что с осени “Накануне” начнется в Париже,² но не наверно. А до осени, т.е. до сентября, октября, можно умереть с голоду сто раз. Мы ожидали при расчете жалования, как это вообще делается, за 2-3 месяца, тогда можно было бы продержаться. Но вот, обманулись.

Теперь об антологии: – думаю о ней с тоской, с мучением, – присылайте, я работаю, издатель ее хочет размером до 25 листов. Если за моим “исчезновением” прервется, это будет даже пикантно. Листов 12 и маленькое послесловие... Подействует на сбыт как нельзя лучше. Милая, не сердитесь, что так говорю! Это может случиться, у меня остается очень мало физических сил, а если раньше невольно уморю голодом сестру, так этого не переживу. Вам, может быть, как-то дико даже слушать такие слова! Мне и самой непонятно, как длинная, сложная, огневая в прошлом жизнь может кончиться как тараканья, заваренная в щели кипятком. Писать все это Вам мне несказанно горько, и предпочла бы я молчать, если бы не необходимость говорить о книге, которую должна довести до какого-то конца.

Ответьте мне скорее. Скажите, что мою невольную вину не ставите мне в счет. Был за этот месяц один такой день, когда даже огромное мое личное мужество было ни к чему. Вероятно, в Риме при Посольстве мне нашлось бы дело. Но ехать? Но дорога, визы, паспорта!.. Простите, если опечалю Вас этим письмом. Но как же я скрою жестокую правду? Тогда бы Вы ничего не поняли. Молчала из малодушия. Сесть к столу и писать все это – очень, очень трудно. Пишите же скорее. Успокойте итальянцев. Я работаю и буду, пока смогу. Целую Вас нежно, нежно.

Ваша душой Нина Петровская.

¹ В 1922 г. в Берлине насчитывалось 48 русских издательств, которые выпускали 145 наименований журналов (см.: Русская зарубежная литература: Издательская деятельность http://aleho.narod.ru/book/_russian_liter.htm). Ср. обзор литературной жизни русских берлинских изданий в статье Н. Петровской “Литературный Берлин: (Итоги)”, где она называет цифру 33 издательства (Накануне. 29 февраля 1924. № 50. С. 2-3).

² Этот проект не был осуществлен.

25

4. 6. <19>25

Берлин

Bayreutherstrasse 3. Pension Ewald

Дорогая моя! что Вы обо мне думаете? Может быть, Вы вычеркнули уже меня из списка людей *для Вас* живых? Может быть, не захотите больше знать обо мне? Но, верьте, мое “преступное” молчание этих месяцев *только на 1/4* происходило по моей вине. Виноват Струве,¹ который водил меня за нос и обманывал 15 месяцев: “вот пошлю завтра, послезавтра, через два дня, через неделю”. Только 8 дней назад он сказал мне определенно: “Извинитесь перед г-жой Signorelli, перед авторами, перед собирателем матерьяла, – я издать антологию не могу, я завишу всецело от Trovisch (это немец, владелец типографии и негласный владелец “Невы”), а он отказался издать”. В доказательство того, что “Нева” предполагала *навверное* издать антологию, я Вам прилагаю страницу из каталога их. *Почему же* Вам я не сообщила сейчас же о его обманах, – ах, не по небрежности и лени! Мы с сестрой за это время спасли себя сверхъестественным мужеством духа, ибо и хронически и остро умирали с голоду, – одиноко, запрятавшись от людей в нору. Пришлось жить крохотными итальянскими переводами для одного советского военного журнала (“Война и мир”).² Но с февраля он негласно прекратился. На Страстной и Пасхе передо мной уже была лишь “Залетейская страна”. Но и до этого было ужасно, ужасно. Руки опускались, люди, мир, дела, – все отошло в такую безмерную даль. Это и есть та 1/4 моей вины... Потому простите, поймите и не отвергайте меня! Материал антологии я могу Вам послать по первому требованию. Все цело. Недавно предлагала ее одному советскому издателю, – не хочет.³

Вообще, в издательствах здесь сплошная катастрофа. Я написала книгу “Воспоминаний” о Брюсове.⁴ Прочла из нее пять рефератов, была осыпана с ног до головы комплиментами, а продать до сих пор не могу. Предлагают такую цену, что лучше кому-нибудь подарить или сжечь. Струве же вообще человек не плохой, но молодой, легкомысленный до крайности и потому неверный ни в словах, ни в поступках. Если хотите, возьму от него нечто вроде расписки в его несостоятельности, что Вас (и меня) оправдает в мнении составителя о “русских

варварах”. Милая! если бы Вы только на меня не сердились, если бы простили, *любя*... Я возненавидела этого Струве, как причину нашего долгого разъединения. Сегодня собрала все мужество, пишу Вам, и пошлю письмо, закрыв глаза, точно бросаюсь в воду. Мне будет горько, горько, если Вы не ответите, если не простите *житейского* проступка, которого – клянусь Вам – я не хотела.

Как живу я сейчас – не знаю. Случаем, случайной и неверной работой с сжатым сердцем, с сцепленными зубами. Через 2 недели здесь будет один советский издатель, который просит у меня какой-ниб<уд> италийнский *социальный* и *художественно* написанный роман. *Новый* или *не очень*, – все равно. Это продлило бы мое существование месяца на три. Излечило бы, хотя временно, мою годовую прищемленность. Вот, – если бы Вы выбрали что-нибудь удачное и прислали мне по старой доброй памяти!.. Но нужно очень скоро, иначе он уедет в Москву, и тогда все пропало. Письменно это сделать будет невозможно.

Дорогая Ольга Ивановна, мне было безумно тяжело жить в вынужденном разрыве с Вами. Я Вас люблю глубоко и нежно, той любовью, какой любила прежде – прежних друзей. Здесь у меня нет никого. Не отлучайте меня от себя! Целую и обнимаю Вас крепко.

Ваша всегда и навсегда Нина П.

¹ О его издательстве см. в сноске 8 к письму от 11 июля 1923 г.

² В 1920-е гг. штаб Русской армии на чужбине выпускал собственные газеты и журналы. Среди толстых журналов выделялся “Война и мир”, который появился в 1922 г. в обстановке “сменовеховских” настроений в русской эмиграции и издавался вплоть до лета 1925 г., выполняя роль неофициального посредника между Красной Армией и русской военной белой эмиграцией. Главными редакторами были генерал-лейтенант М.И. Тиманов, генерал-лейтенант и профессор А. К. Кельчевский, полковник В. В. Колосовский. Среди сотрудников и авторов журнала числились русские офицеры и военные специалисты Е. Достовалов, С. Добророльский, А.Б. Шершевский, и др. См.: *Шинкарук И., Ершов В.* Российская военная эмиграция и ее печать, 1920-1939 гг. М.: Ипполитов, 2000.

³ Имя издателя установить не удалось.

⁴ По всей видимости так Н. Петровская называет свои “Воспоминания” (см. сноску 5 к письму от 18 мая 1923 г.), значительная часть которых посвящена Брюсову. См. характеристику их в письме Петровской к М. Горькому от 23 ноября 1924 г.: “Была у меня надежда на мою книгу – ‘Воспоминания’. Собственно о Валерии Брюсове и эпохе с ним связанной, личные и литературно-общественные” (*Garetto E.* *Intrecci berlinesi*. С. 140).

5. 9. <19>25, Berlino
 Bayreutherstr. 3
 Pens. Ewald

Дорогая Ольга Ивановна.

поверьте, – до чего мне тяжела вся эта история с *Антологией*, до чего отвратительно чувствовать себя “без вины виноватой” в деле, которое абсолютно мною не запутано и ясно, как Божий день, и успокойтесь – вполне поправимо. Объясню Вам все сначала и по порядку. “Нева” не выполнила многих обязательств по отношению ко многим лицам. Струве мне сделал личную неприятность только недавно (о ней ниже), а, не послав Вам условленной суммы, только подчинился владельцу И<здательст>ва, немцу Тровичу, который приостановил все русские книги и переводы. Струве в “Неве” лишь, более или менее, культурный наемник – на жалованьи – и послать деньги в Италию абсолютно не мог. Вина его в неискренности и нерешительности. Он *месяцами*, зная, что Трович денег не пошлет, обещал их послать. Лгал. Зачем, не знаю. Вероятно, ему было все же неловко – вот и все. Надо Вам сказать, что я в это время положительно висела в воздухе, лишившись “Накануне”. Уверяю Вас, *tra parte*,¹ что никакая перемена Вашей материальной жизни не выкинет Вас на такие берега нищеты и голода, где оказалась я. И скажу совершенно чистосердечно: в иные дни мне было ни до *Антологии*, ни даже до Вашего справедливого гнева – как говорится: хотя потолок бы на голову упал! Ничего подобного другому человеку *рассказать* нельзя. Если поймете – буду рада, не поймете – не удивлюсь. Поверьте одному – в таких условиях уже ничего не нужно и все трудно морально и невозможно материально. Все!

Помните, я наконец решилась и написала Вам. Было у меня предчувствие, что Ваше хорошее, даже скажу исключительно хорошее отношение ко мне этого испытания не выдержит. По тону Ваших писем понимаю, что не ошиблась. Но так я изменилась за эти годы, дорогая Ольга Ивановна, так “поумнела” и так свыклась с одиночеством среди людей, что никакие психологические феномены меня не убивают наповал, как прежде. И, употребляя слова “добрые хорошие отношения” я уже не вкладываю в них прежнего романтического смысла. Все на свете “*fino a un certo punto*”.² Антология поставила между *Вами* и мной это “*punto*”.³ Мне грустно, но ничего поделаться не могу! Простите за лирическое отступление – перехожу к делу.

Вы написали о Лидине.⁴ Я его видела, обо всем условилась. И тут Струве устроил мне гадость: обещал вернуть переводы и уехал на 1 1/2 месяца, ни сказав ни слова, ни оставив их. Переводить рассказы второй раз, оставляя на это время заработок, который кормил меня со дня

надень – оказалось абсолютно невозможно. Я ждала из Гарца⁵ Струве. Он, наконец, вернулся и вот до сих пор “ищет” рассказы в архивах “Невы”. Их можно считать погибшими вполне.

Считаю долгом чести выполнить взятое на себя обязательство – начала их переводить сызнова, отнимая часы от другой работы, т. е. сокращаю знач<ительно> всячески дневной бюджет. Но это ничего. Я могу послать Лидину 4 листа дней через 8. Но здесь возникает еще одно затруднение. Вами не учитываемое: рукопись в Россию по известным соображениям нельзя послать по почте. Нужно добыть дипломатического курьера. Сделаю все возможное – у меня есть связи – но если этот способ повлечет еще недельную задержку – за нее окончательно слагаю с себя ответственности. Кроме того могу послать только манускрипт, ибо переписка на машине для меня недоступна. Лидин хотел сделать два выпуска “Молодой Италии” и лишь потом печатать Антологию.⁶ Совершенно не представляю, как Вы пожелаете урегулировать материальную сторону дела. Когда Вы говорите, что сами сейчас нуждаетесь в деньгах, я не думаю, что Вы говорите лишь о гонораре для собирателя материала, которому Вы заплатили из своих средств. Сумма эта слишком ничтожна, чтобы могла Вас устроить или быть слишком ощутимым минусом. Вероятно, условия как-то изменились и Вы заплатили еще какие-нибудь авторские? Мне кажется, что вообще это переводчика, получающего по тарифу за лист не должно бы касаться ни в какой мере. Это дело издателя – так ведь условились было с “Невой”. Полагает ли Лидин, что московский издатель заплатит? Если нет, то конечно, пусть это вычтется из моего гонорара. И я буду счастлива искупить мои вольные и невольные вины. Лидин обещал, что будет платить марок 70-80 за лист. Вот сообразите. Говорю все это совершенно просто. Моим желанием было бы лишь одно (конечно, если мой гонорар превысит итальянский) – из каждых четырех листов отдавать, ну, хотя бы половину, ибо я не имею определенного заработка. Вот кажется и все.

За что Вы меня плохо судите во всем этом деле – не знаю. За так называемую “халатность” – но ее не было. Стечение обстоятельств сделало меня виноватой перед Вами... Что поделаешь! Убедилась на опыте, что люди не прощают неудобств, падающих на них через другого, а особенно если здесь замешан – так или иначе – денежный вопрос. Это фатально. В одном Вас могу уверить: кроме неприятностей и *потери Вас* в истории с Антологией я ничего не имела.

Итак – я совершенно к Вашим услугам. По мере подвигающихся листов буду их отсылать Лидину. С курьерами постараюсь устроиться во что бы то ни стало.

Всего доброго! С сердечным приветом.
Всегда Ваша Нина Петровская

¹ Между прочим (*ит.*).

² До определенной точки (*ит.*).

³ Точка (*ит.*).

⁴ Владимир Германович Лидин (наст. фамилия Гомберг; 1894-1979), русский советский писатель, в 1920-е гг. часто выезжал за границу, будучи командирован от частных издательств и от ГИЗа для заказов переводов русским писателям и поэтам за границей.

⁵ Горный район в северной Германии.

⁶ Речь идет о сборнике “Новеллы” (пер. Н. Петровской. М.: Огонек, 1926) с предисловием В. Лидина и “Молодая Италия: Рассказы современных итальянских писателей” (Пер. П. Ширяева, Н. Петровской и Л. Гольд. М.: Акц. изд. о-во “Огонек”, 1927); “Молодая Италия” не имела второго выпуска. Перечень включенных произведений см. в сносках к следующему письму.

27

23. 9. 1925

Berlin

Bayreutherstrasse 3, Pans<ion> Ewald

Дорогая Ольга Ивановна!

я Вам послала письмо в Латвию, очень подробное и заказное. Надеюсь Вы его получили.

Перевожу сейчас регулярно. Послала Лидину с курьером рукописи: Pirandello, Pea, Baldini, Bontempelli, Papini.¹ Borgese у меня безнадежно вместе с переводом затеряла “Нева”.² Не перевести ли 1/3- 1/2 листа из “Rubé”?³ Cecchi⁴ посылаю послезавтра и я думаю, что для двух выпусков “Молодой Италии” этого довольно?

Теперь, – напишите мне, что делать с остальным материалом Антологии? Пока не имею от Лидина известий, берут ли ее в Москву. У меня имеются: “Il collegio d’Urbino” – напишите чье,⁵ Ада Негри,⁶ Tommaso Gallarati Scotti,⁷ Bruno Barilli,⁸ Riccardo Bacchelli,⁹ Umberto Fracchia.¹⁰ (Corrado Alvaro и Collegio d’Urbino – вещи слабые). Еще Panzini¹¹ и Giovanni Cavicchioli.¹² Если Вы посылали что-либо еще и я не получила, то это совпало с тем периодом, когда я жила без квартиры и мои вещи были конфискованы. Длилась эта эпоха пять месяцев – за нее я отвечать не могу ни перед кем.

Очень прошу Вас ответить мне подробно, что я должна делать. Сейчас могу посвятить себя должной ликвидации моих обязанностей по отношению к Вам.

Итак, хочу надеяться, что Вы несколько после этого письма успокоитесь.

С сердечным приветом в ожидании скорого Вашего ответа.

Ваша Нина Петровская

¹ Речь идет о произведениях “Candelora” Л. Пиранделло, “L'uomo che non divenne imperatore” (“Человек, который не смог стать императором”) Дж. Папини и “L'isola di Irene” М. Бонтемпелли, которые составили сборник “Новеллы”; перевод рассказа Э. Пеа “Moscardino” был включен в столь же маленькую по объему антологию: “Молодая Италия: Рассказы современных итальянских писателей”. М. 1927; Энрико Пеа в сборнике дважды напечатан с ошибкой, как “Энрико Теа” (см. правку этой описки: *Una russa a Roma: dall'archivio di Olga Resnevič Signorelli*. P. 115-118). Можно предположить, что Н. Петровская послала В. Г. Лидину и рассказ Антонио Бальдини “Numa Pompilio”, который за два года до того был опубликован в “Накануне” (19 августа 1923. № 412), но он не был включен в указанные сборники.

² В “Молодую Италию” также были включены три рассказа Г. Борджезе, но в переводе Петра Алексеевича Ширяева.

³ Имеется в виду роман Джузеппе Антонио Борджезе “Рубэ”(Rubè.Milano 1921).

⁴ Эмилио Чекки (Emilio Cecchi, 1884-1966) – литературный критик и писатель, принадлежащий к литературному направлению “Новечентизм”. Какую его новеллу перевела Н. Петровская неизвестно, поскольку в печати она не появилась.

⁵ Упоминаемый Петровской рассказ неустановленного автора, по всей вероятности, связан с воспоминаниями поэта Джованни Пасколи (1855-1912), который учился в урбинской коллегии, принадлежащей монашескому ордену “Scolopi”, основанному св. Иосифом Каласанцио (см. стихотворение “L'aquilone” / “Воздушный змей”). Выражаю признательность Angelo Cardillo за ценное указание.

⁶ Об Аде Негри см. примеч. 10 в письме № 23.

⁷ Герцог Томмазо Галларати Скотти (Tommaso Gallarati Scotti, 1878-1966) – поэт, писатель и политик. Один из друзей Синьорелли.

⁸ О Бруно Барилли см. примеч. 10 в письме № 23.

⁹ Риккардо Баккелли (Riccardo Bacchelli, 1891-1896) – писатель.

¹⁰ Умберто Фраккиа (Umberto Fracchia, 1889-1930) – писатель, эссеист и журналист.

¹¹ Альфредо Панцини (Alfredo Panzini, 1863-1939) – писатель и литературный критик, приятель Синьорелли; см. его письма в фонде Синьорелли (ARI, VI, I. P. 57).

¹² Джованни Кавикьоли (Giovanni Cavicchioli, 1894-1964) – поэт, романист, литературный критик, антропософ. Один из ближайших друзей Синьорелли: в фонде APES сохранилось около 600 его писем.

ПИСЬМА М. Н. СЕМЕНОВА (1919-1926)

Публикация Владимира Кейдана

Михаил Николаевич Семенов (1873-1952) – журналист, переводчик, литератор, издатель, коммерсант.¹ Большую часть жизни (52 года из 79) он прожил в Западной Европе: в Германии, Швейцарии, Франции, 46 лет – в Италии. Его исход из дореволюционной России не был мотивирован серьезными политическими причинами: прямой угрозы для его жизни и свободы не существовало, хотя Охранное отделение вело за ним слежку и перлюстрировало всю его переписку с политэмигрантом-большевиком Владимиром Бонч-Бруевичем. Время от времени, пока не разразилась Первая мировая война, он приезжал в Россию по делам издательства Скорпион и журнала “Весы”, для покупки имения под Тарусой и его благоустройства и кратковременных встреч с женой и четырьмя маленькими дочками.

Среди его знакомых и друзей – дочь Достоевского Любовь Федоровна (она знакомит его с будущей первой женой, но брак вскоре распадается), три лауреата Нобелевской премии по литературе: Грация Делледа, Иван Бунин, Сальваторе Квазимодо, поэты и писатели: Брюсов, Балтрушайтис, Бальмонт, Маринетти, Унгаретти, Папини, Вяч. Иванов; философ Степун; художники: Феофилактов, Бакст, Модильяни, Пикассо, композитор Стравинский, импресарио Дягилев и великие танцоры его труппы: В. Нижинский и Л. Мясин. Все они часто пользовались его гостеприимством на вилле Мулино д’Арьенцо в Позитано.

В годы диктатуры Муссолини Семенов стал завсегдатаем римской виллы основателя Национального трудового банка (BNL) и министра финансов Артуро Озио, где был поваром и сотрапезником высших военных, государственных и партийных чиновников фашистской Италии, включая зятя Муссолини, министра иностранных дел графа Галеаццо Чано и директора тайной политической полиции (OVRA) Артура

¹ См. подробно о нем: Словарь русских писателей. 1800-1917. Биографический словарь. М. 2007. Т. 5. С. 555-557.

Боккини, не раз выручавших его из, казалось бы, безвыходных положений. Семенов был человек весьма контактный, обладавший даром очаровывать, эмоционально привязывать к себе людей и умело использовать эти связи. В 1920-е годы Семенов на деньги, ассигнованные Министерством национальной экономики (при поддержке А. Озио), вместе с будущим министром печати и пропаганды Эрманно Амикуччи купил целую флотилию катеров и стал основателем (по его словам) промышленного рыболовства в Италии, а в 1930-е – и удачливым рыборотловцем.

С 1926 года Семенов состоял в фашистской партии и сотрудничал с OVRA, снабжая тайную политическую полицию информацией о настроениях и разговорах среди высших фашистских иерархов на вакхических пирах у министра А. Озио. Во время англо-американской оккупации Южной Италии у него сложились теплые отношения с офицерами союзнических армий, что в очередной раз помогло ему избежать больших неприятностей.² Последние годы жизни Семенов провел на своей вилле в кругу друзей.³ Умер Михаил Семенов в неаполитанской

² “Когда в Позитано высадились союзники, он стал приглашать на обед американских офицеров, и видимо с их помощью добился персонального подключения к электросети по льготному тарифу; однако, после ухода военных, компания вновь подняла цену, Семенов заартачился, и ему отрезали провод. Это мало повлияло на его унылую жизнь: сидя на террасе под солнцем или при свете керосиновой лампы в закопченной кухне он как медиум вызывал духи прошлого” (*Napoletano G. G. Il Patriarca russo di Positano // Illustrazione Italiana. 1951. № 1. P. 8-14.*)

³ Итальянский биограф Семенова пишет: “Семёнов до последних лет жизни с радостью отдавался простым житейским удовольствиям: беседовал с друзьями, художниками и писателями, которые тогда жили в Позитано; был заводилой в попойках с рыбаками, играл в покер в Скважине Вакха. Приглашенные к нему на ужин съезжались на лодках, потому что, кроме овечьих горных тропинок, до его виллы можно было добраться только по морю. На этих застольях пели под гитару, пили вино Трамонти, ели рыбу, пойманную ‘примитивной’ сетью и зажаренную еще живой. Иной день сам Семенов приплывал на лодке из Позитано и часто, опустошив хорошую бутылку, пускался в поток воспоминаний, рассказывая невероятные и почти всегда правдивые истории” (*Knight C. Mikhail Nikolaevich Semenov, positanese d’adozione // Rassegna del Centro di cultura e storia amalfitana. № 11-12. 1996. P. 243-265.*) Последним (не считая В. Тейя), кто застал Семенова живым, но уже тяжело больным, на Мулино д’Арьенцо были немецкий литератор Курт Кремер и английский переводчик итальянской литературы Archibald Colquhoun. Они застали в саду около его виллы друзей последних лет его жизни: Бруно и Пупу Маркар и Изабеллу Кварантотти (кино-телережиссер, последняя жена Эдуардо де Филиппо). “Старый Семенов пил самогон, а его подруга Валерия Тейя прикуривала одну сигарету от другой, но беседа не прерывалась. Это был чудесный ясный вечер, когда родственные души, разделенные житейскими пустяками, соединились в самой глубине” (*Kraemer K. Mein Panoptikum. Hamburg 1965. P. 156.*)

больнице от рака гортани. Похоронен на позитанском кладбище вопреки завещанию бросить его тело в море, зашив в мешок. На оставленные им деньги был устроен поминальный пир для местных рыбаков, а позже поставлен на могиле бронзовый бюст.

Расставшись окончательно с семьей (без официального развода) и родиной, Семенов попеременно живет на Капри и в Позитано, а осенью 1916-го поселяется в Риме на *via Alessandro Torlonia*, но часто принимает гостей и устраивает шумные пиры в квартире своей состоятельной сожительницы, журналистки Валерии Тейя (*Valeria Teja*) на *via Quattro Fontane, 147*.⁴ Здесь он сблизается с кругом молодых литераторов и художников-футуристов. Вскоре он сделался посредником между ними и труппой “Русского балета” С. Дягилева, которая в октябре 1916 года прибыла в Рим и начала свое второе из пяти итальянских турне.

Во время гастролей Дягилев всегда нанимал на временную работу расторопного, практичного секретаря-администратора, обладающего хорошими связями, чтобы возложить на него всю тяжесть хлопот; в Риме его выбор пал на старого приятеля по кругу “Мира искусства” –

⁴ Как видно из предлагаемого документа, за Семеновым уже давно велось пристальное наблюдение агентами итальянских спецслужб: “Королевская Квестура Рима. № 934 В Министерство Внутренних дел, в Генеральную Дирекцию Государственной Безопасности, Секретный отдел. Рим. 14 августа 1919, Секретно. Объект: Де Семенофф Микеле, сын покойного Николая и покойной Марии Епанчиной, рожд. 15 марта 1873 в Москве, журналист, прож.: Ул. Алессандро Торлония, 15. Предложение о высылке из Итальянского Королевства. Нижеописанный российский подданный, ранее бывший римским корреспондентом петербургской газеты “Новое Время”, приверженный вину, постоянный посетитель увеселительных заведений, всегда вызывал политические подозрения, особенно во время войны. По оперативным сведениям занимается активной проюгославской пропагандой, по результатам оперативного расследования находится в тесных отношениях с сотрудниками Сербского представительства в Риме и регулярно посещает его. В моральном отношении также не проявляет добронравия, завел любовницу, некую Валерию Тейя, владелицу квартиры по ул. Кваттро Фонтане, 147, бросившую мужа. Семенофф эксплуатирует ее, живя за ее счет, проматывает ее деньги в пьяных ночных оргиях и кутежах, не занимаясь никаким полезным трудом, и не собирается менять образ жизни. Де Семенофф приехал в Италию в 1906 г. Согласно полицейским расследованиям и донесениям из достоверных источников (не подлежащих публичному оглашению) в 1909 году ему удалось избежать ответственности за соучастие в убийстве агента российской полиции, мертвое тело которого было впоследствии найдено в сундуке, оставленном в пансионе на улице Фраттина в Риме (курсив мой – В.К.). Его моральный уровень и подозрение в подрывной политической деятельности свидетельствуют, что этот субъект способен на противозаконные действия, угрожающие государственной безопасности и общественному порядку. Исходя из вышеизложенного, предлагаю данного субъекта выслать из Итальянского Королевства. Квестор Рима”.

М. Семенов, Л. Бакст и С. Дягилев. Шарж Пикассо. 1917 г.

Михаила Семенова. Никакой другой русский не мог лучше него удовлетворить, используя свои обширные связи, разнообразные и прихотливые потребности труппы. Так, например, вместо аренды дорогих репетиционных залов, где подготовка новых спектаклей проходила бы под пристрастным вниманием театралов, он снимает у крупнейшей страховой компании *Assicurazioni Generali* за весьма умеренную цену огромный подвальный этаж их главного здания, расположенного на площади Венеции, под ночные репетиции нового балета, чтобы сохранить их в глубокой тайне.

На это время приходится расцвет футуристического движения в Италии, особенно в области сценографии. Дягилев приглашает работать над декорациями к балетам многих виднейших представителей художественного авангарда, таких как Джакомо Балла и Фортунато Деперо, с которыми он познакомился через Семенова. Это отражено в сохранившихся документах того времени.⁵

⁵ *Archivi del Futurismo / Raccolti e ordinati da M. Drudi Gambillo e T. Fiori. Roma 1958. T. 1. P. 57; T. 2. P. 375.*

По окончании итальянских гастролей “Русского балета” Дягилева Михаил Николаевич пригласил друзей посетить его странный дом, вернее то, что должно было еще стать домом, в Позитано, городке, прилепившемся к прибрежным скалам Амальфитанского побережья.⁶

Точной даты, обстоятельств знакомства и сближения Семенова с доктором Анджело Синьорелли и его супругой Ольгой из наличных документов установить не удастся. Исходя из датировки первого письма, это произошло не позже 1918 года. Со временем дружеская близость и деловая доверительность их отношений возрастает настолько, что, уезжая на лето на Капри и в Позитано, Семенов оставляет Ольге ключи от своего рабочего кабинета в Риме. В публикуемом ниже письме среди неоднократных просьб к ней найти ту или иную книгу читаем: “Вы единственный человек, которому дан доступ в мою библиотеку”. Ядро этого обширного собрания составляли полные комплекты всех периодических изданий русских символистов: журналы “Мир искусства”, “Весы”, альманахи “Северные цветы” и вся книжная продукция издательства Скорпион, кроме того, здесь находились все отрецензированные в журнале “Весы” книги французских, итальянских и немецких авторов начала XX века, произведения русских классиков. К сожалению, проект издания в итальянском переводе тома избранных произведений философа-публициста Василия Розанова (1856-1919) с предисловием и комментариями Семенова, о котором говорится в письме от 17 марта 1919 года, не состоялся.

⁶ Фортунато Деперо описал путешествие от Капри до Позитано, к Мельнице Д’Арьенцо: “Через четыре часа после отплытия на парусной лодке с Капри мы причаливаем в окрестностях городка Позитано, расположенного на Амальфитанском побережье. Высаживаемся на диком пляже в узкой бухте, глубоко вдающейся в скалистый берег. На вершинах скал виднеются руины сарацинских башен. Поодаль от маленькой пристани, рядом с пляжем Арьенцо громоздится полуразрушенная, уже не действующая водяная мельница. Жернова ее вращались от холодного ручья, текущего с горы Сант-Анджело и завершающегося каскадом, падающим в море. Семенов приобрел ее у мельника Д’Урсо на деньги, заработанные у Дягилева во время гастролей. Он намеревался освободить строение от мельничной машины и превратить его в виллу, где можно подолгу жить. Заходим внутрь. Кровать, белье на веревке и кухня теснятся среди колес, желобов, блоков, каменных жерновов, ступ, пестов, зубчатых колес и рухнувших балок. Хаотическая картина предметов, вытесанных топором, выточенных на токарном станке, вырезанных из дерева. Деревянное примитивное оборудование, шедевр народной смекалки. Следы ударов топора еще явственны, как на незаконченной скульптуре” (*Depero F. Fortunato Depero nelle opere e nella vita. Trento: Tip. Mutilati e invalidi, 1940. P. 207-208.*)

Михаил Семенов. 1910-е гг.

Публикуется весь корпус из 12 писем М. Н. Семенова к Ольге Синьорелли, которые хранятся в FSFC. Ответные письма хранились, видимо, в домашнем архиве Семенова в Позитано, бесследно исчезнувшем после его смерти. Этот архив, содержавший множество писем его выдающихся современников, фотографий и рисунков знаменитых художников, был продан старьевщику. Книги из его библиотеки были разделены между библиотеками Неаполитанского и Колумбийского университетов.⁷ Свою жизнь, полную приключений (отчасти вымышленных), Семенов описал в двухчастных мемуарах и нескольких очерках: “Il delitto di via Frattina. Un’oscura vendetta ebraica” (Quadrivio 1939. № 17), “Come fui espulso dall’Italia. Un russo bianco racconta” (Quadrivio № 31), “Vacco e sirene. Memorie di M. N. Semenov (Roma 1950),⁸ “Mulino d’Arienzo. Memorie di un pescatore” (Il Giornale. № 302-349, 26 ottobre-9 dicembre 1951), “На бездорожье. Воспоминания молодости” (Русская мысль. 1950. № 206-253), “Un pescatore russo a Positano”, a cura di V. Keidan, Amalfi 2011.

⁷ Knight C. Mikhail Nikolaevich Semenov, positaneese d’adozione. P. 243-265; Gummerus E. Italienska vandringar. LT: Halmstadt, 1966.

⁸ Семенов М. Н. Вахх и Сирены. Сост., подг. текста, пер. с итал., комм. В. И. Кейдана, вступ. статьи В. И. Кейдана и Н. А. Богомолова. М.: НЛЮ, 2008.

1

23 февраля 1919, Капри

Многоуважаемая Г-жа Синьорелли,

только сегодня дошло до меня Ваше письмо. Не знаю, находятся ли в моей библиотеке книги, которые Вы ищите, но, во всяком случае, если Вы желаете – Вы можете пойти ко мне на *via Alessandro Torlonia* и поискать их среди русских книг. В моей квартире живет американец Кол,¹ которому я пишу о возможности Вашего посещения. Так как он служит в американском посольстве, то в будничные дни его трудно застать дома, поэтому лучше выбрать для этого воскресенье, или же сговориться с ним по телефону (№ 35).

Книги, которые остались у Вас, пожалуйста, не возвращайте, а держите их у себя.

Желаю Вам всего хорошего. Привет Вашему супругу.

Уважающий Вас М. Семенов

Мой адрес до 15 мая: Capri, villa Floridiana

¹ Неустановленное лицо.

2

17 марта 1919, Капри

Многоуважаемая Г-жа Синьорелли,

очень сожалею, что Вы не нашли в моей библиотеке тех книг, которые Вам были нужны. Благодарю Вас за присланный перевод брошюры Бердяева, которая, при всех ее достоинствах, в данный политический момент является печальной иронией!¹

Что касается Розанова, то я считаю его самым выдающимся современным русским писателем и давно рекомендую его для перевода итальянцам.² Из “Итальянских впечатлений” вряд ли можно выбрать достаточно для интересной книжки, разве только – первое, кажется, “Страстная неделя в Риме” и маленького, но удивительно живописного очерка о Пестуме.³

Другое дело “Уединенное” и 2 тома “Опавших листьев”.⁴ Из этих трех книг можно сделать прекрасную одну, назвав ее Афоризмами, оставив в стороне все личное, семейное и исключительно русское, текущее. Там масса блестящих литературных характеристик (Толстого, Горького, Достоевского и др.), много драгоценных философских мыслей и парадоксов, в которых Розанов очень приближается к Ницше, а временами даже превышает его. Самое главное затруднение – это язык, настолько своеобразный, что для него надо подыскать соответствующую

щую итальянскую форму. Розанов пишет не обыкновенным литературным языком, а славянской вязью!

Если Вы решитесь на этот труд, то я могу указать Вам еще множество писаний Розанова, разбросанных в разных периодических изданиях и не изданных еще отдельными книгами. Вообще следовало бы предпослать переводу критический очерк о Розанове и поместить его портрет. Есть прекрасный – работы Бакста, напечатанный когда-то в “Мире Искусства”. С тех пор Розанов мало изменился.⁵

Итак, желаю Вам успеха в Вашем предприятии и остаюсь уважающим Вас М. Семенов

¹ Речь идет об очерке Н. Бердяева “Душа России”, впервые опубликованном по-русски в 1915 году, а в переводе на итальянский – Ольгой Синьорелли: *L’anima della Russia // La Voce dei popoli*. 1919. № 10-11. Прошедшие с момента первой публикации четыре года революции и гражданской войны изменили читательское восприятие этой работы: тон мистико-романтических упований сменился на катастрофический.

² Семенов еще не знает, что за полтора месяца до написания этого письма, 2 февраля 1919 года, В. В. Розанов скончался от голода и болезни сердца в Сергиевом Посаде, успев выпустить серию очерков “Апокалипсис нашего времени” (1917-18) о российской национальной катастрофе.

³ *Розанов В.* Итальянские впечатления. СПб.: Издание А. С. Суворина. 1909. Эта книга содержит главы: “Страстная неделя в Риме”, “Пестум”. Впервые по ит.: *Rozanov Vasilij. Impressioni italiane // Slavia* 2000. № 4.

⁴ *Розанов В. В.* Уединенное. СПб. 1912; *Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб 1. СПб. 1915; Короб 2. СПб. 1915.

⁵ Речь идет о живописном портрете В. В. Розанова, сделанного Л. Бакстом в 1901 г. (Третьяковская галерея).

3

28 марта 1919, Капри

Многоуважаемая Г-жа Синьорелли,

получил Ваше письмо и спешу сообщить Вам, что на будущей неделе я еду в Рим, где пробуду около двух недель, так что мы успеем переговорить относительно выбора произведений Розанова и пр.

Уважающий Вас М. Семенов

4

1 мая 1919, Капри

Многоуважаемая Г-жа Синьорелли,

вчера я отправил Вам Розанова: 2 тома “Опавших листьев” и 1 – “Уединенное”. Я отметил крестом то, что, по моему мнению, возможно

перевести на итальянский язык, но должен признаться, что отмеченное меня совершенно не удовлетворяет, так как даже отдаленно не дает представление о литературном облике автора. В этих трех томиках так много личного, семейного, православного, так много яркой полемики с разными лицами, совершенно незначительными, порою малоизвестными даже среднему русскому читателю, что нет никакой возможности переводить всего этого на итальянский язык, а между тем, тут-то и заключается весь Розанов, со всеми своими ужимками, юродствованием и то тут, то там разбросанными вспышками гениальности.

Приходится отбросить также почти все о Церкви, ибо это может быть понятно тому, кто знаком с большим трудом Р<озано>ва “У церковных стен”.

То же самое и относительно сексуальных тем, развода и пр. Что же остается? Остается множество афоризмов, порою гениальных, которые могут дать совершенно ложное представление об авторе, как о любителе блеснуть остроумием, парадоксом, словесном виртуозе, заслонив его набожный, страдающий лик, так приближающий его к Достоевскому.

Вот Вам мое мнение. Если же все-таки хотите переводить – желаю Вам всяческого успеха и с удовольствием напишу к Вашему переводу предисловие, если Вам будет это желательно.¹

Благодарю Вас за присланное перед моим отъездом из Рима вино. Оно сократило мой переезд до Неаполя, наполнило радостью мое сердце, и разукрасило яркими цветами мимо бежавший пейзаж!

Всего Вам хорошего! Ваш М. Семенов.

¹ Перевод и издание не состоялись. Через 30 лет Ренато Поджоли, итальянский исследователь творчества Розанова, делает вторую попытку издать небольшой том избранных сочинений мыслителя. В четырех письмах Ольге Синьорелли он обсуждает его состав (см. письма Р. Поджоли Ольге Синьорелли с 28 июля 1948 г. по 17 ноября 1949 г. в FSFC – ARI, VI. Т. I. P. 59). Этот проект по неизвестным причинам также остается неосуществленным. В сводном каталоге итальянских библиотек не найдено ни одного итальянского перевода сочинений Василия Розанова ранее 1976 г. Первая критическая монография итальянского филолога о Розанове была опубликована на английском языке: *Poggioli R. Rozanov*. New York: Bowes & Bowes, 1957. Первый итальянский перевод: *Rozanov V. Foglie cadute. Solitaria. Prima cesta. Una cosa mortale*. A cura di A. Pescetto, con un saggio di A. M. Ripellino. Milano: Adelphi, 1976.

2 октября 1919

Многоуважаемая Г-жа Синьорелли,

М-ме Тея Вам расскажет все, что произошло со мной.¹ Я ровно ничего не понимаю, в чем меня обвиняют. Обращаюсь ко всем моим

друзьям, также и к Вам. Может быть, Ваш супруг имеет связи в политических кругах и может помочь мне чем-либо.

Преданный Вам М. Семенов

¹ Речь идет о предполагаемой высылке Семенова из Италии как “нежелательного иностранца”. Решение принималось на высшем уровне, как следует из документов, сохранившихся в личном досье Семенова.

6

20 ноября 1919, Капри

Многоуважаемая Г-жа Синьорелли,

я наконец-то добрался до Капри. У меня к Вам большая просьба: я забыл взять из своей библиотеки одну книгу, которая мне очень нужна. Не будете ли Вы добры (кроме Вас мне некому поручить этого) пойти ко мне и отыскать в русских книгах эту нужную мне книжку. Она называется *Елец* “Повальное безумие”. Небольшая книжка в синей обложке (без переплета).¹

В Неаполе я остановился только на 3 часа и не видел Вердину,² но вскоре надеюсь поехать в Неаполь и тогда сообщу Вам, в каком положении находится у него перевод Достоевского.

Шлю Вам и Вашему супругу мой сердечный привет.

Ваш М. Семенов

Адрес: Semenoff, Capri.

¹ *Елец* Ю. Л. Повальное безумие (К свержению ига моды). СПб. 1914. Изд. Пятое. Типография Штаба Войск Гвардии и Петербургского Военного Округа. В книге автор размышляет о моде как “о самом жгучем и больном вопросе в современной общественной и семейной жизни”, о ее пагубном влиянии на женщин.

² Федерико Вердинуа (Federigo Verdinois, 1844-1927) – писатель, журналист, заведующий кафедрой русской литературы в Восточном институте в Неаполе, переводчик со многих европейских языков. В его переводе вышли романы Достоевского “Бедные люди” (“Povera gente”. Lanciano: Carabba, 1917), “Подросток” (“L’adolescente”. 4 voll. Lanciano: Carabba, 1924), “Идиот” (“L’idiota”. 4 voll., Lanciano: Carabba, 1927). Возможно, имеется в виду перевод романа “Преступление и наказание” (“Delitto e castigo”, 4 voll. Lanciano: Carabba, 1922) или изданный в том же году во Флоренции перевод повести “Неточка Незванова” (“L’orfana. Nictoc’ka Nesvànova”. Trad. di Federico Verdinois. Firenze: La Voce, 1922).

7

11 мая 1920, Позитано

Многоуважаемая Г-жа Синьорелли,

снова решаюсь беспокоить Вас моей убедительной просьбой. Когда Вы будете в моем ателье, очень Вас прошу отыскать среди француз-

ских книг книгу Albert Thibaudet “La poesie de Stéphane Mallarmé” (книга довольно большого формата в переплете mezzo pergamino).¹ Очень буду Вам обязан, если Вы эту книгу вышлете мне сюда в Позитано (Positano, prov. di Salerno).

Кроме того, мой приятель Конради² передаст Вам одну книгу, также на французском языке, которую прошу Вас поставить в мою библиотеку. Мне очень совестно затруднять Вас этими поручениями, но Вы единственный человек, которому дан доступ в мою библиотеку.

Я поселился в Позитано на все лето и вскоре жду сюда своих друзей Стравинского, Маринетти и др.³

Шлю мой искренний привет Вашему супругу и благодарю за хлопоты. Преданный Вам М. Семенов.

Mulino d'Arienzo. Амальфитанское побережье. 1915 г.

¹ Альбер Тибодет (Albert Thibaudet, 1874-1936), французский литературный критик и историк литературы. Его книга “Поэзия Стефана Малларме” (La poésie de Stéphane Mallarmé. Paris: Gallimard, 1912) издана в формате тома энциклопедии.

² Вероятно один из представителей семьи Конради, осевших в России швейцарцев, владельцев кондитерских фабрик.

³ О предполагаемой поездке в Италию Стравинский сообщает в письмах к другу и композитору Джан Франческо Малипiero: в апреле 1920 г. Семенов обещает зарезервировать для Стравинского квартиру в Риме на улице Маргутта. Затем композитор собирается приехать на летние месяцы в дом Семенова в Позитано (письмо от 8 марта 1920 г.). Там же Семенов берется разместить и родственницу Стравинского Белянкину. <http://www.rodoni.ch/malipiero/strawinsky.html>. О приезде Маринетти в Позитано сведений не найдено.

8

29 мая 1920, Позитано

Многоуважаемая Г-жа Синьорелли,

несколько дней тому назад я получил книгу о Малларме, за что Вас очень благодарю. Обращаюсь к Вам снова, но на сей раз не по личному делу. У меня есть приятель, Федор Федорович Коммиссаржевский,¹ родной брат знаменитой Веры Федоровны.² Несколько месяцев тому назад он удрал из Москвы в Варшаву, где очутился без всяких средств. Мы помогли выбраться ему из Варшавы и рекомендовали его в Лондонский Covent Garden как режиссера. Он с большим успехом поставил там “Ревизора” Гоголя. Но теперь он пишет мне отчаянные письма, так как задыхается от лондонского климата и людей.³ Ему страшно хочется устроиться в Италии, хотя бы при какой-нибудь кинематографической фирме. Он очень талантливый человек, был режиссером драмы, оперы и балета, преподавал сценическое искусство, работал как декоратор и костюмер и говорит на разных языках. Женат, и жена его с успехом работает в кинематографе как артистка.⁴

Нельзя ли что-нибудь сделать для него? Нет ли у Вас знакомств в кинематографических кругах? Может быть Дузе,⁵ которая очень ценила его покойную сестру, могла бы рекомендовать его? Он может внести много интересного и нового в итальянскую сцену как режиссер и декоратор.

Постарайтесь, пожалуйста, и извините, что я снова утруждаю Вас.

Сердечный привет Вашему супругу.

Уважающий Вас М. Семенов

¹ Федор Федорович Коммиссаржевский (1882-1954), театральный режиссер-новатор, декоратор. В 1903 г. стал одним из пайщиков и режиссеров театра, основанного его сестрой, знаменитой актрисой В.Ф. Коммиссаржевской, где работал вместе с Вс. Э.

Мейерхольдом. С 1910 г. переехал в Москву и работал в антрепризе К. Н. Незлобина. В 1910 г. основал театр имени Веры Коммиссаржевской. В 1919 г. уехал в Шотландию для участия в эдинбургском театральном фестивале. Эта поездка совпала с решением навсегда оставить Россию и переехать жить на Запад. Он открыл в Лондоне школу актерского мастерства и преподавал в Королевской академии театрального искусства (Royal Academy of Dramatic Art). В 1927 г. Коммиссаржевский работал в Италии, где осуществил постановки опер Моцарта, Россини и др. Большой успех имела драматическая инсценировка “Пиковой дамы” Пушкина в театре Н. Балиева “Летучая мышь”, показанная вначале в Париже (1931), затем в других странах. См. статью о нем В. Иванова в: Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь. М. 1997. С. 299-301. Излагаемые в этой статье биографические факты значительно расходятся с фактами, приводимыми Семеновым.

² Вера Федоровна Коммиссаржевская (1864-1910), русская драматическая и трагедийная актриса и режиссер, прозванная “русской Дузе”.

³ По мнению самого Ф. Ф. Коммиссаржевского, в Англии он попал на подмостки другой театральной эпохи, куда еще не ступала нога реформаторов (его высказывание: “Шекспир здесь играет как в Чухломе”), он своими спектаклями осуществлял миссию посредника между русской и западной культурами. В частности, для англичан он открыл драматургию Чехова, Гоголя, подготовил почву для реформ П. Брука и П. Холла. В 1919 г. в лондонском театре Ковент Гарден поставил оперу Бородина “Князь Игорь”; в 1920 г. пьесы “Сестра Беатрис” Метерлинка и “Ревизор” Гоголя в Duke of Yorks Theatre, “Шестеро персонажей в поисках автора” Пиранделло в Kingsway Theatre. На сцене лондонского Театра Корт поставил “Павла I” Д. С. Мережковского, “Мистера Прохак” А. Беннета, а для национального фестиваля в Голихеде – “Борьбу за престол” Х. Ибсена. В Драматическом обществе Оксфордского университета им поставлены “Король Лир” У. Шекспира (1927), “14 июля” Р. Роллана (1928); в Аполло-театре – “Латунное пресс-папье” по роману Достоевского “Братья Карамазовы” (1928). В Мемориальном Шекспировском театре в Стратфорде-на-Эвоне Коммиссаржевский осуществил цикл постановок шекспировских пьес: “Венецианский купец” (1932), “Макбет” (1933), “Король Лир” (1936), “Укрощение строптивой”, “Комедия ошибок” (обе 1939). В 1939 г. режиссер переехал в США. Среди его американских постановок “Русский банк” (соавтор, 1940), “Преступление и наказание” по Достоевскому (1947), “Цимбелин” Шекспира (1950) и др. Преподавал в Королевской академии драматического искусства в Лондоне.

⁴ Пегги Эшкрофт (Peggy Ashcroft, 1907-1991), британская кинозвезда, впоследствии ее брак с Коммиссаржевским был расторгнут.

⁵ Знаменитая актриса Элеонора Дузе (1858-1924) была близким другом Ольги Синьорелли. См. ее письма к Синьорелли: ARI, VI. T. I. P. 321-346.

22 августа 1921

Дорогая Ольга Ивановна,

получил Ваше письмо здесь, в Позитано, где живу все лето и, наверное, проживу еще долго. Относительно “Мира искусства” я ничего

не знаю. Впрочем, я ничего вообще не знаю, так как живу здесь самым примитивным образом: занимаюсь рыбной ловлей и ни с кем не переписываюсь. Если Вы проживете еще долго в Сорренто, очень будем рады видеть Вас в Позитано. Сердечный привет Вашему супругу.

Искренне Вам преданный М. Семенов

10

8 января 1923, Позитано

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

на мою голову свалилось большое несчастье: как Вы увидите из прилагаемого письма, мой хозяин гонит меня с квартиры.¹ Я действительно не знаю, куда деваться с книгами и мебелью. Для меня это полное разорение, только Ваш супруг может спасти меня. Может быть, ему удастся убедить Бернабея оставить за мной мою квартиру. Я в этом доме живу уже 9 лет, плачу исправно. Одно только хозяин не хочет понять, что мое отсутствие из Рима вынужденное. Когда я возобновлял с ним контракт, я был вполне уверен, что зимой вернусь в Рим, но дела, которые я предпринял здесь, пошли неудачно и я принужден был остаться здесь.² Очень прошу Вас ходатайствовать перед Вашим мужем, прося его съездить к Бернабею и убедить этого последнего оставить за мной квартиру. Я готов увеличить плату за нее, лишь бы он позволил мне в мое отсутствие уступать ее моим друзьям, вроде Коля,³ ибо закон не позволяет держать квартиру пустой. Я ведь не собираюсь покидать навсегда Рима, и лишь только дела мои пойдут немного лучше, снова вернусь в Рим.

Пожалуйста, помогите мне в этом деле. Я и М-ме Тейа шлем вам и Вашему супругу наилучшие поздравления и приветствия.

Ваш М. Семенов

¹ Письмо не сохранилось.

² Речь идет о неудаче с рыболовецким кооперативом.

³ См. упоминание этого друга Семенова в письме № 1 (неустановленное лицо).

11

18 января 1923, Позитано

Многоуважаемая Ольга Ивановна, с нетерпением жду ответа на мое письмо, сделал ли что-нибудь ваш супруг для меня?¹

С искренним приветом Ваш М. Семенов.

¹ Речь идет о ходатайстве перед домовладельцем (см. предыдущее письмо).

Михаил Семенов. 1920-е гг.

12

16 августа 1926, Terracina¹

Многоуважаемая Ольга Ивановна,
от моих приятелей, Вячеслава Иванова и Муратова, я узнал, что Вы недавно вернулись с острова Роди.²

У меня к Вам большая просьба. В министерстве национальной экономики мне сказали, что губернатор острова Роди, Sign. Lago,³ обратился в это министерство с просьбой, чтобы ему прислали две лодки (raganze a vela)⁴ для пробы рыбной ловли около острова Роди.

Как Вам известно, я занимаюсь рыбной ловлей на моторных лодках и был бы очень рад пуститься в путешествие на Роди, если бы удалось убедить г. Лаго взять вместо устарелого типа парусной лодки – современные моторные кутера,⁵ что конечно будет гораздо больше импортировать на местное население. В случае большого количества рыбы – легко можно устроить на острове консервную фабрику, что очень бы понравилось даже самому Муссолини, который всячески стремится развивать национальную промышленность.

Так вот, зная Ваши хорошие отношения с г. Лаго, очень Вас прошу передать ему и поддержать мое предложение. За три года рыболовства у меня образовалась очень большая практика, и я могу перевести и привить на острове Роди всевозможные известные мне способы рыбной ловли.⁶

Перешлите, пожалуйста, ему прилагаемую статью о моих лодках.⁷ Я пробуду здесь в Terracina до будущего воскресенья (Hotel Marina), а потом мой постоянный адрес Positano (Salerno).

Искренний привет Вашему супругу, дружески жму Вашу руку.

Ваш М. Семенов

¹ Порт приписки катеров, принадлежавших рыболовецкому кооперативу, организованному Семеновым и Валерией Тейя.

² *Роди*, Родос, остров в Эгейском море, с середины XVI века до 1912 г. принадлежал Турции, затем был оккупирован Италией. В 1947 г. Родос был передан Греции.

³ Марио Лаго (Mario Lago, 1878-1950), юрист, дипломат, с 1923 по 1936 г. итальянский губернатор острова Родос и Додеканеса. Разработал обширный план модернизации инфраструктуры Родоса и Архипелага. Лаго был близким другом Синьорелли; около ста его писем сохранилось в FSFC (ARI, VI, T. I, P. 46-47). Об этой поездке Синьорелли на остров Родос см. в ее письме к Н. Н. Берберовой от 29 апреля 1926 г. в первом томе наст издания и ее статью "Rodi: la città murata" (La Gazzetta di Puglia, 6 maggio 1926).

⁴ Рыбацкая лодка с косым (латинским) парусом.

⁵ Так в подлиннике; современная форма – *катера*.

⁶ Этот проект на острове Родос не был осуществлен. В своих мемуарах Семенов утверждает, что, несмотря на неудачу рыболовецкого кооператива, его опыт был оценен специалистами: итальянское "Министерство национальной экономики снабдило меня официальным документом, который гласил, что такой-то (имя, фамилия) командирруется для проведения пропаганды новой технологии ловли рыбы, организации докладов и конференций и т. д. Рекомендовалось всем официальным лицам оказывать ему содействие в этом" (Семенов М. Н. Вакх и сирены. С. 387). Однако первая же попытка внедрения этой технологии среди рыбаков Кротоне потерпела неудачу.

⁷ Статья о новых технологиях рыбной ловли с применением моторных судов, изобретенных Семеновым и его командой, была опубликована в газете "L'Ora" (Палермо) в первой половине 1920-х годов. Вырезки из газеты с текстом статьи не сохранились. Из-за отсутствия точной даты публикации выявить ее текст не удалось.

ДРУЖБА ПОД ЗНАКОМ ТРЕХЪЯЗЫЧИЯ:
О ПИСЬМАХ НИКОЛАЯ СЕМЕНТОВСКОГО-КУРИЛО
К ОЛЬГЕ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ (1939-1949)

Публикация Маттео Бертеле

Переписку Николая Сементовского-Курило (1901-1979) составляют шестьдесят семь писем, написанных Ольге Ресневич-Синьорелли в Рим и Сан-Ремо в течение десяти лет (1 октября 1939-25 июня 1949). Пятьдесят одно письмо на итальянском, тринадцать – на русском и три – на немецком языках; на немецком языке написаны также многие приложения к письмам, по большей части корректуры или рецензии на произведения Сементовского-Курило, опубликованные в Германии и Швейцарии. Трехязычие характерно не только для переписки *in-toto* (что позволяет предположить, что и Ольга Синьорелли в своих ответах использует три языка), но и для отдельных писем: хотя эти письма написаны на каком-то одном основном языке, Сементовский часто вставляет идиоматические выражения на другом языке, в полной уверенности, что адресат поймет все оттенки лексических значений. Эта особенность переписки, а также пространственный, с многочисленными повторами стиль многих писем, для которых характерны длинные сложносочиненные предложения, трудные для перевода, явились факторами, обусловившими решение опубликовать обзор всей корреспонденции, из которой цитируются наиболее выразительные и показательные отрывки.

Николай Сементовский-Курило родился в 1901 году в Полтавской губернии, в богатой семье дипломатов и ученых. В 1920 году, во время Гражданской войны, после вынесения смертного приговора был вынужден бежать в Берлин, где одновременно с литературной работой занимался журналистикой, публикуя рассказы и стихи в немецких периодических изданиях. Его мультиэтническое происхождение (в нем смешалась итальянская, польская, австрийская и критская кровь), а также его научные исследования и интересы способствовали формированию

глубоко транснационального *Weltanschauung*, усиленного в 1924 году присоединением к Панъевропейскому союзу графа Куденхове-Калерги.¹ В 1933 году, после прихода к власти национал-социалистов, Сементовский-Курило оставляет Германию и начинает свои странствования между Швейцарией, Италией, Францией и Испанией, отмеченные частыми приездами в Сан-Ремо.² Именно здесь осенью 1939 года он был представлен Ольге Синьорелли одной знакомой по русской колонии в Сан-Ремо, которая писала:

Направляю к Вам одного молодого человека, русского, литератора, которым мы очень интересуемся, он сейчас благодаря событиям очутился в ужасном положении, попросту голодает. Зовут его Сементовский, он до 33 года, т.е. до воцарения Гитлера, был и работал в Германии, писал книги и статьи – он сам Вам все расскажет, а Вы, моя добрая, хорошая, выслушайте его терпеливо. Он ищет литературной работы или уроков немецкого языка – к физической работе он не способен, т.к. больной и слабый. Возьмите его под свое крылышко, дорогая.³

Встреча с Ольгой, названная “незаменимым даром судьбы”,⁴ происходит в особенно трудный период для Сементовского-Курило, отяго-

¹ Рихард Николаус Куденхове-Калерги (Richard Nikolaus Coudenhove-Kalergi, 1894-1972) – австрийский философ, писатель, политик, основатель в 1922 г. Панъевропейского союза, куда вошли Альберт Эйнштейн, Томас Манн, Зигмунд Фрейд и др. В качестве принципов единой Европы были выдвинуты: свобода, мир, экономическое процветание и культура, которые противопоставлялись национализму, расцветшему после Первой мировой войны. Деятельность по объединению Европы – стало делом всей его жизни.

² Биографические сведения о Сементовском-Курило, относящиеся к периоду между 1933 и 1939 гг., достаточно скудные и часто противоречивые. В одной его публикации 1960-х годов читаем, что он в 1933-1934 гг. работал в Сан-Ремо преподавателем иностранных языков, но в 1934 г. провел год на Ибице, после чего жил в Барселоне и Париже (см.: *Guarino G., Sementovsky Kurilo N. Nicola Sementovsky Kurilo. Milano: Arti Grafiche Setti, 1961*). В письме Сементовского-Курило к Синьорелли от 30 декабря 1939 г. автор, приводя слова своего друга Марко Спаини, пишет, что прожил семь лет в Сан-Ремо, в то время как в письме от 10 июня 1940 г. он говорит о четырех годах, проведенных на Ривьере. По-видимому, можно говорить о периодическом пребывании Сементовского в Сан-Ремо на протяжении этих семи лет. Это объясняет в какой-то степени факт, что до начала 1940-х гг. он не говорил и не писал правильно по-итальянски.

³ Письмо М. Баумгартен к Синьорелли из Сан-Ремо от 1939 г. на русском языке (FSFC, папка “Baumgarten”). Это рекомендательное письмо сопровождается запиской, написанной по-французски самим Сементовским-Курило, в которой он просит Ольгу о встрече (письмо Н. Сементовского-Курило к Синьорелли от 1 октября 1939 г.).

⁴ Письмо Н. Сементовского-Курило к Синьорелли, Сан-Ремо, 5 ноября 1939 г., на немецком языке.

щенный болезнями и экономическими проблемами;⁵ он нашел в своей соотечественнице надежную и отзывчивую собеседницу, а также, возможно, получил от нее действенную медицинскую помощь; он открыто признавался ей в первом же письме:

Из желания стрясти с себя все ложное и полное предубеждения, чужое и ненужное и, прежде всего, продвинуться к истине собственного существа, несмотря на всю заранее известную неизбежную критику, кривотолки и нападки, возник “Священный Круг” как первая попытка на созидательном жизненном пути.⁶

Ольга Синьорелли с самого начала оказывала помощь Сементовскому-Курило, представляя его своим знакомым итальянским издателям, отправляя ему различные книги на русском языке. Особенно востребованными были произведения Достоевского и работы о нем, поскольку Сементовский готовил исследование о писателе. Кроме того, она посылала книги и на немецком языке, среди которых были книги Бернта фон Гейзелера, писателя, в жизни и творчестве которого, так же как и в судьбе Сементовского и Ольги Синьорелли, пересекались русская, итальянская и немецкая культуры. Одна из посланных книг, “Die gute Welt” (“Благостный мир”), была сурово раскритикована Сементовским-Курило в письме, направленном автору через Синьорелли,⁷ которая, по понятным причинам, решила не доставлять его по адресу и не обращать на него особого внимания: в 1945 году роман должен был выйти в Италии в переводе Альберто Спаини именно бла-

⁵ Сементовский-Курило был прооперирован в начале 1940 г., что засвидетельствовано в письме к О. Синьорелли, отправленном 20 января из Немецкой больницы Сан-Ремо.

⁶ Письмо от 5 ноября 1939 г., на немецком языке. Упомянутая книга – *Sementowski-Kurilo N. Der heilige Kreis. Europa und das unsichtbare Russland*. Frankfurt am Main: Societäts-Verlag, 1936. Книга “Священный круг. Европа и невидимая Россия”, первая монография Сементовского-Курило, представляет собой экскурс в русскую историю, начиная с династии Рюриковичей и до Ленина. Книга посвящена памяти матери, Веры Дмитриевны Альфераки (Ростов, 1870 – Эстония, 1920), происходившей из семьи ревностных католиков из Вены. Во вступлении к книге, написанном в Женеве в августе 1936 г., читаем: “Эта невозможность для жителя Западной Европы понять загадку невидимой России явилась для меня решающей причиной к написанию этой книги. Потому что только человек, который связан с Россией кровными узами и который на другой стороне Западной Европы изучает свой народ и свою культуру с тем же пылом и с той же любовью, какие он испытал в России, может отважиться преодолеть ту пропасть, которая разделяет Россию и Западную Европу душевно и духовно. Я полагаю, что наделен таким правом самим рождением и судьбой. Но я должен попросить читателя заранее настроиться на то, что проблема России не может быть объяснена исходя из общепринятых понятий”.

⁷ Письмо к Синьорелли от 30 декабря 1939 г., на немецком языке.

годаря ее посредничеству.⁸ Та же судьба постигла затем и другое письмо, адресованное “его превосходительству Муссолини” и сопровождаемое публикациями на немецком языке Сементовского-Курило, с помощью которых автор надеялся, как он пишет, “донести до западноевропейцев лучшее понимание истории моей страны и страдания ее народа”.⁹ Сначала Ольга Синьорелли выполняла не только роль посредника, но также и покровительницы невоздержанного друга, пытаясь, если не всегда блокировать, то, по крайней мере, сортировать его суровые суждения, будучи убежденной, что они могут привести к нежелательному результату. Делала она это, предполагая ввести Сементовского-Курило в итальянские литературные и издательские круги, поскольку он на начальном этапе освоения языка хлопотал о переводе собственных произведений, изданных на немецком языке. В этой связи он писал Ольге:

Мне кажется, что издание “N<eiliger> K<reis>” в Италии сегодня тем более важно, что в газетах пишут против большевиков, но понятия “russo” и “bolchevico”, к сожалению, очень часто синонимы.¹⁰

Сементовский-Курило, со своей стороны, начал защищать издательские интересы своей подруги в Германии, в особенности после большого успеха биографии Дузе.¹¹ По этому поводу он писал Ольге:

Он <успех – М. Б.> доказывает, какая большая в Германии потребность к личному и существенному в противоположность к официальной идеологии приравнения и духовной посредственности, столь ясно выражающейся в борьбе против так называемого “интеллектуализма”. На самом деле эта борьба давным-давно стала борьбой против всего истинно духовного вообще – gegen das Geistige Schlechthin. – В этом успехе можно видеть еще и другой симптом: желание посредством переживания чужого глубокого страдания облегчить бремя собственного душевного кризиса. Как я Вам уже, кажется, говорил, я считаю, что как раз в этом заключается самое ценное Вашей книги: она влияет – в противоположность большей части сегодняшней биографической литературы, в особенности в противоположность так называемой “storici o vita romanzata”¹² – не как наркотическое средство, временно удаляющее боль, а как лекарство действительно исцеляющее самый очаг страдания. Это влияние, конечно, исходит из самой Дузе, но, выставив ее, прежде всего, как переживающего, страдающего человека и показав только побочно ее художественный путь гениальной служительницы

⁸ См.: *Heiseler B.* Il mondo dei buoni. Milano: Allegranza, 1945 (перевод и предисловие А. Спаини).

⁹ Письмо от 2 января 1940 г., на немецком языке.

¹⁰ Письмо от 20 января 1940 г., на русском языке.

¹¹ *Signorelli O.* Eleonora Duse: Leben und Leiden der grossen Schauspielerin. Berlin: Deutscher Verlag, 1939.

¹² Исторические романы или художественные биографии (*um.*).

искусства, Вы взяли на себя совершенно исключительную роль посредника в процессе кристаллизации страдания в душе тех, которые через вашу книгу знакомятся с жизнью Дузе. – И это действительно удивительно: таким образом, доказывается, что даже издавна знакомое целебное средство может принести совершенно до того от него не ожидавшийся результат, если оно применяется в новой формуле. – Много пришлось на днях говорить о Вашей книге, и только что сказанное представляет как бы сказать краткий свод выраженных мною о ней мыслей и одновременно – думаю – мнение, довольно близкое всему тому, что большая часть читателей почувствует, перевернув последнюю страницу.¹³

Кроме того, Сементовский-Курило давал своей корреспондентке ценные советы как лингвистического, так и стилистического характера, давая оценку немецких переводов ее статей и иногда подсказывая названия для них.¹⁴

В Сан-Ремо Сементовский-Курило часто посещает Елену Григорович, которая вовлекает его в различные издательские проекты, начиная с перевода одной ее статьи о Данте.¹⁵ Ольга Синьорелли, многократно и подолгу бывающая в Сан-Ремо, представила Сементовского некоторым своим друзьям, среди которых – писатель Джованни Кавикьоли,¹⁶ частый ее гость, и Марко Спаини, управляющий казино Сан-Ремо, один из самых горячих сторонников и пропагандистов творчества Рудольфа Штейнера в Италии. Отношение Сементовского к Спаини, которого он вначале называет своим “ангелом-хранителем”,¹⁷ и к антропософии в целом, с годами становится все более критическим. Он на-

¹³ Письмо от 30 декабря 1939 г., на русском языке. Приведенный фрагмент наглядно показывает, как происходит инкорпорация в русский текст немецких и итальянских слов и выражений, прежде всего идиоматических, что составляет, как уже было сказано, особенность переписки Сементовского-Курило с Ольгой Синьорелли.

¹⁴ Так было в случае со статьей “Eleonore Duse, Leid und Trost, aus Briefen 1912-1922” (Элеонора Дузе, страдание и утешение, из писем 1912-1922), с подборкой писем о войне, написанных Дузе Ольге Синьорелли. Статья появилась в 8-ом номере журнала “Die neue Rundschau” в 1940 г. (Р. 392-395). Сементовский-Курило предложил Ольге Синьорелли название статьи в письме, отправленном 26 августа 1940 г. из Сан-Джакомо Ронколе. В письме от 8 декабря того же года он сурово раскритиковал как перевод упомянутых писем, сделанный Тильдой Шмальхорст, так и перевод биографии Дузе, сделанный Ханной Киль.

¹⁵ Елена Юстиниановна Григорович (1872-1953), художница, переводчица. О взаимоотношениях с Сементовским-Курило и об этом переводе см. подробнее в статье о Григорович в первом томе наст. издания.

¹⁶ Джованни Кавикьоли (Giovanni Cavicchioli, 1894-1964), поэт и писатель, близкий друг Ольги Синьорелли. О нем см. в письмах Б. К. Зайцева и в Тройной переписке в первом томе наст. издания.

¹⁷ Письмо к О. Синьорелли от 20 января 1940 г., на русском языке.

зывает антропософию “духонаукой”, в которой, как он пишет: “Я пока что – или вернее все еще – вижу возможные усовершенствования духовных сил исключительно для западного человека”.¹⁸ Это суждение согласуется с его общим видением западного менталитета, которому свойственно подчинять расчету и рассудку духовную сферу, в отличие от восточного и, в первую очередь, русского мышления:

Наука и знание для него <западного человека – М. Б.> такая важная часть его сознательной жизни, что он не может постигнуть никакой порядок жизни, не умеет найти никакого основания для действия без опоры на законы науки. Так, ему пока не остается ничего другого как использовать свое знание с целью *сознательно признавать* то, во что он уже не в состоянии *инстинктивно верить*, как в жизненный опыт: единственная Истина, Истина во Христе.¹⁹

К этой конструктивной критике антропософии следует добавить некоторую нетерпимость по отношению к прозелитизму, практикуемому ее последователями; так, он писал о Испании:

Жаль, что он не ищет в людях, которых встречает, их главную и истинную натуру, а только объект для обращения. Между тем, эти люди привязываются к нему, Испании, как человеку, а не как к представителю какого-то учения.²⁰

Ольга Синьорелли, Елена Григорович, Спаини, Кавикиоли и наконец Вячеслав Иванов в те годы составляли своего рода духовное сообщество, где часто происходили оживленные споры о судьбах человечества.²¹ В этом эзотерическом кружке использовались шуточные прозвища для его членов, иногда иронические (такие как, например, “Дровосек”, данное Сементовскому, иногда ласковые (“Птиц” для Григорович или “Китаец” для Синьорелли).²²

Летом 1940 года Сементовский решает покинуть Ривьеру и просит разных друзей и знакомых помочь ему устроиться так, чтобы иметь определенную экономическую независимость и в то же время возможность посвятить себя исследовательской работе.

¹⁸ Письмо к О. Синьорелли от 30 декабря 1939 г., на русском языке.

¹⁹ Письмо к Ратти, без даты и указания места, приложенное к письму О. Синьорелли от 7 октября 1940 г. (на итальянском языке).

²⁰ Письмо к О. Синьорелли от 22 декабря 1941 г., на итальянском языке.

²¹ См.: *Rizzi D. Olga Signorelli nella storia culturale italiana della prima metà del Novecento* // ARI, VI. Т. II. P. 85-90.

²² См. шуточное стихотворение Григорович в статье Э. Гаретто о ней в первом томе наст. издания и обзор писем Спаини и Григорович к Вячеславу Иванову, под ред. Б. Сульпассо и Дж. Джулиано, в сайте www.russinitalia.it.

С нетерпением жду результата ваших переговоров с отцом Томмазини,²³ однако <...> такое предчувствие, что, наверное, Вы сможете рассказать об этом результате лично, так как я собираюсь ехать в Рим!!! Князь Романовский²⁴ прислал мне вчера срочное письмо, в котором говорит, что было бы лучше, если бы я смог приехать в Рим, чтобы лично разрешить ситуацию, связанную с моими документами.

Я бы выехал сразу, потому что в Риме у меня будет поддержка царского дома, однако нужно уладить некоторые формальности, чтобы я смог покинуть Сан-Ремо и уехать без проблем. Надеюсь, что в ближайшие дни у меня будет необходимая для этого поддержка со стороны князя перед властями Сан-Ремо; тогда я выеду сразу, понятно, с помощью нашего друга, иначе невозможно. Поэтому не посылайте мне книги, я сам приду за ними – может быть, уже в конце этой недели, если все будет хорошо. Эта поездка меня очень радует и пробуждает во мне всякие большие надежды – будем надеяться, что я не разочаруюсь! – погода сейчас прекрасная, море – чудо, и в моей душе уже пробуждается смутная ностальгия от того, что я должен оставить это место, которое четыре года радовало меня все время новыми впечатлениями. Я боюсь Рима, его исторического величия, тех огромных новых впечатлений, которые меня там ожидают. Не знаю, смогу ли я жить в большом городе, я стал слишком нелюбимым.²⁵

Среди римских знакомых Сементовского-Курило следует упомянуть и Анну Лозина-Лозинскую (1894-1986), с начала 40-х годов живущую в столице, с которой он встречался в Сан-Ремо. Лозина-Лозинская – это та “соотечественница”, к которой Сементовский-Курило обращался в письме “Возражение на письмо одной соотечественницы”,²⁶ некоторые утверждения которой он считал “мало обоснованными”.²⁷ Это послание можно считать настоящим художественным манифестом Сементовского-Курило, отсюда – пророчески-назидательный тон, кото-

²³ Речь идет об Ансельмо Томмазини (Anselmo Tommasini, 1876-?), монахе-францисканце, сотруднике Pontificio Ateneo Antoniano (Папский университет в Риме), близкого друга Синьорелли.

²⁴ Князь Сергей Георгиевич Романовский (1890-1974) был участником Первой мировой войны и гражданской войны, где воевал в рядах Белой армии. В Италии он жил с 1920 г. После того как переселился в Риме, стал директором Русской Читальни и председателем Русского Собрания. Будучи кузеном короля Умберто Савойя, активно занимался помощью нуждающимся русским эмигрантам.

²⁵ Письмо к О. Синьорелли от 10 июня 1940 г., на итальянском языке.

²⁶ Текст “Возражения”, написанный на русском языке, никогда не был опубликован. Существует также рукописный экземпляр итальянского перевода “Возражения на письмо одной соотечественницы” (“Risposta a una connazionale”), копию которого Сементовский-Курило приложил к письму, написанному к Синьорелли от 7 октября 1940 г., где он называет итальянский перевод лучшим, чем оригинал.

²⁷ Характеристика из письма к Синьорелли от 1 октября 1940 г. (на русском языке).

рым пропитано его произведение. О мессианском значении своих трудов для России он писал:

Я не литератор, излагающий “at random” свои личные мнения, а книги мои не только “серьезные исторические труды”; они духовный остов несравненно более обширной и более решающей деятельности, духовный остов будущей моей роли в строительстве новой России. Пока что я сооружаю здание новых понятий о наших исторических ошибках и необходимостях, сооружаю его как архитектор, который – прежде чем начать постройку дома – чертит точный его план; сооружаю это здание на основах беспощадных, но безнавистных <так!> суждений. Да, мои суждения беспощадны.²⁸

Бюрократические проволочки заставляют Сементовского-Курило постоянно менять планы. В августе этого же 1940 года он сообщает Синьорелли о своем решении провести несколько дней в Мирандоле у Кавикьиоли в ожидании того времени, когда он сможет заняться новыми проектами, теперь уже связанными с немецкими издательствами.²⁹ Его пребывание в провинции Модена, однако, оказалось очень длительным. В ситуации общей неопределенности, вызванной войной и отсутствием других способов существования, он принял полученное через Кавикьиоли предложение преподавать немецкий язык детям-сиротам и беспризорникам в Институте “Маленькие апостолы” (Opera dei Piccoli Apostoli), основанном и руководимом священником Дзено Сальтини (don Zeno Saltini, 1900-1981). Отсюда Сементовский-Курило написал Синьорелли, рассказывая о новом окружении, о своих многочисленных проектах, связанных с его новыми религиозными взглядами:

Итак, я почти три недели в деревне, в чрезвычайно католической среде, и можно сказать, что я попал “aus dem Regen in die Traufe” т.е. “из огня да в полямя”, или же из антропософии в католицизм. Должен, однако, признаться, что с некоторых точек зрения, последний мне все еще ближе, чем первая <...> Военные действия прекратились, но надежда моих новых друзей увидеть меня однажды, “einkehren in den Schoss der alleinseligmachenden Kirche” <входящим в лоно единоспасающей церкви>, все еще жива. Из бесконечных дискуссий, которые развернулись по этому поводу, явствует, однако, некоторая кристаллизация моих собственных соответствующих представлений. Сейчас я вижу более ясно отправные точки для возможных последующих действий, целью которых будет объединение всех христианских церквей, проблема, которая меня всегда привлекала и которая нашла свое первое выражение в книге об Александре.³⁰ В

²⁸ Письмо к Е. Григорович от 27 сентября 1940 г., приложенное к письму Сементовского к Синьорелли от 4 октября 1940 г.

²⁹ Письмо к О. Синьорелли из Сан-Ремо в августе 1940 г., на итальянском языке.

³⁰ Речь идет о книге Н. Сементовского-Курило “Александр I”. См.: *Sementowski-Kurilo N. Alexander I. Rausch und Einkehr einer Seele*. Zürich: Scientia, 1939. В центре книги – фигура царя, “единственного представителя Романовской династии, понявшего не-

книге о Павле, надеюсь, я смогу раскрыть ее более полно.³¹ – Сейчас я лучше понимаю также глубинные причины своего такого личного интереса к святому Франциску. Его поведение и образ жизни близки к менталитету нашего народа, так что он мог бы служить образцом духовного движения за возрождение России под знаком и в духе истинного христианства. Это своего рода духовная программа, которую я основываю на следующих главных положениях: 1) допускается априори, что не может существовать единая универсальная христианская церковь; 2) жизнь и деятельность святого Франциска соответствуют и духам, и чаяниям русского народа о вере и человеческом сообществе; 3) однако, тот факт, что Франциск вынужден был склониться перед папой Иннокентием III и включить свое движение в аппарат церкви, несмотря на то, что это его движение могло вызвать глубокую трансформацию самой церкви или создать себе совершенно новую церковь, этот факт требует исследования глубинных причин этого решения; значит нужно подвергнуть сознание тщательному анализу, чтобы убедиться в фатальности этого факта и не совершить преступления против русской души; речь должна идти о моем собственном развитии в сторону полной идентификации со святым Франциском, по крайней мере, в форме, которая могла бы соответствовать жизни человека нашего времени, действующего среди людей и для людей; 4) только после обретения таковой уверенности возможно осуществить план по русскому религиозному возрождению, т.е. реализовать при поддержке римских церковных властей дело, предназначенное служить первичной основой для последующего объединения новой русской церкви с римской церковью, согласно францисканской доктрине или, скорее, по образцу жизни святого Франциска. Проблема в целом, безусловно, будет выкристаллизовываться еще больше по мере продвижения вперед моей книги о святом Франциске, таковая работа должна неизбежно привести меня к непрестанной шлифовке моих идей на эту тему.³²

Фигуре святого Франциска Сементовский уже посвятил различные исследования, опубликованные на русском, немецком и французском языках,³³ и теперь, в 1940 году, его первая статья по-итальянски появилась в одном из номеров альманаха Института “Маленькие апостолы”. Работа над книгой о святом, которая была задумана как “своего рода духовная программа и вместе с тем как книга о жизни св. Франциска”,³⁴ под условным названием “San Francesco: trilogia di una missione spirituale” (“Святой Франциск: трилогия духовной миссии”), составила один из самых амбициозных и долгосрочных проектов Сементов-

простительные ошибки своих предшественников”, как он писал в указанном выше трактате “Возражения на письмо одной соотечественницы”.

³¹ О неизданной книге о Павле I в издательстве Антониоли см. ниже.

³² Письмо от 17 июля 1940 г., на итальянском языке.

³³ См. об этих публикациях в кн.: *Guarino G., Sementovsky Kurilo N. Nicola Sementovsky Kurilo.*

³⁴ Письмо от 15 октября 1940 г., на итальянском языке.

ского-Курило: в октябре 1940 года он написал 800 страниц, но был еще довольно далек от завершения работы. Событием, изменившим течение мысли Сементовского-Курило и повлиявшим на судьбу его трилогии (так и оставшейся не законченной), была первая поездка в Ассизи, о которой он писал Синьорелли:

Живой дух святого Франциска – его страдающую и милосердную душу я до сих пор не нашел! Вижу во всем том, что находится перед моими глазами, только ценные (и противные духу самого святого – дорогостоящие!) памятники безвозвратного прошлого, прославление бессмертной жизни и деятельности, которые, однако, неосязаемы среди всей этой окаменелой истории. <...> Франциск благовословенный уже больше не живой Франциск, и если Ассизи и памятники, его прославляющие, не дают мне представления о его личности и деятельности, где мне их искать? В книгах? Поэтому я думаю, что должен вернуться к первоначальной идее моих поисков “францисканства”: жизнь постоянно возобновляется не иначе как ради самой жизни. Идеальная модель: воскресать не иначе как для жизни по образцу, для слияния с ним духовно и в действиях.³⁵

В этих строках обнаруживается мучительное для Сементовского осознание несовместимости окружающей жизни и его идеальных конструкций. Метания его преимущественно были обусловлены непрерывным поиском внешних образцов и разочарованием при сравнении с ожидаемым идеалом.

Если быть искренним, именно в эти дни я начинаю снова думать, что я никоим образом не достоин моего образца и что – даже для частичного подражания – нужно намного больше того, что я, самое большее, мог бы сделать, несмотря на лучшие намерения. Каждый день здесь среди бедности, нищеты и грязи, кажется, подтверждает это. Я должен прилагать огромные усилия только для того, чтобы пассивно терпеть то, что вокруг меня, и усилия, которые я должен прилагать, когда активно противостоя создавшейся здесь ситуации, противостоя ей, несмотря на нездоровье, которое часто настигает меня “за работой”, эти усилия мне кажутся совершенно несоизмеримыми моим возможностями.³⁶

После этих разочарований он решил отказаться от поиска внешних образцов и заняться самопознанием, обратившись к работе над автобиографическим произведением:

Возможно, наступил момент вспомнить прошлое, вспомнить не только недавно пережитое, но и всю цепь событий моей почти сорокалетней жизни. Я часто стал думать о том, чтобы написать историю собственной жизни. Зачем искать

³⁵ Письмо из Ассизи от 9 сентября 1940 г., на итальянском языке.

³⁶ Письмо к О. Синьорелли от 8 декабря 1940 г., на итальянском языке. После поездки в Ассизи Сементовский начал перерабатывать свой монументальный труд о святом Франциске; его рукопись хранится в архиве Сементовского в Немецком литературном архиве Марбаха-на-Неккаре, в Германии.

далекие символы сходства чьих-то судеб с твоей, когда можно было бы так хорошо представить богатство собственного опыта? Это проблема, которая занимает меня сейчас.³⁷

На обострение внутреннего кризиса и физических недугов повлияли и тяжелые условия жизни, и неподходящий климат, и растущая неприязнь к закрытой обстановке Института “Маленькие апостолы” и соперничество с Дзено Сальтини внутри Института; все это в дальнейшем усугубилось частыми теологическими диспутами с Кавикьиоли:

Невозможность оставить Сан-Джакомо – и куда я мог бы отправиться в это время года, если не на Ривьеру? – была для меня причиной очень плохого самочувствия. Поводов, которые вынудили меня неожиданно решиться на отъезд, было много, однако, в первую очередь, дело было в серьезных разногласиях между мной и Доном Дзено. Кроме того, климат здесь очень суровый, уже сегодня, хотя зима только началась, я полуинвалид: постоянная простуда, артрит, которого у меня давно не было, усталость и т. д. Абсолютное отсутствие какого-либо комфорта, полный развал жилья и т. д. – увеличивают трудности. Я почти совсем закрылся в своей комнате и не выхожу, если только мне не нужно ехать в Модену или Мирандолу, что случается один раз в месяц. По этому поводу – касательно положения дел здесь – у меня были довольно бурные дискуссии с Кавикьиоли, который за час или два в Сан-Джакомо не может даже составить себе точного представления о бедственной обстановке здесь, но считает, что я преувеличиваю.³⁸

К этому прибавляются примитивные условия “в высшей степени католической” среды, в которой он жил:

Цивилизация, конечно, принесла нам много страданий, создала препятствия к правильному духовному развитию и даже сбила его с пути, а ее распространители были виновны в бесчисленных преступлениях против веры и человеческой

³⁷ Письмо к Синьорелли от 8 декабря 1940 г., на итальянском языке. В автобиографии, отправленной ей же в 1946 г., в графе “публикации в процессе подготовки” встречаются две работы явно автобиографического характера, которые никогда не упоминались в переписке с О. Синьорелли (см. брошюру, приложенную к письму Н. Сементовского-Курило Ольге Синьорелли, Милан, 19 января 1946 г.): “Vivo ergo sum. Saggi di una filosofia di vita” (“Vivo ergo sum. Очерки философии жизни”) и “In tre terre. Storia della mia vita” (“В трех землях. История моей жизни”). В том же разделе, среди незаконченных работ, кроме францисканской трилогии, указано произведение под названием “Il Faust crocifisso. La tragedia di una nazione” (“Фауст распятый. Трагедия одной нации”), Кроме того в Немецком литературном архиве Марбаха-на-Неккаре хранятся заметки к дневнику, восходящие именно к началу 1940-ых гг., а также рукопись на немецком языке “Wanderer durch drei Welten” (“Странник по трем мирам”), которая, судя по названию, перекликается с уже упоминавшейся работой “In tre terre”.

³⁸ Письмо Н. Сементовского-Курило к О. Синьорелли, Сан-Джакомо Ронколе, 8 декабря 1940 г., на итальянском языке.

совести, несмотря на это, завоевания современной цивилизации – например, в вопросах гигиены – имеют неоспоримую ценность и, без сомнения, они необходимы в современной жизни. Окружение, в котором я сейчас нахожусь, никоим образом не принимает в расчет такую необходимость – к сожалению! – и санитарные условия здесь в доме отвратительные: около тридцати мальчиков от 4 до 19 лет живут без какой-либо физической культуры, с большими зубами, потому что никогда их не чистят, – моюсь кое-как по причине отсутствия необходимого оборудования и т. д. Между тем, здесь размышляют, говорят о святости, о жизни по Богу и т. д. – Это для меня противоречия, которые я не смог еще примирить.³⁹

Сементовский-Курило хотел бы вернуться в Сан-Ремо, но поскольку город находился в приграничной зоне, почти рядом с фронтом, на пребывание иностранцев там были наложены значительные ограничения. В ожидании разрешения из Рима, которое ему так и не было дано, он отправился во Флоренцию; переезду в этот желанный для него город препятствовала дороговизна жизни в нем. По этому поводу он писал Синьорелли:

Там я, конечно, нашел бы среду, которая мне нужна: образованные люди, библиотеки, искусство, природа и как венец всему – изумительный народный говор, услада для ушей.⁴⁰

Из-за все еще продолжающейся войны Сементовский-Курило был лишен возможности оставить Институт, к тому же его усиленно отговаривали друзья и знакомые. Единственным эффективным средством против его частых кризисов оставалась, таким образом, работа, лихорадочная и занимавшая у него от 16 до 20 часов в день:⁴¹ уроки, написание или перевод книг и статей, а также напряженная эпистолярная деятельность, по большей части связанная с работой. Действительно, в начале сороковых годов Сементовский-Курило вел постоянные переговоры с основными итальянскими издателями. Благодаря ходатайству Ольги Синьорелли, он получил приглашение на собеседование в издательство *Volpiani*, во время которого, однако, обнаружились их идеологические расхождения:

³⁹ Письмо к О. Синьорелли от 17 июля 1940 г., на итальянском языке.

⁴⁰ Письмо от 22 сентября 1940 г., на итальянском языке.

⁴¹ См.: *Barilla E., Kirfel Barilla L. Tesori nascosti: il lascito di Nicola Sementovsky-Kurilo // Ricerca 90. Gennaio 1995 №. 21.* Доступно также на сайте www.enzobarilla.eu в разделе “статьи”. Здесь же находится статья “Omaggio a Nicola Sementovsky-Kurilo”, появившаяся в: *Ricerca 90. Luglio 1991 №. 7*, где, в разделе “переводы”, помещена неизданная работа Сементовского-Курило под названием “Astrologia e Psicologia” (“Астрология и психология”).

Мне кажется, что господа из этого издательства <...> на неверном пути, желая быть сильно “впереди всех” с их преувеличенным “XX веком”. Думаю, напротив, что этот их американизм уже преодолен. Скоро они поймут это.⁴²

Издательство Mondadori проявило интерес к его неопубликованному юношескому роману “Das Höllenhaus” (“Адский дом”)⁴³ и к монографии “Der heilige Kreis” (“Святой круг”); об издании последней Сементовский-Курило вел переговоры также с издательствами Einaudi, Morcelliana⁴⁴ и Sansoni. Обе книги, однако, так и не вышли в свет в Италии. Наконец, издательство Cappelli проявило интерес к роману “Александр I”, в то время как Garzanti оставило за собой право опубликовать в своей исторической серии книгу о Пугачеве.⁴⁵ Сементовский выступал в качестве консультанта и представителя третьих лиц (часто своих итальянских знакомых), находясь в контакте также с различными издательствами по ту сторону Альп. Так он много хлопотал об издании переводов Кавикиоли:

Напишу Хэммерлингу, как только закончу перевод “Martino innamorato” <Влюбленного Мартина>, которую считаю самой типичной новеллой Кавикиоли. Я даже придерживаюсь мнения, что она сможет “возбудить аппетит” немецких издателей, поскольку речь идет об описании итальянских обычаев и характеров. – Кавикиоли хотел бы, чтобы я сделал перевод и других его рассказов. По моему, было бы в самом деле лучше послать сразу несколько работ; таким образом издатель сможет составить более точное представление обо всем том, что мы собираемся подготовить для Германии, так же как и о стиле и манере письма Кавикиоли в общем. – До сих пор я по собственной инициативе предложил перевод одного сборника его рассказов двум издателям, в том числе также “Societàs-Verlag” во Франкфурте, т. е. издателю “Heiliger Kreis”, и если последний его примет, это, конечно, будет очень хорошо для Кавикиоли, поскольку речь идет, действительно, о первоклассном издательстве.⁴⁶

В начале сороковых годов, историческая и политическая ситуация, казалось, способствовала успешным издательским проектам Сементовского-Курило (в дальнейшем оставшихся незавершенными), связанны-

⁴² Письмо к О. Синьорелли от 27 мая 1942 г., на итальянском языке.

⁴³ Рукопись “Das Höllenhaus” находится в Немецком литературном архиве Марбаха-на-Неккаре.

⁴⁴ Сементовский-Курило первоначально предполагал в качестве автора вступительной статьи к роману “Святой круг” Вячеслава Иванова; издание его было близко к осуществлению в 1940 г. в издательстве Morcelliana.

⁴⁵ Книга была издана позже в другом издательстве: *Sementovsky-Kurilo N. Pugaciov, imperatore dei cosacchi: storia di una rivolta sotto Caterina II (1773-1775)*. Milano-Messina: Principato, 1945.

⁴⁶ Письмо к О. Синьорелли от 17 июля 1940 г., на итальянском языке.

ми с популяризацией итальянской культуры среди немецкоязычной публики. Так, он работал над составлением антологии итальянских прозаиков, снабженной соответствующими био-библиографическими примечаниями, фотографиями и образцами почерков. В этой книге, так и оставшейся не изданной, соединились его робкие литературные попытки с большой страстью к графологии. Эта наука в период остановки издательской деятельности, вызванной войной, стала его основным источником дохода.

Мне хотелось бы сделать антологию современных итальянских прозаиков – сборник первых имен сегодняшней литературной Италии, предназначенный, разумеется, для Германии, перевод которого, следовательно, я должен сделать. Надеюсь, что для таковой публикации я легко найду хорошего немецкого издателя, тем более легко, поскольку я хотел бы снабдить книгу соответствующими фотографиями, некоторыми образцами почерков факсимиле и небольшими био-библиографическими примечаниями. Кроме того, чтобы обеспечить большой успех предприятия, предлагая его Бальдини,⁴⁷ я спросил его, нельзя ли устроить так, чтобы его превосходительство Федерцони,⁴⁸ президент Академии, написал короткое предисловие. Если Федерцони согласится, я сразу примусь за работу и напишу всем главным авторам, небольшой список которых мне сделал Кавикьоли. Надеюсь быстро найти издателя. Можно было бы сделать предложение также Вашему другу Биркенфельду,⁴⁹ т.е. издательству Neff Verlag. Я собираюсь обратиться также в Deutscher Verlag.⁵⁰

В первые годы своего пребывания в Италии Сементовский в основном жил доходами от продажи своих публикаций на немецком языке, посвященных истории и русской мысли. После принятия в мае 1939 года постановления Третьего Рейха, явившегося следствием нового, хотя и изменившегося вскоре, дипломатического климата, который привел к

⁴⁷ Антонио Бальдини (Antonio Baldini, 1889-1962), писатель, журналист и критик. Сотрудничал со многими журналами, в том числе “L’Illustrazione italiana”, “La Tribuna”, “Il Resto del Carlino”, “Il Corriere della Sera”. С 1931 г. был редактором, а затем директором “Nuova Antologia”. В 1939 г. стал академиком Италии.

⁴⁸ Луиджи Федерцони (Luigi Federzoni, 1878-1967) – государственный деятель; в 1938-1943 гг. президент Итальянской королевской академии.

⁴⁹ Гюнтер Биркенфельд (Günther Birkenfeld, 1901-1966), немецкий писатель, генеральный секретарь Союза немецких писателей Райха (Reichsverband deutscher Schriftsteller) с 1927 по 1930 гг. В 1930-е гг. отдался от государственных дел и занялся литературой, написав исторические романы. Был инициатором немецкого издания биографии Дузе Ольги Синьорелли, с которой имел дружескую переписку в течение 30-ти лет. После Второй мировой войны стал главным редактором журнала “Horizont” (1945-1948), переводчиком и издательским консультантом. О нем см. *Bertelé M. I carteggi in lingua tedesca di Olga “von Trastevere” // ARI, VI. T. 1. P. 347-368.*

⁵⁰ Письмо к О. Синьорелли от 9 сентября 1940 г., на итальянском языке.

заключению пакта Молотова-Риббентропа, все публикации на немецком языке антисоветского содержания были запрещены.⁵¹ Этот неожиданный идеологический поворот отразился также и на произведениях Сементовского-Курило и, в первую очередь, на его “Александр Г”:⁵²

“Александр” тоже довольно хорошо продан, пока что около 900 экземпляров, но немецкие власти запретили официальную рекламу – из-за антибольшевистской тенденции книги. Имеющиеся экземпляры могут быть проданы – без рекламы, конечно, трудно. – Немецкая печать пока что не обмолвилась ни словом о книге – ни одной рецензии! – С моральной точки зрения я до известной степени доволен, но в общем всё это не особенно радужно.⁵³

Поскольку книга была напечатана до постановления, она не могла быть изъята из продажи (по этому поводу Сементовский-Курило замечал: “Таким образом, можно еще немного вести пропаганду”),⁵⁴ но ее бойкотировала пресса и немецкие рекламные агентства. Тем не менее, книга пользовалась таким большим успехом, что в 1941 году планировалось ее переиздание. В связи с этим издатель направил автору список купюр, которые должны были быть сделаны в книге: под ножницы цензуры должны были попасть все ссылки на современную Россию (критика большевизма и Ленина, пролетарской революции и положения крестьянства, названного автором “рабством”). Новому изданию, несмотря на купирование, так никогда и не суждено было увидеть свет, и Сементовский-Курило удрученно заявлял: “Я отказался в данный момент от русской темы, время кажется не подходящим”.⁵⁵

Здесь судьба Сементовского-Курило, которого журналист и политик Джузеппе Гварино в одном интервью назвал “дважды изгнанником”,⁵⁶ принимает вдвойне драматический характер. В том же интервью Сементовский-Курило произнес такие слова:

Если бы я был одним из белых эмигрантов России, <...> с портретом царя Николая II на ночном столике, я мог бы быть счастливым человеком; жить своей профессией журналиста в Париже или в Милане или на Лазурном берегу, как многие. Напротив, я мыслящий человек, который несет с собой, как и все рус-

⁵¹ См.: *Fabry Ph. W. Die Sowjetunion und das Dritte Reich. Stuttgart: Seewald, 1971. С. 68-69.*

⁵² *Sementowski-Kurilo N. Aleksander I. Rausch und Einkehr einer Seele. Zürich: Scientia, 1939.* Немецкое издание книги было посвящено брату Сементовского Константину, жившему во Франкфурте-на-Майне.

⁵³ Письмо к О. Синьорелли от 14 февраля 1940 г., на русском языке.

⁵⁴ Из письма к О. Синьорелли от 18 февраля 1942 г., на итальянском языке.

⁵⁵ Письмо к О. Синьорелли от 22 августа 1941 г., на итальянском языке.

⁵⁶ В кн.: *Guarino G., Sementovsky Kurilo N. Nicola Sementovsky Kurilo.* Сначала интервью появилось в журнале “Le arti”, май-июнь 1959 г.

ские, Восток и Запад. Вся русская культура есть ничто иное, как великолепная агония Запада и Востока. Коммунизм тоже – огромная и загадочная агония. Послушайте меня, пожалуйста: поскольку я выходец из старинного рода, у меня в венах есть и немецкая кровь, я православный христианин, родиной моего отца я был приговорен к смерти, и преследован родиной матери. И все-таки, я понимаю фатальность революции, могу объяснить себе фатальность нацизма по его таинственным и роковым знакам.⁵⁷

Но и в такой ситуации Сементовский, воодушевленный ярим антибольшевизмом, еще больше, чем антифашизмом, пытался извлечь выгоду из политической ситуации текущего момента:

В тот же день, как началась борьба с большевизмом, я послал одновременно дуче и фюреру телеграммы, в которых выразил готовность внести духовный вклад в их дело. Не исключаю, что могу поехать в Германию; но сначала я хотел бы сделать все, чтобы быть полезным здесь, в Италии. Я написал Кав<икьиоли>, который сейчас находится в Риме и которого вы, конечно, увидите, чтобы он связался с Nicolai, который, думаю, мог бы поддержать мои попытки войти в контакт с соответствующими властями, возможно, с Министерством народной культуры.⁵⁸

Действительно, Сементовский получил в 1941 году от итальянского правительства поручение прочитать цикл лекций по немецкой литературе в университете Модены, куда он не замедлил переехать. Поскольку лекций было немного, у него было время для одного из его увлечений – астро-графологии; он организовал самые настоящие сеансы и вскоре стал местной достопримечательностью:

Я “белая ворона”, как говорила моя квартирная хозяйка в Мирандоле, и поэтому все приходят ко мне – профессор здесь, профессор там! – И, начиная с 3 часов дня, почти не оставляют меня в покое. <...> Я сделал огромное количество астро-графологических заключений, пользующихся поразительным успехом – и, конечно, это тоже привлекает.⁵⁹

После настоятельных требований ему удалось получить от Синьорелли образец почерка как ее, так и Дузе, оба предназначенные для на-

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Письмо от 26 июня 1941 г., на итальянском языке.

⁵⁹ Письмо от 22 декабря 1941 г., на итальянском языке. О любопытстве и интересе, возбужденных графологическими занятиями Сементовского-Курило, см. также “La mia via verso la grafologia” (“Мой путь к графологии”) в его книге “I segreti della scrittura” (“Секреты почерка”). Firenze: Vallecchi, 1951. С. 1-14. В том же году и для того же издателя Валекки он должен был написать предисловие к книге “La rinascita dell’astrologia” (“Возрождение астрологии”) Генриха Рунге.

ходящейся в печати работы, полностью посвященной графологии.⁶⁰ Сементовский-Курило, не колеблясь, назвал ее своего рода графологической Божественной комедией – путешествием “сквозь лабиринт душ, которые живут в это время”.⁶¹ Одну из самых своеобразных страниц обширной переписки Сементовского-Курило с Ольгой Синьорелли составляет именно экспертиза почерка, сделанная для римской подруги, – ее он тоже поместил в дантовские круги, но, как уверяет автор, “по ту сторону Чистилища”.⁶² Находясь в постоянном поиске архетипичных моделей, автор называет Синьорелли “типично женским Пер Гюнттом”⁶³ и так описывает человеческий тип, который она представляет:

Эти люди вовсе не безразличны к боли современников, но все же они не претендуют на роль исцелителей и преобразователей мира. Они несут страждущим доброту, понимание и сострадание и посредством своего незаметного бытия и творения неопровержимо доказывают нерушимость человеческого сердца. И в раскрытии этой вечной человечности, в стороне от шумной суматохи ложных пророков и спасителей, заключается их жизненное предназначение.⁶⁴

В 1941 году он начинает редактировать для издателя Guanda историческую серию, открывшуюся год спустя его книгой “Александр I”, вышедшей в переводе самого автора.⁶⁵ На волне первоначального энтузиазма по отношению к пармскому издателю, чьим главным сотрудником он был уверен, что вскоре станет, Сементовский предлагает многочисленные публикации; среди них были как издания, предложенные ранее другим издателям: уже упоминавшиеся “Das Höllenhaus” и книга о Пугачеве, так и новая история России. Кроме того, он сообщает Синьорелли о новом издании “Униженных и оскорбленных” Достоевского, к которому Гванда хотел бы привлечь Э. Ло Гатто, и добавляет:

⁶⁰ Название, предусмотренное для этого издания, – “Persönlichkeit und Zeitgeist. Versuch einer Gegenwartsdeutung auf kosmisch-graphischer Grundlage” (“Личность и дух времени. Попытка толкования настоящего на космо-графической основе”) – см.: Письмо к О. Синьорелли от 22 декабря 1941 г., на русском языке. Книга вышла в 1947 г. в Цюрихе в издательстве Artemis, под названием “Mensch und Gestirn” (“Человек и созвездие”).

⁶¹ Письмо к О. Синьорелли от 22 декабря 1941 г., на русском языке.

⁶² Там же.

⁶³ Экспертиза почерка Ольги Синьорелли, выполненная Сементовским-Курило, приложенная к письму от 22 декабря 1941 г., на немецком языке.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Sementovsky-Kurilo N. Alessandro I di Russia*. Modena: Guanda, 1942. В предыдущем году вышло также испанское издание той же книги: *Alejandro I*. Madrid: Espasa-Calpe, 1941.

Но было бы намного лучше, если перевод будет сделан Вами, так как Вы делаете его, конечно, лучше, чем он – (это не мое личное мнение, а мнение общее: что Ваши переводы самые лучшие!).⁶⁶

У Гванды планировалась также публикация книги о графологии. Тем временем, однако, редакция получила несколько писем, довольно полемических (одно за подписью Марко Спаини), в которых оспаривались как научность метода, применяемого Сементовским-Курило, так и решение включить в публикацию заключение о почерке не только самого Спаини, но даже и Рудольфа Штейнера.⁶⁷ Гванда, тем не менее, заявил о намерении продолжать работу над проектом, но нельзя исключить, что полемические выпады оппонентов (в случае Спаини речь идет о самом настоящем запрете) отразились на судьбе книги, опубликованной только в 1946 году и в другом издательстве, Hoepli.⁶⁸

Контакт с этим швейцарско-миланским издателем помогли ему установить еще в 1942 году в Медолле, местечке в провинции Модена, Лидия и Родольфо Эшеры, земледельцы, тоже швейцарского происхождения, поскольку их сын работал у Эпли.⁶⁹ Сотрудничество с издателем с самого начала оказалось удачным и полезным для обеих сторон: в далеко не легкие годы (1944-1946) Сементовский-Курило сдал в печать три произведения.⁷⁰

Во время пребывания в Модене он часто бывал в Милане, где находились все издательства, с которыми он был в контакте. По возвращении из одной из своих деловых поездок Сементовский писал:

⁶⁶ Письмо к О. Синьорелли от 18 февраля 1942 г., на итальянском языке.

⁶⁷ О Спаини и его реакции Сементовский писал Синьорелли 5 мая 1942 г.: “Нет ничего хуже парвеню, который стал псевдодуховным человеком”. После этого эпизода, связанного с графологическими заключениями, отношения между ними несколько улучшились, хотя последнее письмо Спаини Сементовский назвал “довольно холодным” (см. письмо к Синьорелли от 9 сентября 1945 г., на итальянском языке). Сементовский-Курило был убежден, что письма, отправленные Гванде, являются частью антропософского заговора против него, организованного именно его другом и доверенным лицом, Е. Ю. Григорович, в отношении которой он, тем не менее, не мог питать зла, как он подчеркивал в письмах к Синьорелли. Стоит напомнить в этой связи, что Сементовский-Курило, как он сам признается в первом письме, написанном по-немецки к ней же, страдал манией преследования.

⁶⁸ *Sementovsky-Kurilo N. Carattere e destino*. Milano: Hoepli, 1946.

⁶⁹ См.: Письмо Л. Эшер к О. Синьорелли от 2 февраля 1942 г. (FSFC, папка “L. e R. Escher”). В нем Лидия Эшер сообщает, что рукопись книги о графо-астрологии была доставлена ее мужем в издательство Hoepli.

⁷⁰ Среди нереализованных проектов с издательством Hoepli значится работа, озаглавленная “Europa e Antieuropa” (“Европа и Анти-Европа”), публикация которой была запланирована на осень 1942 г.

Милан произвел на меня огромное впечатление. Я действительно стал провинциалом! – Как будто я никогда не жил в Берлине и Париже! – Большой город имеет много преимуществ, и я снова чувствую ностальгию по нему, после того, как снова узнал его “вкус”. Но возможно, долгое пребывание в нем не подходит тому, кто только и делает, что работает. Слишком много движения и, наверное, много отвлекающего. – Но время от времени “Dekorationswechsel” <смена декораций> полезна. – Модена – это приятный пруд с прозрачной, конечно, водой, но немного пресной. Да и откуда взять соль? Но я не должен жаловаться, потому что в качестве вознаграждения я получил дорогих друзей, настоящих друзей, которые с большим пониманием и любовью помогают мне выносить мое “заключение”.⁷¹

Действительно, Сементовский-Курило после вызванного войной молчания, длившегося два с половиной года (декабрь 1942 г. – июнь 1945 г.), снова написал Ольге Синьорелли именно из Милана. В подтверждение неизменного нежелания говорить о себе, он в двух строчках, к тому же заключенных в скобки, изложил свои военные превратности: “(одиннадцать дней тюрьмы в Кастельфранко, Модена и поспешное бегство, опасаясь попасть в гестаповский список лиц, ‘относящихся к вражеским нациям’)”.⁷² Обеспокоенный новыми слухами о репрессиях против русских граждан в Италии, он навел справки о положении своих соотечественников в Риме. Успокоенный Синьорелли, он написал ей, что заметил в одной витрине учебник русского языка Анны Лозина-Лозинской и прибавил по этому поводу: “Все мы еще очень ‘живучи’!”.⁷³

Больше всего это выражение подходит к нему самому, неутомимому труженику, который после войны продолжает работать в полную силу над десятком книг, три из которых вышли почти одновременно на рубеже 1945 и 1946 годов. Речь идет о книгах о Пугачеве, об истории русского народа и о первой работе историко-астрологического характера, – о книгах, от которых ожидали “эффект, подобный ‘атомной бом-

⁷¹ Письмо к Синьорелли из Модены от 27 мая 1942 г., на итальянском языке.

⁷² По другим источникам можно восстановить некоторые детали его жизни в эти годы: в августе 1944 г. Сементовский-Курило был заключен в тюрьму г. Кастельфранко Эмилия по обвинению в связях с партизанами, откуда ему удалось бежать и после “переправы через По под обстрелом летящих на низкой высоте американских истребителей” добраться до Милана 28 августа 1944 г., в день своего сорокатрехлетия (см.: *Guarino G., Sementovsky Kurilo N. Nicola Sementovsky Kurilo*).

⁷³ Письмо к Синьорелли из Милана от 9 сентября 1945 г., на итальянском языке. Упомянутая книга: *Lozina-Lozinsky A., Zappulli C. Corso moderno di lingua russa con vocabolario*. Roma: Edizione della Bussola, 1945.

бе'... в мирное время!".⁷⁴ И, действительно, если не считать скромного успеха исследования о Пугачеве, две книги, изданные Hoepli, получили широкое признание критики и публики. Исследование "L'Europa senza Dio" ("Европа в поисках Бога") было выпущено в 1950 году, в переработанном и расширенном издании, предисловие к которому, по первоначальному замыслу автора, должен был написать герцог Галларати Скотти,⁷⁵ но в итоге написал историк религии Анри Даниель-Ропс.⁷⁶ "Carattere e destino" ("Характер и судьба") явилось первым из восьми последующих переизданий, которые неоднократно дополнялись и перерабатывались, вплоть до 1996 года, когда вышел "Trattato di Astrologia" ("Трактат по астрологии"), до сих пор считающийся одним из основных трудов в этой области.

Прочие же упомянутые проекты 1945 года останутся нереализованными, возможно, в силу того, что они были начаты в мелких издательствах. Среди них – работа под названием "Lenin e Rasputin" ("Ленин и Распутин") и книга о царе Павле I, озаглавленная "Paolo I di Russia. Profilo di un dannato" ("Павел I, государь Российский. Портрет проклятого"), обе подготовленные для издательства Antonioli.⁷⁷ У издателя Italgéo были запланированы к выпуску "Piccola storia illustrata della Russia" ("Малая иллюстрированная история России"), с рисунками Всеволода Никулина, и "Storia della letteratura russa" ("История русской литературы"). Нереализованным остался его проект нового ежемесячного журнала (он собирался в нем участвовать с русской стороны), представляющего собой нечто среднее между обзором периодических изданий и литературной критикой. В этой новой работе Сементовский-Курило

⁷⁴ Кроме того, им были изданы следующие книги: *Sementovsky-Kurilo N. Pugaciov imperatore dei cosacchi*. Milano: Principato, 1945; *Sementovsky-Kurilo N. I russi guardano l'Europa*. Milano: Hoepli, 1945; *Sementovsky-Kurilo N. Carattere e destino*. Milano: Hoepli, 1946 (книга была переведена на немецкий и французский языки: "Mensch und Gestirn". Zurigo. Artemis, 1947; "Par les astres vers l'humain". Bruxelles-Milano: Le portail, 1948).

⁷⁵ Герцог Томмазо Галларати Скотти (Tommaso Gallarati Scotti, 1878-1966) – писатель и известный политик.

⁷⁶ Даниель Ропс (Daniel Rops, наст. имя Henry Petiot, 1901-1965), французский католический писатель и историк. Его перу принадлежат множество романов, эссе и публицистических статей. Автор серии книг по церковной истории, среди них "Le peuple de la Bible" ("Народ Библии"). Paris 1943 и "Jésus et son temps" ("Иисус и Его время"). Paris 1945, которые имеют общее заглавие "Histoire sainte" ("Священная история").

⁷⁷ Об этом романе упоминается также в письме, написанном к Синьорелли 17 июля 1940 г. При посредничестве Antonioli, кроме того, он приобрел права на перевод книги "Der Mann, der Shakespeare hiess" ("Человек по имени Шекспир") Конрада Хэммерлинга, так и оставшейся не изданной в Италии.

рассчитывал на сотрудничество с Ольгой Синьорелли, принимая также во внимание ее знакомства в высших кругах столицы.

Этот амбициозный редакционный проект соответствовал общей послевоенной атмосфере, отмеченной искренним желанием снова наладить отношения между различными европейскими странами и культурами. Тяжелый экономический кризис, захлестнувший Европу, губительно сказался на итальянском и немецком издательском рынке, поэтому и там и здесь Сементовский-Курило должен был на некоторое время отказаться от этого проекта, и прекратил переговоры с Ольгой Синьорелли по поводу публикаций его переводов.

В послевоенное время были попытки устройства его академической карьеры. После публикации “Европа в поисках Бога” ректор Миланского католического университета, Агостино Джемелли,⁷⁸ пригласил писателя вести трехгодичный курс русской истории и литературы. Однако, проект не удался из-за публикации графологических исследований Сементовского в 1946 году, которые Джемелли нашел “несовместимыми с преподаванием в католическом университете”.⁷⁹ Препятствие бюрократического характера помешало Сементовскому-Курило занять кафедру славянской филологии в университете Ла Сапиенца в Риме, предложенную ему римским знакомым профессором Палумбо:⁸⁰ необходимо было иметь итальянское гражданство, которое Сементовский-Курило попросил в 1945 году, но к тому времени еще не получил.

В последнем письме к Ольге Синьорелли, написанном в июне 1949 года, он упомянул о возможности получить, наконец, кафедру в Институте византийских исследований в Венеции, превращенную два года спустя в Эллинский институт византийских и поствизантийских исследований. Хотя и этот проект не осуществился, но уже наметились другие профессиональные сферы, в которых Сементовский-Курило будет работать в Италии вплоть до возвращения в 1965 году в Германию, в Гейдельберг. В послевоенное время он возобновил лекторскую деятельность,⁸¹ работал корреспондентом различных иностранных пе-

⁷⁸ Агостино Джемелли (Agostino Gemelli, 1878-1959) – врач, психолог, францисканский монах, учредитель и канцлер Миланского католического университета (Università Cattolica del Sacro Cuore).

⁷⁹ Guarino G., *Sementovsky Kurilo N.* Nicola Sementovsky Kurilo.

⁸⁰ Пьер Фаусто Палумбо (Pier Fausto Palumbo, 1916-2000) был профессором истории Средних веков в университетах Рима и Бари, автором многочисленных публикаций по истории Средневековья, современной истории и истории труда.

⁸¹ См.: в приложении к письму Н. Сементовского-Курило Ольге Синьорелли от 19 января 1946 г., сведения о его выступлении, озаглавленном “L’Unità spirituale dell’Europa” (“Духовное единство Европы”), в одном из отделений Associazione Mazziniana Italiana.

риодических изданий и был президентом Союза иностранных журналистов, основанного им в Милане в 1961 году.⁸² Это свое позднее признание и успехи Сементовский-Курило так объясняет в письме другу, и этими строчками заканчивается десятилетняя оживленная его переписка с Ольгой Ресневич-Синьорелли:

Я, как Вы знаете, Ванька-Встанька <в тексте по-русски – М. Б.> или, если угодно, кошка, которая всегда падает на четыре лапы.⁸³

Перевод Светланы Нистратовой

Фотография Н. Сементовского-Курило. Midolla, 7/9 марта 1942 г.

⁸² Об этом см. единственный номер Ежегодника Союза иностранных журналистов: “L’Italia vista dai giornalisti esteri” (“Италия, увиденная иностранными журналистами”, под ред. Н. Сементовского-Курило). Milano: Arti Grafiche Setti, 1963.

⁸³ Письмо к О. Синьорелли от 25 июня 1949 г., на итальянском языке.

ПЕРЕПИСКА Ф. А. СТЕПУНА С О. РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ (1936-1962)

*Предисловие и комментарии Кристиана Хуфена,
подготовка текста К. Хуфена и А. Конечного*

Эта переписка свидетельствует о связях внутри русской эмигрантской культуры, существовавших по обе стороны Альп в XX веке. Благодаря этой “оси”, тексты, написанные жившим с 1924 года в Италии Вячеславом Ивановым, стали доступны в немецкоязычном культурном пространстве. Федор Степун принимал участие в этом трансфере в качестве посредника и публициста. Переписка с Ольгой Ресневич-Синьорелли содержит сообщения, адресованные Ольге Шор, а также ее собственные записи. Шор была сотрудницей Иванова, а с 1949 года – хранительницей его архива. Она сыграла ключевую роль в деле распространения и уяснения в западноевропейской культурной среде наследия виднейшего представителя русского символизма. Кроме того, письма свидетельствуют о многолетней дружбе и личных встречах Синьорелли и Степуна.

Философ и публицист Федор Августович Степун (1884-1965) был вынужден покинуть родную Москву в 1922 году и с 1925 года обосновался в Дрездене, где получил профессию на кафедре социологии культуры в Техническом институте (сегодня – Дрезденский технический университет). Это положение позволило ему продолжить обмен идеями в рамках русско-немецкого культурного диалога вплоть до 1937 года, когда он был уволен национал-социалистами и потерпел неудачу при попытке эмигрировать в Швейцарию, что повлекло разрыв многих прежних связей. После войны, в 1946 году, Степун переехал с женой в Мюнхен, где возглавил специально для него созданную кафедру истории русской культуры в Мюнхенском университете. Он принимает активное участие в различных культурных и образовательных начинаниях в Западной Германии, а также продолжает работу над социологическим анализом большевизма.

Степун возобновил связи с русской эмиграцией в Мюнхене, Париже и Нью-Йорке. Его ораторский дар, философская харизма и профес-

сионально организованные лекторские турне, а особенно его мемуары, вышедшие в свет в Германии в 1947-1950 годах, принесли ему успех и известность за пределами страны. Степун, овдовевший в 1961 году, оставался публичным человеком до конца жизни.

Публикуемые здесь письма дают представление о четырех десятилетиях его творчества: о конце публичной деятельности в нацистской Германии и уходе в частную жизнь; о работе над литературно-социологическими воспоминаниями во время Второй мировой войны; о послевоенном периоде жизни; наконец, о позднем периоде творчества, начиная с середины 1950-х годов, когда возник широкий интерес к личности Вячеслава Иванова и его работам. Степун наконец-то предпринимает две поездки в Рим, где он снова видится с Ольгой Синьорелли и интенсивно общается с Ольгой Шор.

Для творческой биографии Федора Степуна характерно постоянное движение между Западом и Востоком. Будучи студентом в Гейдельберге, он, по собственным воспоминаниям, отказался от изучения истории искусства, чтобы избежать поездки в Италию во время летних каникул: причиной была тоска по Москве, желание увидеть семью и друзей. Перед Первой мировой войной он постоянно курсировал между Россией и Германией, позже между Германией и Францией. В период между двух войн центром его интереса был Париж, речь идет об участии в полемике, разгоревшейся на страницах эмигрантской прессы, о судьбе России и ее будущем, чему Вячеслав Иванов не сочувствовал. Немногочисленные письма, сохранившиеся из переписки 1925 года между Степуном и Ивановым, свидетельствует о том, что в тот момент для обоих обмен идеями не стоял на повестке дня.¹ Лишь позже, пройдя через горький опыт одиночества в Дрездене, после потери связей с Парижем и другими эмигрантскими кругами, у Степуна возникает внутренняя необходимость интенсивного изучения трудов Иванова. Если прежде в фокусе его интереса находился Иван Бунин и его романы, то с годами Степун находит единомышленника в живущем в Риме русском ученом, чье лирическое творчество затрагивает его до глубины души. Приведенные письма к Ольге Синьорелли свидетельствуют об этом повороте, который в конечном счете снова свел его с Вечным городом – более чем через сорок лет после первого путешествия в Ита-

¹ См.: *Сегал Д., Сегал (Рудник) Н.* Начало эмиграции: переписка Е. Д. Шора с Ф. А. Степуном и Вячеславом Ивановым // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Междунар. симп., Вена 1998 / Институт славистики Венского Университета; *Associazione Internazionale Convivium, Roma* / Ред. Сергей Аверинцев, Роземари Циглер. Frankfurt a. M.: Lang, 2002. С. 457-545.

лию, совершенного для организации итальянского варианта философского журнала “Logos”.²

Ольга Синьорелли впервые встречается с Степуном и его женой Натальей Николаевной предположительно в конце 1936 года, когда по их приглашению останавливается в Дрездене на обратном пути из Берлина (вероятно, после поездки на родину в Латвию). Супруги скорее всего уже были ей знакомы благодаря автобиографическому роману,³ а о личности и философских воззрениях Степуна, которые нравились ей еще в студенческие годы, наверняка рассказывала Ольга Шор. В свою очередь Степуны вероятно могли быть знакомы с дочерью Ольги и Анджели.⁴ В 1932 году Мария Синьорелли побывала в Берлине, где состоялась выставка ее кукол в галерее Gurlitt. Их общим знакомым был Евсей Давидович Шор, составивший каталог для выставки Марии Синьорелли и в свое время готовивший монографию о кукольном театре. К тому времени кузен Ольги Шор, ученик Хайдеггера и авторитетный издатель работ Иванова в Германии, эмигрировал в Палестину.⁵ Его судьба также могла быть общей темой для бесед в Дрездене.

Супругов Степунов с Ольгой Синьорелли связывала общая любовь к театру. Степун в свое время занимался театральной критикой и некоторое время работал в театре в Москве; до 1933 года он опубликовал несколько работ об актерской профессии, а также монографию о театре и кино. Синьорелли и Степуно случалось встречаться с известными русскими писателями и режиссерами, такими как Горький и Мейерхольд. Мать Степуна, Мария Федоровна, отправившаяся в 1925 году к старшему сыну в изгнание, могла развеселить гостей анекдотами из московской театральной жизни: ее многое связывало с МХАТом, другой ее сын – Владимир Степун – был актером в этом театре. Очевидно,

² О путешествии в Италию см. в воспоминаниях Степуна, а также: *Hufen C. Fedor Stepun: ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa; die Jahre 1884-1945*. Berlin: Lukas-Verlag, 2001.

³ Роман Степуна “Николай Переслегин” впервые был опубликован в журнале “Современные записки” (Париж, 1923-1925). Первое отдельное издание по-русски вышло в Париже в 1929 г. Немецкий перевод Кете Розенберг вышел в Мюнхене в 1928 г. в качестве первой книги в литературной программе нового издательства Carl-Hanser-Verlag. В библиотеке Иванова, имеется и издание 1929 г., и отгиск из “Современных записок”. Об отгиске идет речь в переписке Вяч. Иванова с Шор 1927-1928 гг.; из переписки явствует, что роман был какое-то время у Синьорелли, которая собиралась перевести его в 1928 г. (ARI, III. P. 252, 255, 262, 333, 336, 337).

⁴ В одном из писем к О. Шор Синьорелли просит навести справки о Мюнхенской школе Dr. Emil Preetorius, куда собиралась поступать Мария, и пишет: “Запросите у Степуна” (см. письмо от 18 августа 1930 г. в первом томе наст. издания).

⁵ См. письма Е. Д. Шор в наст. томе.

что и энергичная пожилая дама, и Федор Степун проявили интерес к монографии о Элеоноре Дузе, написанной Ольгой Синьорелли. Выход в свет немецкого издания в 1939 году еще раз привел ее в Берлин.

Нельзя исключить, что привилегированное положение гости (супруги Синьорелли были профессионально связаны с высшими кругами в Италии), привело к определенной сдержанности и осмотрительности в Дрездене: Степун ко времени встречи был уволен, его тексты запрещены к публикации, а ему самому закрыт выезд из страны. Во всяком случае, несмотря на очевидно дружеские отношения, о чем можно судить по письмам в целом, переписка этого периода кажется более формальной в сравнении с прочими письмами. В особенности после 1945 года содержание писем практически не выходит за рамки обмена информацией о новых работах, книгах и планируемых поездках, разве что задаются вопросы об общих знакомых и передаются им приветы. Судя по характеру и объему, письма в период после встречи писались с целью поддержать знакомство, а не для углубления личных отношений или для обмена идеями. Позже, с появлением возможности путешествовать, отпала необходимость в общении только или по большей части посредством переписки.

Исключение по своему характеру составляют два письма, написанные по-немецки в 1941 и 1942 годах, в которых Федор Степун очень подробно описывает внезапную психическую болезнь и смерть своей матери, а также жалуется на растущее одиночество и говорит о своем желании уделять больше внимания и любви близким ему людям. Трогательный портрет Марии Федоровны Степун – литературная кульминация этих писем – не в последнюю очередь был адресован Ольге Шор, которая была тесно связана с его матерью. А его заявление о необходимости больше времени уделять тем писателям, чье творчество он до сих пор не устаивал достаточным вниманием, говорит о чувстве ответственности этого крупного русского мыслителя, о его убеждении в необходимости донести достижения эмигрантской культуры до широкой публики.

Письма Степуна к Синьорелли (1936-1961) печатаются по автографам, хранящимся в FSFC. Довоенные письма Синьорелли к Степуну не сохранились, так как его архив сгорел во время бомбардировки Дрездена в ночь с 13 на 14 февраля 1945 года.

Послевоенные письма Синьорелли (1945-1962) хранятся в бумагах Степуна, переданных в собрание Бейнеке (Beinecke Rare Books and Manuscripts Library at Yale University, New Haven).⁶

Ф. А. Степун с матерью. Дрезден, 1930-е гг.

⁶ Переписка имела продолжение, о чем свидетельствует фраза из письма Синьорелли к Шор от 22 августа 1964 г.: “Приводя в порядок книги и бумаги, нашла несколько нераспечатанных писем и книгу Степуна!!! Это моя умнейшая Tergina <прислуга> сунула в мое отсутствие и ничего не сказала <...> Я все-таки очень рада, что нашла и напишу <...> Степуну” (РАИ).

1

Ф. Степун – О. Синьорелли

23. XI. <1936>¹

Многоуважаемая Ольга...? (Отчества не знаю).

Вернулся из Швейцарии² и спешу сговориться. До среды я похоронен. После лекции³ (среда от 5-7) свободен... относительно. <В> четверг у меня русское собрание.⁴ В пятницу и субботу утром по семинару, к которым нужно готовиться. Вся эта досадная теснота и спешка из-за того, что я неделю отсутствовал, а перед тем готовился к швейцарским лекциям.

Не знаю, какие у Вас планы: если у Вас в Берлине есть дела или для Вас есть смысл пребывания в одной столице, то мне было бы самое удобное, если бы Вы приехали к нам в субботу. У меня для встречи с Вами было бы легкое и свободное дыхание, попросту время. Билет стоил бы Вам, если Вы возвращаетесь в Берлин дешевле (воскресенье – <нерзб.>).

Если же Вам в Б<ерлине> делать нечего, то приезжайте в среду; у нас будет среда – вечер и, конечно, несколько часов в четверг. Может быть, Вам будет интересно послушать мою лекцию.⁵ Конечно, Вы можете у нас переночевать и не одну ночь. О том, что мы с женой очень рады с Вами познакомиться, мне писать не приходится.

С искренним приветом

Ваш Ф. Степун

P.S. Бог даст Вы с грехом пополам разберете мой почерк

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Степун посещал Швейцарию начиная с 1931 г. Там он встречался со швейцарцем Г. Кульманом, соиздателем “Нового града” (Париж, 1931-1939) и немецким эмигрантом Р. Рёсслером (Rudolf Roessler), возглавлявшем издательство “Vita Nova”. Степун читал в Швейцарии лекции и с 1933 г. начал печататься в швейцарских журналах, ибо после прихода к власти Гитлера его публичная деятельность в Германии все более сокращалась. В ноябре 1936 г. он посетил Кульмана на Женевском озере.

³ Степун был профессором социологии на культурно-философском отделении (Kulturwissenschaftliches Institut) Дрезденского политехникума (Technische Hochschule) в 1926-1937 гг.

⁴ Степун и его жена Наталья Николаевна (урожд. Никольская, 1886-1961) были активными деятелями русской эмигрантской общины в Дрездене. Степун участвовал в деятельности Соловьевского общества, куда приглашал с выступлениями различных русских писателей, в том числе Владимира Набокова.

⁵ Точное название лекции неизвестно. В академический год 1936/1937 Степун совместно с И. Куном (Johannes Kühn) читал семинар “Народ, государство и экономика”.

2

Ф. Степун – О. Синьорелли

7 июля 1938 г.¹

Дорогая Ольга Ивановна

Страшная досада, что мы получили Ваше письмо с таким запозданием, в чем виноват лично я, не сразу сообщивший почте свой летний адрес.²

Нам *очень, очень* хочется повидаться с Вами. На пути в Ригу³ это вероятно уже не удастся (мы возвращаемся только к 1-ому августу в Дрезден). Но мы очень жаждем Вашего заезда в Дрезден на обратном пути в Италию. Будьте добры, сообщите, возможно ли это.

Самый сердечный привет Вам от Нат<альи> Николаевны и меня.

Мама⁴ не с нами: все же шлем привет и от нее.

Ваш Ф. Степун

¹ Адрес отправителя: Schloß Neschwitz bei Bautzen/ Sachsen.

² Нацисты лишили Степуна места в Политехникуме и запретили ему покидать пределы Германии; таким образом, лето 1937 г. он провел у своего бывшего коллеги А. Фон Виттинггофа (Arnold von Viettinghof) в замке Нешвиц под Дрезденом.

³ О. Синьорелли ездила в Латвию к родителям.

⁴ Мария Федоровна Степун, урожденная Аргеландер (1861-1941).

3

Ф. Степун – О. Синьорелли

Дрезден, 20 декабря 1939 г.

Дорогая Ольга Ивановна,

большое спасибо за память, буду очень рад получить Вашу книгу.¹ Сделаю, что могу для ее распространения. Написать в русском журнале не смогу, так как все сношения с редакциями сейчас невозможны.² Быть может, мне удастся поместить отзывы в какой-нибудь серьезной немецкой газете.³

Живем мы по-старому. Я сейчас работаю над большой и по форме довольно сложной книгой.⁴ Самым подходящим заглавием для нее было бы беловское заглавие “Я – эпопея”.⁵ Хочу в форме рассказа о себе рассказать обо всем, что произошло в мире за мою жизнь. Рассказ

должен быть одновременно и искусством, и философией, и проповедью. Если бы Вы приехали, с удовольствием почитал бы Вам отдельные главы. Писать сейчас спокойно, так как чувствуешь, что миру не до тебя и не до твоих писаний. Спешить некуда и потому пишешь как бы перед лицом вечности. Очень хотелось бы знать, что делают наши римские друзья.⁶ Когда Вы были здесь, мы говорили с Вами об Олечке,⁷ и Вы хотели сообщить нам о ее судьбе. Если она в Риме, не можете ли Вы ее спросить, не знает ли она что-нибудь о судьбе Сергея Осиповича Г.⁸ Был бы Вам очень благодарен, если бы наведя справки, Вы сообщили бы мне ответ.

Очень хотел бы о многом написать Вам, но за поздним часом и моего и исторического дней откладываю беседу до личного свидания.

Примите наши сердечные поздравления и пожелания к Рождеству и Новому Году.

Душевно Ваш

Ф. Степун.

P.S. Мама живет по-прежнему, страдает только очень от затемнений,⁹ которые лишают ее возможности ходить в концерты и театры. Без музыки ей жизнь не в жизнь. Мама тоже с нетерпением ждет Вашу книгу, она ведь горячая поклонница Дузе.¹⁰ Сердечно поздравляю.

¹ Имеется в виду книга: *Resnevic-Signorelli O. Eleonora Duse. Leben und Leiden der grossen Schauspielerin. Autorisierte Übersetzung von Hanna Kiel. Berlin 1939* (перевод с итальянского издания 1938 г.)

² Нацисты запретили Степуну всякую публичную деятельность, включая журналистику; исключением было сотрудничество с католическим журналом "Hochland", который издавал в Мюнхене К. Мут (K. Muth). Продолжать сношения с русской эмигрантской прессой также стало трудно до 1937 г. и невозможно после 1939 г.

³ Газетного отзыва на эту книгу Синьорелли не выявлено.

⁴ Оказавшись в отставке, Степун начал писать воспоминания. Первая глава напечатана по-русски и по-немецки: Воспоминания. Детство. Деревня // *Современные записки*. 1939. № LXIX; *Aus meiner Kindheit / Hochland*. Jg. 37 (1939-40). Heft 1. S. 446-454. Книга была закончена после войны и опубликована сперва в Западной Германии (*Vergängliches und Unvergängliches*. Bd. I-III. München 1947-1950), затем в США (Бывшее и несбывшееся. New York 1956).

⁵ С Андреем Белым (1880-1934) Степун встречался в Москве до начала Первой мировой войны и в Берлине в 1922-1923 гг. (см.: *Vergangenes und Unvergängliches*. Bd. I. S. 323-326; ниже будет цитироваться немецкое издание, так как в ее русской версии автором предприняты некоторые сокращения). Некролог поэту Степун издал по-русски (*Современные записки*. 1934. № LVI) и по-немецки (*Hochland*. Jg. 34 (1937). Heft 2, S. 200-215). В последней книге Степун посвятил поэту отдельную главу "Andrej Belyj" (*Stepun F. Mystische Weltschau. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus*. München 1964. S. 279-355).

⁶ То есть В. И. Иванов и О. А. Шор.

⁷ О. А. Шор.

⁸ Сергей Иосифович Гессен (1887-1950), русский эмигрантский философ и теоретик обучения, ближайший друг Степуна из русских евреев. В 1925 г. Гессен и Степун совместно с Б. Яковенко организовали в Праге русское издание международного философского журнала "Логос". Гессен пережил войну и геноцид (ср. письмо Степуна к Синьорелли от 19 августа 1946). Приехав во Фрейбург в 1912 г., чтобы слушать лекции по философии неокантианца Генриха Риккерта (Heinrich Rickert), О. Шор сблизилась с Гессеном и Степуном, которые посещали общество молодых немецких и русских философов вокруг Риккерта и были издателями и сотрудниками журнала "Логос". Из неопубликованного письма О. Шор к Степуну от 7 ноября 1955 г. (Stepun papers, Box 6, folder "Shor, O."), явствует также, что она была возлюбленной Гессена, который ее познакомил с работами друга Степуна. Гессен был одним из наиболее старых друзей Ольги Шор — по ее определению "первый философский учитель" (ARI, III. P. 259).

⁹ М. Ф. Степун жила в пригороде Дрезден-Булау, и из-за светомаскировки и отсутствия транспорта, вечером ей приходилось возвращаться домой пешком и в темноте.

¹⁰ М. Ф. Степун, которая в молодости играла у Станиславского, могла видеть Дузе в Москве или во время ее путешествий по Европе.

4

Ф. Степун – О. Синьорелли

2.12.1941

Dresden

Liebe Frau Signorelli!¹

Ich habe ein sehr böses Gewissen, dass ich mich Ihnen gegenüber so wenig erkenntlich gezeigt habe. Mein einziger Trost ist nur der, dass das äußere Bild meines Benehmens in keinem Zusammenhange damit steht, was Natascha und ich stets für Sie in unseren Herzen an Gefühlen und Gedanken getragen haben. Wollen Sie also bitte heute, wo ich vor einem längeren „Urlaub“ in den Bergen² mir alle Schuld und alle Gewissensqualen von der Seele schreiben möchte, unseren verspäteten aber darum nicht weniger warmen Dank für all das entgegennehmen, was wir an Sorge und Liebe von Ihnen in den letzten Jahren erfahren haben. An erster Stelle Dank für Ihr schönes knappes, mit dem Genie und der Seele von Eleonore Duse so vorsichtig und melodisch umgehendes Buch. Meine Mutter, die vor zwei Wochen gestorben ist, hat es über alles lieb gehabt und hat sich in ihren letzten Aufnahmen, die sehr gut gelungen sind, überall mit diesem Buche vor den Apparat gesetzt und gestellt. In letzter Zeit haben wir recht viel mit Rösler³ über Sie, Iwanow und Olga Schor gesprochen. Durch die Erzählungen der beiden haben wir gleichsam mit einem Auge in Ihr Leben in Rom hineinblicken können, wodurch in der Seele eine mächtige Sehnsucht nach dem Fernen von Moskau und Rom geweckt worden ist.

Ich bin heute sehr müde, sehr abgespant, weil ich nach sehr schweren Monaten, die wir hinter uns haben, auch noch gegen hundert Antworten auf die Kondolenzbriefe⁴ diktieren musste. Darum kann ich es nicht wagen, Ihnen heute einen wirklichen Brief zu schreiben. Ich will nur noch einiges über den Krankheitsverlauf und den Tod meiner Mutter Ihnen mitteilen mit der Bitte, dieses an Olga Alexandrowna weiterzugeben, der ich später einige Zeilen russisch schreiben möchte (ich kann an sie nicht deutsch schreiben), und die ich vor allem auch im Namen Nataschas durch Sie für die lieben Geschenke danken möchte, die Sie uns zugedacht hat.

Mama ist Mitte August an einer schweren Psychose erkrankt. Die Nervenärzte stellten die Diagnose einer Angstpsychose mit einem mächtigen hysterischen Überbau, die die Kranke immer tiefer in ihr Leiden hineintrieb und alle Behandlung (man hat mit einer Wachsuggestion angefangen) beinehe <sic!> unmöglich machte. Mamas alte Angst, die Todesangst,⁵ begann in ihrer Seele nach allen Seiten zu wuchern. Nach einem Monat der Krankheit hatte sie so gut wie vor allem Angst, vor Menschen, vor der Straße, vor der Dunkelheit, vor dem Essen, Trinken und Schlafen. Zugleich wuchs in ihr, aus ihrem Charakter heraus gut verständlich, sowohl ein Geltungs- wie ein Herrschbedürfnis. Ohnmächtig, dieses Doppelbedürfnis in alter Weise zu befriedigen, suchte sie durch ihre Krankheit ihre Umgebung zu beherrschen, wodurch diese (die Krankheit) nicht nur zum Tyrannen über uns, sondern auch zum Tyrannen über ihre eigene Seele wurde. Es gab schreckliche Tage, noch schrecklichere Stunden, wobei die Bewusstseinswahrheit enorm blieb, so dass Mama sich selbst in allen Einzelheiten gut und richtig analysieren konnte. Je länger die Krankheit dauerte, desto stärker wuchs aus ihren Ängsten der Protest gegen Gott, Welt und Umgebung. Sie leugnete Gott nicht, aber sie klagte ihn an, eine furchtbare Welt erschaffen zu haben, haderte mit ihm auch wegen ihres eigenen Schicksals. Einige Wochen später war die Welt aus ihrem Blickfeld so gut wie ganz verschwunden. Sie verlor jedes Interesse für alles, was sich in der Welt tat und für die Geschehnisse ihrer eigenen Kinder;⁶ dabei verlor sie aber nicht das Bewusstsein der Abnormalität ihres Zustandes und stand erschreckt von der Tatsache, dass sie selbst den Tod ihrer Kinder in der fernen Heimat nicht mehr mit innerer Anteilnahme erleben konnte.

Sie ließ sich von den Ärzten kaum behandeln, ließ keine Krankenschwester an ihr Lager und reagierte mit titanischen Schreien gegen jeglichen Versuch, ihren Willen zu brechen. Es ist ihr gelungen, sich durchzusetzen. Trotz ärztlichen Anratens sie in ein Sanatorium zu bringen, trotz dem Umstand, dass ihre Pflege für meine herzkranken Frau eine direkte Gefahr barg, haben wir sie bis zuletzt zu Hause behalten und ihr alles nach Möglichkeit selbst getan. Die letzten sechs Nächte habe ich bei ihr geschlafen. Sie starb bewusst aber vollständig wortlos hinter dem dichten Vorhang eines unbegreiflichen Schweigens an einer Lungenentzündung, die sie sich

selber zugezogen hat, dass sie, durch Speiseverweigerung geschwächt, sich eigentlich ohne krank zu sein zum Sterben ins Bett legte. Was in ihrer Seele vorgegangen sein mag, kann ich nur schwer sagen. Immerhin glaube ich, dass sie in den letzten Tagen eine Ahnung von dem Sinn der Welt und ihres eigenen Lebens erhalten haben könnte. Auf dem Totenbett sah sie sehr fremd aber auch sehr friedlich, jung und schön aus.

Wollen Sie so gut sein, diesen Brief an Fräulein Schor weiterzugeben. Mama hat an sie immer wieder mit Liebe und Dankbarkeit gedacht. Sie hat es mir öfters gesagt, sie würde es Olga Alexandrowna nie vergessen, wie sehr sie ihr nach meiner Ausweisung⁷ behilflich gewesen war. Ohne diese Hilfe wäre es meiner Mutter ihren eigenen Worten nach kaum möglich gewesen, die Trennung zu tragen... Von Rösler höre ich, dass der alte Meister mein Freund Iwanow recht unglücklich darüber ist, dass ich die Jahre der Emigration mit publizistischem Kampf angefüllt habe und meine Feder nicht ausschließlich der Kunst gewidmet hätte.⁸ Es ist mir unmöglich, und nicht nur aus Zeitmangel, – wir verreisen übermorgen früh – dieses Thema eingehender zu behandeln. Ich möchte dem großen Dichter und Gelehrten nur mitteilen lassen, dass das, was er mir zum Vorwurf macht, ich sehr genau als eigene Qual meiner Seele kenne. Und doch bereue ich die “vergeudete” Zeit nicht, weil der Zustand der Welt mir keine Ruhe gibt und weil es mir unmöglich war, sich schöpferisch zur Seite zu stellen und dort nur zu schauen und zu gestalten, wo man sich quälen und aufreiben musste. Man kann heute im Glück nicht glücklich werden; eher vielleicht schon im Unglück.

Ich weiß, ich diktiere nur ganz ungefähr, nur ganz unzulängliche Worte. Solche Briefe, wie es dieser ist, dürften ja überhaupt nicht diktiert werden, sie müssten langsam in der Einsamkeit mit der eigenen Feder, meditativ niedergeschrieben werden. Doch kann ich das nicht tun, weil ich sonst überhaupt nicht zum Schreiben komme. Darum bitte ich Sie und die Mitleser, ja die Mitadressaten dieses Briefes, mir die Flüchtigkeit meiner Zeilen zu verzeihen. Vielleicht kommt demnächst eine ruhigere Zeit und vor allen Dingen eine, wo man mit seinen Formulierungen wird in die Tiefe gehen dürfen.⁹ Im Augenblicke steht mir eine solche nicht zur Verfügung, aber ich wollte und konnte nicht weiter schweigen: ich musste doch mich bei Olga Alexandrowna bedanken, ihr vor allem über den Tod meiner Mutter schreiben, und Wjatscheslaw Iwanowitsch wenn auch nur andeutungsweise mitteilen lassen, wie sehr ich ihn in seiner Sorge um mich verstehe und wie sehr ich trotz dieser geteilten Sorge nicht anders kann. Indem ich Ihnen das Versprechen gebe, mich in Zukunft zu bessern, bleibe ich in Erwartung wenn auch nur kurzer Zeilen von Ihnen und meinen Freunden

Ihr Ihnen aufrichtig ergebener Fedor Stepun

[приписка от руки]

P.S.

23.И.<19>42

Dieser Brief ist 2½ Monate auf meinem Schreibtisch liegen geblieben. Warum? Kann ich schwer sagen. Wahrscheinlich, weil ein ganz anderer ungeschrieben auf dem Herzen lag. Nun soll ihn Walter R.¹⁰ doch mitnehmen, weil ich den ungeschriebenen doch nicht schreiben kann: ach wie gerne hätte ich sie alle gesprochen!

Die 2 Monate in den bayrischen Bergen, die wir bei Freunden am Tegern See verbracht haben, - haben uns beiden, vor allem aber Natascha gut getan. Meine ganze Sehnsucht ist heute Arbeit und Arbeit, aber wir haben gegen unabwehrenden Menschenstrom zu kämpfen, der uns Tag für Tag an der Türe rüttelt.¹¹ Hoffentlich wird es bald abebben. Ich liebe ja Menschen und habe von ihnen immer viel gehabt, aber das Leben geht der Weise zu und man muss beginnen, sehr mit der Zeit zu sparen.

Noch ein Mal die herzlichsten Grüße von Natascha und mir.

Ihr F. Ste<pun>

Перевод

Дорогая госпожа Синьорелли!¹

У меня очень беспокойно на душе из-за того, что я выразил Вам недостаточную признательность. Единственным утешением мне служит то, что внешнее впечатление от моего поведения никак не связано с теми чувствами и мыслями по отношению к Вам, которые мы с Наташей всегда хранили в наших сердцах. Позвольте же мне сегодня, когда перед отъездом в длительный "отпуск" в горах² так хочется избавиться от чувства вины и душевных страданий с помощью письма, выразить Вам запоздалую, но от того не менее горячую благодарность за ту любовь и заботу, что мы получили от Вас в последние годы. В первую очередь, спасибо за Вашу прекрасную, сжато написанную книгу, так тонко и мелодично отражающую гений и дух Элеоноры Дузе. Моя мать, умершая две недели назад, эту книгу просто обожала и на последних снимках, получившихся очень удачными, везде усаживалась или вставала перед фотоаппаратом с ней в руках. В последнее время мы с Росслерами³ много беседовали о Вас, об Иванове, об Ольге Шор. Благодаря рассказам обоих мы словно смогли глянуть одним глазком на Вашу жизнь в Риме, от чего в душе проснулась тоска по далеким местам, по Москве и Риму.

Я сегодня очень усталый и изможденный, поскольку после очень тяжелых прошедших месяцев мне пришлось еще и диктовать около ста ответов на письма с соболезнованиями.⁴ Поэтому не решаюсь написать Вам сегодня настоящее письмо. Я лишь хочу немного рассказать о течении болезни и смерти матери с просьбой передать это Ольге Александровне, которой я позже напишу несколько строк по-русски (я не могу писать ей по-немецки), а также поблагодарить ее – в первую очередь от имени Наташи – за те славные подарки, что она нам приготовила.

У мамы случилось тяжелое психическое расстройство в середине августа. Невропатологи поставили диагноз – психоз страха вкупе с сильной истерикой, эта болезнь все больше усугубляла ее страдания, делая практически невозможным всякое лечение

(начинали с внушения в состоянии бодрствования). Мамин застарелый страх, страх быть убитой, начал разрастаться в ее душе.⁵ Через месяц после начала болезни она стала бояться практически всего – людей, улиц, темноты, пищи, напитков, сна. В то же время в ней зрели, как следствие ее характера, мания величия и жажда власти. Будучи бессильной удовлетворить обе навязчивые идеи привычными способами, она ударилась в контроль над всем окружением, из-за чего эта (болезнь) превратила ее в тирана не только над нами, но и над ее душой. Случались ужасные дни, еще более ужасные часы, но при этом у нее оставалось достаточно ясное сознание, так что мама могла четко и безошибочно анализировать себя во всех подробностях. Чем дольше длилась ее болезнь, тем сильнее ее страхи порождали протест против Бога, мира и окружающей среды. Она не отрицала Бога, но обвиняла его в создании ужасного мира, враждовала с ним по поводу собственной судьбы. Еще через несколько недель мир практически выпал из ее поля зрения. Она потеряла интерес ко всему, что происходит на свете, к делам детей;⁶ при этом, однако, она не утратила понимание аномальности своего состояния и с ужасом осознавала тот факт, что даже смерть ее детей на чужбине не вызывает у нее более внутреннего участия.

Она практически не давала врачам заниматься ее лечением, не допускала медсестер в свои покои и реагировала титаническими криками на всякую попытку сломить ее волю. Несмотря на рекомендацию врачей поместить ее в санаторий, несмотря на тот факт, что уход за ней являл собой прямую угрозу моей жене с большим сердцем, мы все равно оставили ее дома до самого конца и делали для нее все возможное. В последние шесть ночей я спал с ней в одной комнате. Она умерла от воспаления легких будучи в сознании, но при этом совершенно без слов, словно за плотным пологом из непостижимого молчания; воспаление она получила по собственной вине, ослабленная отказом от пищи, она, собственно физически здоровая, улеглась в постель умирать. Я затрудняюсь сказать, что происходило в ее душе. И все же мне кажется, что в последние дни она задумывалась о смысле жизни и ее собственного существования. На смертном одре она выглядела чужой, но при этом очень смирившийся, молодой и красивой.

Прошу Вас, будьте любезны передать это письмо фройляйн Шор. Мама все время вспоминала о ней с чувством любви и благодарности. Она часто говорила о том, что никогда не забудет помощь Ольги Александровны после моей высылки.⁷ По словам мамы, без этой помощи она едва ли пережила бы разлуку... Росслер мне доложил, что мой старый мэтр, мой друг Иванов, весьма недоволен тем, что я потратил годы эмиграции на войны в публицистике – вместо того, чтобы посвятить свое перо исключительно искусству.⁸ Сейчас у меня нет возможности как следует коснуться этой темы, причем не только из-за отсутствия времени (мы уезжаем послезавтра ранним утром). Хотелось бы только передать великому поэту и мыслителю, что то, что он ставит мне в укор, знакомо мне по собственным душевным сомнениям. И все же я не раскаиваюсь в “напрасно потраченном” времени, поскольку состояние мира не дает мне покоя, и поскольку я всегда находил невозможным оставаться в стороне с видом творца, и там, в стороне, наблюдать и творить, в то время как мир вынуждает тебя мучиться и страдать. Сегодня невозможно быть счастливым, испытав счастье; если и можно, то в несчастье.

Я понимаю, что диктую не совсем ясно, всего лишь туманные слова. Письма, подобные этому, и вовсе не должны диктоваться, они должны писаться в одиночестве, личным пером, медленно, медитативно. Но у меня нет выбора, иначе я просто не найду времени писать. Потому прошу и Вас, и всех, кто прочтет это письмо – в общем, всех

адресатов простить мне небрежность этих строк. Возможно, скоро наступит более спокойное время, когда станут позволительны более глубокие выражения чувств.⁹

В данный момент для меня такое время не наступило, но я не хотел и не мог от малчиваться: я должен был поблагодарить Ольгу Александровну, непременно рассказать ей о смерти матери, а также донести до Вячеслава Ивановича, что я понимаю его беспокойство обо мне и что я не могу иначе. Прощаюсь с обещанием исправиться и в надежде на пусть короткие строки от Вас и моих друзей.

Ваш верный слуга Федор Степун

<приписка от руки>

P.S. 23.II.42

Это письмо лежит уже 2½ месяца на моем рабочем столе. Почему я его не послал? Трудно сказать. Вероятно, потому что я желал бы отправить другое, то ненаписанное письмо, которое в моем сердце. Пусть Вальтер Р.¹⁰ передаст Вам то, что я не могу написать; как бы мне хотелось поговорить с Вами!

Два месяца в баварских горах, которые мы провели с друзьями на озере Тегернзее, принесли пользу нам обоим, но в особенности Наташе. Вся моя страсть сегодня – работа и работа, но нам приходится бороться с непобедимым потоком людей, что день за днем звонят в нашу дверь.¹¹ Надеюсь, это пройдет. Я конечно люблю людей, всегда их люблю много вокруг меня, но жизнь утекает, и начинаешь бережно обращаться со временем.

Еще раз сердечный привет от Наташи и меня.

Ваш Ф. Сте.

¹ Это и следующие письма написаны по-немецки из-за военной цензуры.

² После смерти М. Ф. Степун супруги Степуны были приглашены саксонским бизнесменом перебраться из Дрездена в Роттах-Эгерн ам Тегернзее, около 40 км от Мюнхена; они посещали это место несколько раз, а с 1944 по 1947 гг. жили там постоянно.

³ Вальтер Росслер, дрезденский друг Степуна, автор скульптурного портрета Вяч. Иванова (находится в Римском архиве Иванова) и Степуна.

⁴ М. Ф. Степун всю жизнь интересовалась русским театром, искусством и литературой. В Дрездене она посещала лекции и семинары Ф. А. Степуна, а также была постоянным членом русских эмигрантских и немецких кружков, где пользовалась всеобщей любовью и уважением.

⁵ Долго оставалась неизвестной судьба ближайших родных Степуна. Только в 1957 г. Димитрий Иванов, сын Вяч. Иванова, будучи в командировке в Москве от Radio France, нашел брата Федора Степуна – Владимира (после 1886 – ок. 1965). Согласно неопубликованному письму О. Шор к Степуну от 28 марта 1957 г. (New Haven / Conn., Yale University, Beinecke Rare Books and Manuscripts Library [old signature: Stepun papers, Box 6, folder "Shor, O."]), Владимир отсидел 10 лет в лагерях, и только по окончании срока, в 1954 г. вышел на свободу. Второй брат Оскар Степун (1885-1954), знаменитый советский биохимик, умер на свободе, но длительное время просидел в лагерях. Мать Степуна пережила гражданскую войну в деревне в Московской области, где была свидетелем беззакония и террора. В Германии в 1941 г., когда лица с советским гражданством подвергались преследованиям, ее жизнь вновь была в опасности.

Ф. А. Степун. Дрезден, 1920-е – 1930-е гг.

Ее удалось спасти, благодаря поддержке друзей, которые убедили Гестапо не помещать ее в психиатрическую лечебницу.

⁶ Как нам известно, у М. Ф. Степун было три сына и дочь, Маргарита Августовна Степун. Во время Второй мировой войны Магда жила с писательницей Галиной Кузнецовой в Германии и во Франции.

⁷ Ф. Степун был выслан из Советской России вследствие кампании против нелояльных к режиму профессоров, которую предпринял В. И. Ленин. В изгнание он мог взять с собой не более 50 долларов, и Ольга Шор, друг семьи, организовала пересылку ему денег (*Stepun F. Vergangenes und Unvergängliches. Bd. III. München 1950. S. 268-70*).

⁸ Сотрудничество Степуна, как с русской, так и с немецкой печатью было центральным моментом в его жизни и творчестве. Большинство русских и немецких друзей философа совершенно не отдавали себе отчета в этой особенности его сверхнациональной идентичности и его принадлежности одновременно двум культурам. Им также было малоизвестно, что Степун со страстью отдавался деятельности ученого, писателя и публициста. Степун всегда отстаивал собственные политические убеждения (см. переписку Ф. Степуна и Вяч. Иванова // Символ. 2008. № 53-54. С. 402-419; публ. К. Хуфена и А. Шишкина, но нередко сетовал на сложности объединения различного рода деятельности в письмах к видным русским писателям, см., напр., его письмо к И. А. Бунину от 18 февраля 1932 (Письма Ф. А. Степуна И. А. Бунину (*Vergangenes*) / Публ. Р. Дэвиса и К. Хуфена // *С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М. 2002. С. 100-101, 145*).

⁹ Намек на то, что письмо должно пройти военную цензуру.

¹⁰ Вальтер Росслер (Walter Rössler), скульптор, в то время немецкий солдат в Италии.

¹¹ В Дрездене Степуны жили рядом с Политехникумом и недалеко от главной железнодорожной станции. Их посещали университетские коллеги и бывшие студенты, немцы и русские из дрезденской общины.

5

Ф. Степун – О. Синьорелли

12.6.1942

Dresden¹

Liebe Frau Signorelli!

Es sind schon zwei Monate verflossen, seitdem wir Ihren Brief erhalten haben. Haben Sie für Ihre Zeilen sehr sehr großen Dank. Es ist so viel Liebe in ihnen, so viel menschliche Wärme. Ja, Sie haben schon recht, auch ich habe in den letzten Jahren gelernt, dass man nichts auf den nächsten Tag verschoben darf, was man schon heute tun könnte. Menschen verschwinden um uns herum, nahe Menschen, in so großer Zahl und so unerwartet, dass man es kaum fassen kann.² Und einem jeden gegenüber hat man das Gefühl der Versäumnis. Man hat es versäumt, ihm seine Liebe zu zeigen oder, was

schlimmer ist, die richtige Liebe für ihn in seinem Herzen aufzubringen. Man hat es versäumt, ein gutes Wort gesagt, einen Brief geschrieben zu haben. Besonders wir Russen sind heute so in alle Welt zerstreut und so in jedem Lande vereinsamt, dass eine mächtige Sehnsucht in mir wächst, die Wegesgenossen der Vergangenheit noch einmal zu sehen oder wenigstens über die Grenzen zu grüßen. Weiß Gott, wie viele man noch sehen wird. Wir alle gehen ja den Berg gegen die untergehende Sonne herunter. Ab und zu wird immer einer von der schwarzen Nacht des Todes hinweggerafft. So ist z. B. Mereschkowski gestorben, einer der wenigen, mit dem ich es nie verstanden habe, in ein richtiges Verhältnis zu kommen.³ Von Zeit zu Zeit habe ich es mir vorgenommen, ihn noch einmal genau zu lesen, zu sehen, ob ich nicht vielleicht doch seinem Schaffen größere Bedeutung zumessen könnte, als ich das immer getan, und ihm dann von meiner verspäteten Entdeckung seines Wesens zu berichten. Nun, jetzt ist es zu spät. In Paris lebt nach Überwindung schwerster Krankheit Bulgakow.⁴ Er hat mir sein Buch mit einer sehr lieben Widmung geschickt. Ich konnte das Buch nicht gleich lesen, wollte mich aber nicht einfach ungelesenerweise dafür bedanken, und jetzt kann ich es nur schwer tun. Das reut mich sehr. Ich könnte noch weiter und vieles ähnliche <sic> berichten. Die Seele ist überall, wo man sie berührt, krank und wund. Ich verstehe heute besser als ich es früher verstanden habe, dass Dostojewski die Hölle als einen Zustand schildert, in dem es uns nicht mehr möglich ist, das spät erwachte Liebesbedürfnis zu stillen. Mit meiner Mutter war ich ja durch eine sehr große Liebe und Freundschaft lebenslanglich verbunden, auch kann ich mir gar keine genaue faßbaren Vorwürfe machen, trotzdem scheint es mir, man könnte noch tiefer, noch sorgfältiger <sic>, noch aufmerksamer mit ihr gelebt haben, als ich das meinerseits getan.

Selbstverständlich waren alle Bilder auch für Sie bestimmt. Sollte ich einige finden, so schicke ich sie Ihnen gern ein, wenn Sie sie nicht bereits kopieren ließen.

Uns geht es gut. Ich arbeite an einem Erinnerungsbuch, wo ich das Facit meines Lebens und Denkens ziehen möchte.⁵ Die Arbeit macht mir Freude, trotzdem ich über sehr schmerzreiche Perioden zu schreiben habe. Nun hängt ja im Leben alles zusammen. Und zu den sonderbarsten Paradoxien unter diesen Zusammenhängen gehört das Erlebnis der Sinnvertiefung der Welt durch die Vernichtung aller einzelner Sinngehalte unseres individuellen Lebens.⁶ Vielleicht ist das etwas dunkel, doch bin ich überzeugt, dass Sie mit der Ihnen eigenen Intuition mich schon richtig verstehen werden.

Grüßen Sie bitte unsere gemeinsamen Freunde, und erinnern Sie Olga Alexandrowna⁷ daran, dass ich sie gebeten habe, meine Florentiner Bekannte Frau Wiskowatow⁸ aufzusuchen. <sic> und mir zu berichten, wo sie lebt,

falls sie noch am Leben ist. Auch ihr gegenüber ist meine Seele belastet und ich möchte, solange es nicht zu spät ist, diese Last von mir wenden.

Mit den herzlichsten Grüßen und mit den besten Erinnerungen
Ihre Natascha & Fedor Stepun

Перевод

Милая госпожа Синьорелли,¹

протекли уже два месяца с тех пор, как мы получили Ваше письмо. Мы очень признательны Вам за эти строки. В них столько любви, столько человеческого тепла. Да, Вы, конечно, правы, я тоже в последние годы приучился к тому, что не следует откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Люди вокруг нас исчезают, близкие люди, в таком множестве и так неожиданно, что с трудом укладывается в голову.² И с каждым как будто что-то упущено. Не выказал кому-то своей любви, или, что хуже, не сумел взрастить истинной любви к нему в своем сердце. Не сказал доброго слова, не написал письма. Особенно мы, русские, так рассеяны сегодня по всему свету и так одиноки в каждой стране, что зреет во мне страстное желание повидать еще раз спутников прошлого или, по меньшей мере, поприветствовать их поперх границ. Одному Богу ведомо, скольких еще доведется увидеть. Все мы спускаемся по склону на закате. То одного, то другого похищает черная ночь смерти. Так, например, умер Мережковский, один из тех немногих, с кем я никогда не умел установить настоящих отношений.³ Время от времени брался я его внимательно перечитывать, искать, не получится ли все-таки обнаружить в его творчестве больше значения, чем я находил там раньше, и сообщить ему затем о моем запоздалом открытии его сущности. А теперь вот слишком поздно. В Париже живет, оправившись после тяжелейшей болезни, Булгаков.⁴ Он прислал мне свою книгу с очень милым посвящением. Я не смог сразу прочесть эту книгу и не хотел просто так, не читав, за нее благодарить, а теперь мне это тяжело. Я очень жалею об этом. Я мог бы и далее рассказывать о многом подобном. Душа, где ни тронь ее, болит и саднит. Я понимаю теперь намного лучше, чем раньше, почему Достоевский считает адом такое состояние, когда больше невозможно успокоить поздно проснувшуюся потребность в любви. С матерью моей я был связан всю жизнь большой любовью и дружбой, и не могу упрекнуть себя в чем-нибудь определенном, однако мне все кажется, что можно было еще глубже, еще заботливей, еще внимательней жить с ней, чем я это делал со своей стороны.

Само собой разумеется, все картинки предназначались и для Вас. Все, что я найду, я с удовольствием Вам вышлю, если Вы уже не сделали себе копий.

У нас все хорошо. Я работаю над книгой воспоминаний, в которой хотел бы подвести итог моей жизни и размышлений.⁵ Работа приносит мне удовольствие, хотя приходится писать о временах, полных боли. Ну да в жизни все связано; и к дикийнейшим парадоксам в этих взаимосвязях принадлежит переживание углубляющейся осмысленности мироздания в уничтожении всех единичных смысловых содержаний нашего отдельного существования.⁶ Вероятно, это несколько темно, но я уверен, что Вы со свойственной Вам интуицией правильно поймете меня.

Поприветствуйте, пожалуйста, общих наших друзей и напомните Ольге Александровне,⁷ что я просил ее разыскать мою флорентийскую знакомицу госпожу Висковатову⁸ и сообщить мне, где она живет, если она еще жива. И в ее отношении мне нелегко на душе, и я хотел бы, если еще не поздно, избавиться от этого бремени.

С сердечнейшим приветом и наилучшими воспоминаниями,
Ваши, Наташа и Федор Степун
(перевод К. А. Основата)

¹ Машинопись. На конверте адрес отправителя: Schnorrstrasse, Dresden A 24.

² С приходом нацистов к власти в январе 1933 г. значительное число немецких друзей Степуна, некоторые из которых были социалистами или евреями, покинули страну. После 1933 г. все контакты Степуна с членами своей семьи и друзьями в Советском Союзе (напр., с А. Н. Толстым) прекратились. Интеллектуальные связи с русской интеллигенцией за рубежом, прежде всего парижской, оборвались с началом Второй мировой войны.

³ Первый контакт Мережковского и Степуна связан с подготовкой международного литературного журнала “Логос” (1910-1914). В эмиграции они стали оппонентами (см. критику Степуна Мережковским и Гиппиус в печати) в связи с различными идеологическими и литературными позициями.

⁴ Священник Сергей Николаевич Булгаков (1871-1944), экономист, богослов, профессор Православного богословского института в Париже.

⁵ См. прим. 4 к письму Степуна от 20 декабря 1939 г. Первоначальные планы написания книги относятся к 1920-м гг. Увольнение из Политехникума в 1937 г. и оторванность от русской парижской печати способствовали обращению Степуна к работе над книгой воспоминаний.

Ф. А. Степун с женой. München, Englischer Garten

⁶ Здесь имеется в виду антиципация посткоммунистической русской культуры, задача, которую ставил перед собой Степун в журнале “Новый град” (Париж, 1931-1938).

⁷ О. А. Шор.

⁸ В своих воспоминаниях Степун писал, что в качестве эмиссара “Логоса” путешествовал по Италии, разыскивая главного редактора для итальянского “Логоса”. Бенедетто Кроче, с которым он встречался, отказался, а Вариско принял это предложение. В Италии журнал появился в феврале 1914 г. в Перуджиа под заглавием “Logos. Rivista internazionale di Filosofia”, под ред. В. Varisco и А. Bonucci. В 1920 г. редакция издательства была перенесена в Неаполь, ее директором стал Antonio Liotta (см.: *Kramme R. “Kulturphilosophie” und “Internationalität” des “Logos” im Spiegel seiner Selbstbeschreibungen // Hübinger G., Vom Bruch R. Kultur und Wissenschaft um 1900, Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. Vol. I. P. 122-134; Dmitriev A. European Exil for Russian Westernizer: The Logos Circe // Journal of Interdisciplinary Crossroads. 2006. Vol. 3. № 3. P. 75-95*). Степун провел несколько дней во Флоренции в доме Висковатовой, которая рекомендовала ему русских студентов в Германии.

6

О. Синьорелли – Ф. Степуну

Рим, 20 сентября <19>45

via Corsini 12

Дорогой друг,

после тогдашнего Вашего длинного письма, в котором Вы говорили о смерти Вашей мамы, и которое было своего рода предвещанием долгой разлуки (читали мы его со слезами вместе с нашими общими друзьями), мы остались без дальнейших сведений от Вас. За все эти долгие месяцы и годы Вы были душевно и духовно с нами, и вспоминали мы Вас очень часто, и с невыразимой тоской ждем Ваши известия.

Живется нам всем не плохо, и после всего тяжелого что пережили, жизнь входит мало по мало в нормальную колею.

Напишите нам при первой возможности о Вашем житье, и скажите, если и как можно Вам в чем-нибудь помочь.

Сердечный привет вам обоим от наших общих друзей, и от любящей Вас

Ольги Ресневич Синьорелли

Знаете ли Вы что-нибудь о Зелинском?¹

¹ Речь идет о знаменитом филологе-классике Фаддее Францевиче Зелинском (1859-1944). Эмигрировал в Польшу в 1920 г., до 1935 г. заведовал кафедрой классической филологии в Варшавском университете. Скончался в Баварии 8 мая 1944 г.

7

Ф. Степун – О. Синьорелли

19 Августа 1946 г.

Роттах

Дорогая Ольга Ивановна,

Неисповедимыми путями Ваше письмо, в конце концов, все же дошло до нас. Спасибо за добрую память, заботу о нас и нежные слова. Рады, что Вы благополучно пережили тяжелые времена и что Вам живется недурно. Надеемся, что за истекшее время (Ваше письмо помечено двадцатым сент<ября> сорок пятого года) ничего не изменилось к худшему. Передайте самые горячие приветы Вячеславу Ивановичу и Ольге Александровне. Скажите последней, чтоб она наконец-то собралась с силами и написала нам настоящее письмо. Ведь мы уже годами не говорили с ней по душам. Что рассказать о себе? В голове и сердце так много всего, что не знаешь с чего начать. До тридцать седьмого года я профессорствовал в Дрездене. Затем был лишен кафедры за рускость, христианство и семитофильство. Впоследствии мне было запрещено чтение лекций и печатанье. Может быть, вы это уже знаете, а может быть, и нет. Разгром Дрездена мы пережили в Роттахе, за что искренне благодарим Бога, так как я не знаю, как бы Наташа с ее больным сердцем пережила бы все эти ужасы.¹ Через несколько месяцев после прихода американцев меня жизнь снова извлекла на свет Божий. Я много читаю публичных лекций и готовлю к осени университетский курс (получил в Мюнхене кафедру по истории русской культуры). Одновременно пишу ряд статей и готовлю к печатанью свою автобиографию.² Первый том выйдет, вероятно, еще до Рождества. Внешне мы живем здесь, в Роттахе, относительно прилично: в двух катакомбных комнатах у милых людей. К сожалению, это блаженство должно скоро кончиться, так как научная работа требует библиотек, которых здесь нету. Ехать в город страшно не хочется. Он грязен, нервен и уродлив, но другого исхода нет. Старая дрезденская эмиграция вся покинула Дрезден. Оставшиеся переарестованы или перелицованы на коммунистический лад.³ С частью бывшей парижской эмиграции нам, окруженным советскими людьми последней формации, не по дороге. Они славят Сталина за его мудрое водительство России, мы же только благодарим Господа Бога за то, что он спас родину от Хитлеровского разгрома. Нашего отношения к советской диктатуре это не меняет. Но обо всем этом писать подробно не приходится. Как пережил Вячеслав Иванович все совершившееся у вас? Как его здоровье? Как хотелось бы еще раз повидаться с ним.⁴ Но этому, конечно, не бывать. Мы здесь живем, как в клетке, из которой выход на свободу весьма затруднен.⁵ Я

очень мечтаю попасть с Наташей к весне в Швейцарию,⁶ подышать свежим воздухом и охватить внутренним взором все горизонты мировой жизни. Отсюда далеко не все видно, так как все иностранцы, говорящие в своих журналах, издаваемых специально для Германии, говорят не совсем то, что на самом деле думают. Всякая педагогика всегда мешает полной искренности.⁷ Хотя я и изучал в университете эту науку, я ее все же недолюбиваю и в ее методы не очень верю.

Германия резко разделена на два стана. На меньшинство живых и углубленных страданиями и событиями людей, готовых к искреннему покаянию и полных живой веры в будущее, и на большинство омертвевших душ, во всем разочарованных, живущих только завтрашним днем и его мелкими интересами. Жизнь и деятельность среди первых интересна и увлекательна, но эгоистическая обывательская масса временами страшно мешает вольному и легкому дыханию.⁸

Что делается у вас в Италии? Тут сейчас гостит одна итальянская художница международного происхождения, влюбленная в Италию и католицизм.⁹ Судя по ее рассказам, римская жизнь для состоятельных людей сущий рай; здесь ей душно и скучно. Она славит коммерческий гений анархических итальянцев, верящих в святость черного рынка, и испытывает здесь уныние и голод. Так ли все это? Каково духовное состояние Италии? Выходят ли книги? У меня два контракта с итальянскими издателями.¹⁰ Спросите О<льгу> А<лександровну>,¹¹ есть ли какой-нибудь шанс на их выход? Наташа и я шлем вам и нашим друзьям наисердечнейший привет и ждем скорого ответа на имя отправителя этого письма. Оно будет мне быстро передано.

Еще раз большое спасибо.

Душевно преданный Вам

Федор Степун

<От руки на полях>

P.S. Вчера получили письмо от Сережи Гессена. Передайте Олечке, что, пережив страшные ужасы в Варшаве, он чудом остался в живых. Его первая жена и старший сын погибли в концентр<ационном> лагере.¹² Все рукописи его погибли, здоровье пошатнулось (сердце), сейчас он профессорствует в Лодзи. Душевно он бодр. Заново пишет сгоревшие книги, имеет много учеников.

Вы спрашиваете, как нам помочь. Спасибо за заботу. Сейчас мы не голодаем, но были бы, конечно, счастливы получить какое-нибудь подкрепление. Очень недостает жиров. Не знаю, знаете ли Вы, что в Дрездене дотла сгорела наша квартира и все книги и вещи.

Крепко целуем вас всех.

Адрес Гессена: Lodz, ul. Narutowreza 128 Polska (улицу срисовал, не очень понятно).

Наш адрес: Rottach am Tegernsee, Hofbauern strasse, 120 ½ bei Mildner.

¹ Степуны пережили бомбардировку 13 и 14 февраля 1945 г. и не погибли лишь по случайности, оставшись в Роттахе.

² После войны Степун активно печатал в “Süddeutsche Zeitung” и журнале “Hochland” статьи на самые широкие темы. В частности, он предлагал меры по усилению социальной ответственности среднего класса и поддерживал местные инициативы молодых католиков-антифашистов из группы Инги Шолль, которые превратили Ульм в центр послевоенной независимой культуры.

³ Оккупация Дрездена Красной армией положила конец существованию русской эмигрантской общины. Памятуя об этом, Степун не чувствовал себя в безопасности и в Баварии, и до начала 1950-х гг. не исключал возможности новой эмиграции в США.

⁴ Степун и Иванов встретились в Петербурге около 1910 г. (Vergangenes und Unvergängliches. Bd. I. S. 333-35) и затем, по всей вероятности, в Москве в 1913-1921 гг. В эмиграции они, насколько нам известно, лично не встречались.

⁵ Дороги и коммуникации были разрушены, а союзническое командование ограничивало передвижение за пределы Германии.

⁶ Впервые Степун смог посетить Швейцарию весной 1948 г.

⁷ Возможно, здесь имеется в виду отражение Нюрнбергского процесса в западно-германской прессе.

⁸ Серьезная дискуссия о гитлеровской Германии могла начаться, в связи с судебным процессом по Освенциму во Франкфурте на Майне только в 1960-е гг.

⁹ Неустановленное лицо.

¹⁰ В послевоенном архиве Степуна контрактов с итальянскими издателями не выявлено. Есть сведения, что Р. Рёсслер продал права на книгу Степуна “Театр и кино” (Берлин 1932) в Agenzia Letteraria Internazionale Milano в 1942 г. Предполагалось, что книга появится в Nuove Edizioni Ivrea, издательстве основанном в 1942 г. Adriano Olivetti. Из писем О. Шор к Степуну (Stepun papers, Box 6, folder “Shor, O.”) явствует, что перевод был закончен, и может быть даже опубликован, но тираж был уничтожен при бомбежке Милана американцами.

¹¹ О. А. Шор.

¹² Первая жена Сергея Иосифовича Гессена, Нина Лазаревна Минор, была депортирована в концлагерь Терезин (1942) и погибла в концлагере Малый Тростинец. Старший сын – Евгений Сергеевич Гессен (1910-1945) – поэт, погиб в Аушвице.

8

О. Синьорелли – Ф. Степуну

Рим, 25-го декабря <19>48
via Corsini

Дорогой друг,

как Вы будете судить обо мне? Простите ли Вы меня? Не писать, не отвечать на письма... Понимаю, что это еще простительно, но не отвечать и не благодарить за подарки, которые доставляют такую радость, какую мне доставила Ваша чудная живая книга, для таких грехов конечно нет прощения!..

Но в душе у меня звучат слова, которые пела толпа вчера ночью, на ночном Богослужении в S. Maria in Trastevere: “Per i miseri imploriamo perdono, Per i deboli imploriamo pietà”.¹ Как трогательно, что в наше безжалостное время, и в каком-нибудь очень коммунистическом квартале Рима поются такие слова... Народу было очень много, многочисленные причащались. Надеюсь, что это тронет Ваше сердце, и решаюсь писать письмо, которое должна была писать год тому назад.

Ваша книга доставила мне громадную радость, читалась нами всеми, переходила из рук в руки. Ольга Александровна мне <так!> опять просила ее.²

Живем и перебиваемся мы ничего себе. Жизнь так дорога, что не понимаем, как происходит такое чудо, что можно жить.

Вячеслав Иванов сильно постарел, но бодр духом, работает и этому конечно обязан Ольге.

Она тоже очень постарела, но из окружающих ее вряд ли кто замечает. Она все больше и больше ангельски добра, и бодра, и неутомима. Лидия работает в S. Cecilia,³ Дима французский журналист, и очень добрый сын.

Я была очень больна весной.... Хотелось бы жить 50 лет, чтобы видеть, как все это кончится, что происходит кругом. Теперь я поправилась и чувствую себя лучше, чем до болезни. Тяжелые болезни или уносят или обновляют нас.

[окончание письма отсутствует]

¹ Куплет старинного католического народного песнопения на литургии: “Молим прощения скорбным, просим милости слабым”.

² По всей видимости, речь идет о первом томе воспоминаний Степуна, вышедших по-немецки: *Stepun F. Vergängliches und Unvergängliches. Bd. I. München 1947.*

³ Имеется в виду римская консерватория.

9

О. Синьорелли – Ф. Степуна

Рим 2-го августа <19>49

via Corsini 12

Дорогой друг,

сколько времени не имела от вас никаких известий. Вы имеете полное право не писать мне, так как с таким долгим опозданием писала Вам после получения Вашей книги Воспоминаний, которой очень дорожу, и которая была одной из последних радостей нашего дорогого Вячеслава Ивановича. Пишу Вам *была*, т. к. должна сообщить Вам грустное известие, что наш дорогой друг оставил нас навсегда 16 июля. Скончался он тихо, без особенных страданий. Он имел месяца два невысокую температуру, и никто из нас его за это время не видал, чтобы не утомлять. В конце июня позвали моего мужа, который констатировал плеврит. Экссудат¹ прошел дней через десять, прошла и температура, но осталась большая слабость. В последние два дня он отказался от пищи, от питья, от всего земного.

Муж мне звонил, чтобы я не уехала (я собиралась на дачу), так как это признак близкого конца. В три часа пополудни 16-го он коснулся сердца, произнес “какая тяжесть”, и погас как свеча. Память была ясна до последнего часа, но он не думал о смерти. Вы по опыту дорогих потерей знаете, что годы ушедшего не имеют значения, и что всякая потеря оставляет в сердце жгучую боль. Эта потеря особенно больна и тем, что погас такой глубокий источник знания и света, и больно за то, что он унес с собою.

Сердечный привет вам обоим, и с глубокой нежностью и тоской жму ваши руки. Ольга Ресневич Синьорелли.

¹Жидкость, которая образуется в органе воспаления, в данном случае, в плевре.

10

Ф. Степун – О. Синьорелли

16 марта 1950

München

Дорогая Ольга Ивановна.

Это письмо – случайность. Неожиданно для нас в Рим едет наша знакомая Нина Адлер,¹ милая молодая девушка, которая горит свиданием с Римом. Мы просим, чтобы она зашла к вам и рассказала кое-что

о нашей внешней жизни, которую она хорошо знает, так как часто заходит к нам. Она едет с экскурсией и пробудет в Риме несколько дней. Языка она не знает. Может быть вы, как знаток Италии и Рима, можете ей ориентироваться и кое-что покажете ей, что не покажут водители экскурсии.

О всем важном сейчас не могу писать. Простите, что не поблагодарил вас в свое время за последнее письмо, не откликнулся на сведения о смерти Вячеслава Ивановича, которая меня глубоко потрясла. Мы и с Вами и с Ольгой Александровной все последние года, даже десятилетия жили в какой-то странной немоте, в какой-то бессловесной близости, которая почти что атрофировала возможность речи. Мне очень хочется выйти из этой немоты, и я надеюсь, что оно и случится. Страшно хотелось бы проехать к вам в Рим. Билет туда и обратно стоит только 76 марок. Его нетрудно взять. Труднее прожить в Италии, так как все еще нельзя вывозить с собой немецкой марки. Но и это, конечно, вскоре уладится, если только над нами не разразится война. Эта мысль страшная и сама по себе, страшна для нас лично еще и тем, что мы не можем подавить в себе вопроса: не пора ли нам выезжать из Европы, чего нам ужасно не хочется.

Я посылаю Ольге Александровне все три тома моих “Воспоминаний”.² Третий, посвященный большевизму, наиболее лиричен и тих. Если прочтете, напишите о вашем впечатлении.

Наташа и я шлем вам нашу память о ваших приездах в Дрезден и наилучшие пожелания.

Преданный Вам Федор Степун

¹ Неустановленное лицо.

² *Stepun F. Vergängliches und Unvergängliches. Bd. I-III. München 1947-1950.*

Дорогой друг,

сiju у светло-опального, равномерно плещущего Адриатического моря – за спиною солнца уходит за горы – кругом тишина, легкий ветерок доносит до меня аромат сосен – и все это мне напоминает юность, и родину, и тоска увеличивается чтением чудных, живых Ваших “Воспоминаний”. Я читала тут II том, который мне привезла Gabriele von

Кoenig,¹ которая была и у Вас, возвращаясь из Италии. Завтра возвращаюсь в Рим, и сейчас попрошу у Ольги Ал<ександровны> III том, к которому брошусь с нетерпением.

Моя младшая дочь с мужем (они оба писатели)² были в Мюнхене три дня. Очень жалко, что они не получили вовремя моего письма с Вашим адресом. Вы бы очень понравились друг другу.

Я очень тоскую с Вами повидаться и о многом, очень многом поговорить. В начале следующего года (15 января) выйдет у Bertelsmann'a маленький томик "Письма Дузе", мною собранных.³ Дает это мне очень мало, но надеюсь что хватит на поездку, чтобы повидать друзей. 150 марок у меня уже лежат в Мюнхене. Надеюсь, значит, поехать на север в следующем году. Если Вам вздумается повидать Рим, и не бойтесь моей "богеми" (у меня маленькая квартира из 4 комнат), очень рада буду приютить вас обоих. Я была тут у моей дочери (она врач) и провела чудные дни.⁴

Обнимаю сердечно вас обоих

Ваша Ольга Синьорелли

Надеюсь, что получите эти строки по неточному адресу.

¹ Gabriele von Koenig-Warthausen (1898-1990) литератор и переводчица, приятельница и корреспондентка О. Синьорелли (ARI, VI. T. I. P. 45).

² Вторая дочь Ольги Синьорелли Вера Синьорелли-Каччаторе (Vera Signorelli Cacciatore, 1911-2004) и ее муж Эдоардо Каччаторе (Edoardo Cacciatore, 1912-1996) – писатели.

³ *Resnevich-Signorelli O. Eleonora Duse. Briefe (Übers. v. Gertrude de Rességuier). Gütersloh: Bertelsmann Verlag, 1952.*

⁴ Елена Синьорелли-Реккиа (Elena Signorelli Recchia, 1910-2005) – третья дочь Ольги Синьорелли, врач; имела собственный дом в Tortoreto Lido (в Аbruццо).

12

Ф. Степун – О. Синьорелли

21 декабря 1951 г.

<München>

Милый друг Ольга Ивановна.

Большое спасибо за ваше письмо. Простите, что я только сейчас отвечаю вам. Письмо пришло в середине сентября, во время нашего пребывания в баварских горах, куда мне моей секретаршей пересылались, по моей просьбе, лишь письма, требующие немедленного ответа. После пребывания в деревне, я сразу же уехал в лекционное турне¹ и вернулся в Мюнхен лишь в начале семестра, застав на столе невероятное количество писем, рукописей и всяческих иных неотложно-

стей. Я понимаю, что с моей стороны нехорошо время от времени сбрасывать с себя хомут всяческих обязанностей. Но без такого радикализма для меня невозможен отдых, а он становится нужным. Надеюсь на вашу снисходительность и, объясняя свое некорректное поведение, все же искренне прошу вас извинить мне его.

“...и все это напоминает мне юность, и родину и тоска увеличивается”. Как это мне понятно. Я всю жизнь борюсь против воспоминаний (“Воспоминанья с нежной грустью меня в чело целует, день струею тихой вьется к устью и на душу ложится тень”),² но чувствую, что все менее под силу становится мне мудрость нашего покойного друга (“Ты память, муз родившая, свята... Тебя зову, но не воспоминанья”),³ так что воспоминания временами начинают одолевать память. Религиозно это, быть может, неправильно, но для поэзии воспоминания нужны. Религия, вера требуют сердца высокого, а искусство – сердца богатого.

Думаю, что мой третий том придется вам более по душе, чем второй. Хотя я пишу о большевизме, в нем нет никакой лютой злобы, ибо мой политический пафос исчерпывается вторым томом. В третьем же почти исключительно зарисована советская Россия, пусть советская, но все же Россия.

Когда вы собираетесь в наши края? Было бы очень радостно повидаться с вами и поговорить о многом, чем мы с вами одинаково живем. Мы очень собираемся в Италию, но я все время очень занят, да и жизнь у вас очень дорога. Спасибо за предложение, очень большое спасибо за предложение остановиться у вас. Это очень облегчает осуществление плана.⁴

Знаете ли вы лично профессора Сементовского-Курило?⁵ Мы с ним в переписке по целому ряду вопросов (он ведь очень продуктивный писатель). В своем последнем письме он запрашивает меня, не согласился ли бы я в иллюстрированном журнале провести ряд очерков из моих воспоминаний. Не могу сказать, чтобы эта мысль была мне особенно приятна, если ваши иллюстрированные журналы носят такой же характер, как немецкие. Но, быть может, это могло бы обратить на мою работу внимание некоторых издателей и повести к напечатанию книги. Если у вас есть издательские связи или хотя бы возможность точно ориентироваться в положении итальянского книжного рынка, я был бы вам очень благодарен за сообщение о том, что можно ждать от Италии и на что можно соглашаться.

Наташа и я шлем вам и к западному и к православному Рождеству Христову наши наилучшие пожелания и поздравляем вас с наступающим Новым годом. Бог даст, он не принесет нам ничего страшного.

Ваш Федор Степун

Ф. А. Степун в своем кабинете. Мюнхен. 1950-е гг.

Что делают куклы вашей дочери?⁶ Тут у нас есть одна добрая знакомая, которая страстно интересуется куклами. Она была вместе со своей дочерью у Ольги Александровны, но вас, к сожалению, не застала. Если у вас есть фотографии, быть может, вы могли бы их приложить к ответному письму. Мы с Ниной Викторовной были бы вам очень благодарны (Нина В. есть та художница, которая страшно интересуется вашими куклами, о которых мы ей много рассказывали).

Ольга Александровна молчит упорно, несмотря на то, что я ей уже неоднократно писал и выслал все три тома воспоминаний. Кланяйтесь ей все же от нас самым сердечным образом.

¹ Лекции стали неотъемлемой частью творческой биографии Степуна. В послевоенное время он выступал перед самой разной аудиторией: лютеранскими и католическими прихожанами, представителями городских властей, западногерманскими бизнесменами, американскими военными в Баварии, студентами и любителями кино.

² Первая строфа стихотворения “Час воспоминаний” В. Я. Брюсова (*Брюсов В. Я.* Собр. соч. Т. 1. М. 1973. С. 466), цитируется Степуном с неточностями.

³ Строки из цикла Вяч. Иванова “Деревья” из сборника “Свет Вечерний” (*Иванов В. И.* Собр. соч. Т. III. Брюссель 1979. С. 533), которые Степун также цитировал в Предисловии к русскому изданию книги “Бывшее и несбывшееся” (Нью-Йорк 1956. С. 8).

⁴ Наталья и Федор Степуны посетили Рим весной 1955 г. 9 мая 1955 г. Синьорелли писала Шор из Террачины, что на днях (“в четверг”) собирается вернуться в Рим и надеется провести вечер “где-нибудь вместе с Степунами” (РАИ).

⁵ Речь идет о близком друге Синьорелли, писателе и историке Николае Сементовском-Курило (1901-1979), подробную статью о котором см. в наст. томе.

⁶ Имеется в виду старшая дочь О. Синьорелли Мария Синьорелли Вольпичелли (*Maria Signorelli Volpicelli*, 1908-1992), художница и театральная деятель, которая к этому времени была широко известна в Италии и за ее пределами как автор многочисленных выставок кукол-марионеток. В 1947 г. основала кукольный театр L'Opera dei Burattini, просуществовавший до 1990-х гг. (см. о нем ниже, в письме Синьорелли к Степуно от 18 ноября 1960 г.).

13

О. Синьорелли – Ф. Степуно

31 января <19> 52
Рим, Via Corsini 12

Дорогой друг,
простите, что только теперь отвечаю, но праздники прошли, как будто их не было.

Была под Новым Годом в Милане, где Burattini моей дочери участвовали, т. е. были главными актерами в “El Retablo”¹ di De Falla, режис-

сер был Horowicz и оркестр Скалы, очень хорош.² Она имела большой успех.

Что Вам сказать о Сементовском? Я знаю, и *не знаю* его. Он занимается астрономией, и очень дружен с иезуитами. Не знаю в каком журнале он пишет, но вообще миланские иллюстрированные журналы немного лучше немецких. Отчего не поместить отрывок, если это возможно? Только советовала бы, чтобы выбрали Вы то, что желаете, или советовали бы ему.

Я кончила Ваши Воспоминания, и третий том меня очень тронул. Как верно, с какой прочувствованной объективностью, полной любви все это написано! Как мне хотелось бы с Вами повидаться, и поговорить обо всем. Относительно Вашего приезда сговоримся. Надо выбрать время, когда один мой друг, который живет у меня несколько лет, но очень часто в разъезде, не в Риме.³ Но летом свободна на месяц квартира моей дочери, в этом же доме. Надо сговориться об этом, когда наступят Ваши каникулы.

Я написала Bertelsmann'у, чтобы он прислал Вам томик Duse Briefe, который только что вышел у него. Если он мне даст кое-какие деньги, приеду в Германию весной. Очень тоскую по сирени.

Сердечно обнимаю Вас с Наташей Ольга Р. Синьорелли.

Ольга Александровна бодра и здорова. Обещала Вам писать.

¹ Икона в надалтарной части церкви.

² Спектакль Марии Синьорелли "El retablo de maese Pedro" на музыке М. Де Фалья и со сценографическими рисунками Enrico Prampolini (впервые показанный в 1951 г. в Cagliari) шел в Милане в Театре Ла Скала в декабре 1951 г. Директор и режиссер Bronislaw Horowics.

³ Вероятно, имеется в виду Аурел Милош (Aurel Milloss, 1906-1988) – танцор и хореограф Римской оперы, ближайший друг О. Синьорелли. О нем см: *Veroli P. Teatro e spettacolo nella vita di Olga Signorelli // ARI, VI. T. II. P. 122-135.*

25 апреля 1952 г.

Мюнхен

Дорогая Ольга Ивановна.

Большое спасибо за вашу книжечку,¹ которую прочел с очень большим интересом и даже пользой для себя. Я сейчас работаю над вторым изданием, очень расширенным, моей книги о театре и фильме² и потому с особым вниманием читаю письма и воспоминания больших акте-

ров. Может быть, мне удастся или самому написать, или устроить рецензию на вашу книжечку: Дузе этого стоит, стоите и вы, как автор большой книги о великой актрисе. Кстати, распродалась ли она в Германии, и не собираетесь ли вы хлопотать о втором издании?³

Мы переезжаем на новую квартиру.⁴ Наши вещи уже находятся в ней, но в не разобранном виде, потому я не могу вынуть с легкостью из папки ваше последнее письмо, но мне сдается, что вы собирались в Мюнхен в мае месяце. Если это верно, то хотел бы попросить вас, отложить приезд, так как я уезжаю 14-го на две недели из Мюнхена, и у нас еще не будет в мае своей устроенной квартиры, в которой мы могли бы встретаться. Теперь есть у меня к вам еще одна, не знаю уже, большая или небольшая, просьба. Одна наша знакомая, Нина Адлер, молодая девушка из новых эмигрантов, которой Ольга Александровна, со свойственной ей любовью и любезностью к людям, показывала Рим, привезла нам, по моей настоятельной просьбе, замечательный портрет Вячеслава Иванова: наклоненная вперед голова, опущенное лицо, берет. Устраивая снова собственную квартиру, уже маленькую, не дрезденскую,⁵ и чувствуя приближающуюся старость, я решил повесить в своем кабинете портреты людей, с которыми был близко связан в последние годы московской жизни. Отдал я русскому фотографу, старому приятелю, старосте берлинской церкви портрет В. Иванова для увеличения, и случилось не постижимое: портрет, положенный в книгу, бесследно исчез из запертой на ключ комнаты. Мой приятель обыскался, перевернул всю комнату, но портрета не нашел. Потому прошу вас зайти как-нибудь к Ольге Александровне (буду рад, если вы не будете откладывать этого посещения) и попросить у нее, по возможности тот же самый портрет. Насколько я слышал, фотография, присланная мне, была снята для фильма, размер приблизительно 12x18, в профиль. Фотографию я после переснятия и увеличения могу тотчас же вернуть. Я пишу вам, дорогая Ольга Ивановна, потому что Ольга Александровна почему-то окончательно онемела и ничего не пишет. Я ей послал три тома моих воспоминаний, а в прошедшие годы и писал ей, но она безмолвствует. Мне же все же очень хочется повесить у себя фотографию Вячеслава Ивановича, у которого я молодым доктором гостил дней 10 на "Башне" и с которым мы часто видались в злые, большевицкие годы. Я хорошо помню строчку Вячеслава Иванова: "ты, память муз родившая, свята, тебя зову, но не воспоминанья", но все же мне милы и некоторые воспоминания. Возвращаясь в свою квартиру, хочется вернуться к себе.

Мы тут живем довольно богатой духовной жизнью. Я много читаю лекций и много пишу. Мои книги расходятся хорошо. Если бы у меня был агент-комиссионер, как у некоторых из наших знаменитых писателей, то вероятно, можно было бы добиться и перевода и на какой-

нибудь второй западно-европейский язык. Но у меня таких коммиссионеров нет, а сам хлопотать за себя я не умею и не люблю.

В ноябре мы собираемся в Париж.⁶ Недавно были в Швейцарии, в Базеле, на замечательной выставке икон. На второй день после открытия я читал лекцию о сущности иконы. Ту же читал в Ганновере и Геттингене.⁷ Европа очень интересуется восточную иконописью.

Ну, пока, кончаю, так как очень спешу.

Наташа и я шлем вам наше самое сердечное пожелание.

Так как мы всего только пять дней тому назад встречали Пасху, то обнимаем и трижды целуем вас: Христос Воскресе.

Ваш Федор Степун

¹ Возможно, речь идет о книге: *Resnevic-Signorelli O. Eleonora Duse. Briefe* (Übers. v. Gertrude de Ressayguier), Gütersloh, Bertelsmann Verlag, 1952.

² *Stepun F. Theater und Film*. München 1953.

³ Первое немецкое издание книги Синьорелли неоднократно переиздавалось вплоть до 1941 г. общим тиражом около 45.000 экземпляров. После издания: *Resnevic-Signorelli O. Eleonora Duse: Werden, Leiden, Vollenden*. Erlenbach-Zürich: Eugen Rentsch Verlag, 1947 в Швейцарии вышла и другая книга Синьорелли о Дузе: *Resnevic-Signorelli O. Das Vermächtnis der Duse: Ein Lebensbild aus Briefen, Bekenntnissen, Erinnerungen*. Herrenalb/Schwarzwald: Erdmann Verlag, 1962.

⁴ Эта новая квартира по адресу Ainmillerstraße 30 находилась недалеко от мюнхенского университета, где Степун в 1946-1959 гг. занимал должность профессора на кафедре истории русской культуры, созданной для него.

⁵ В Дрездене на Schnorrstraße 80, Степуны жили в своеобразной городской вилле, где кроме них находилось еще 2-4 семьи. Квартира была весьма большой, с красивой мебелью, ценными предметами искусства и несколькими тысячами книг. Все это погибло в огне в 1945 г.

⁶ Это было первым путешествием Степуна в Париж после 1937 г., где он вновь познакомился с Буниной и другими друзьями, переживших немецкую оккупацию.

⁷ Степун выступал с докладом "Богословие иконы" в здании мэрии Ганновера в начале января 1952 г., 22 февраля – в Геттингене и 7 апреля в Kunsthalle в Базеле (бумаги Степуна, ящик Y 44, к. "S", ящик Y 44, к. "GF", ящик Y 46, к. без номера).

15

Ф. Степун – О. Синьорелли

14 сент<ября> 1952 г.

München

Дорогая Ольга Ивановна,

обращаюсь к Вам с большой просьбой, на которую *очень* прошу ответить мне воздушной почтой. Наши большие друзья (он же и мой

издатель)¹ собираются в октябре в Италию не для того, чтобы осматривать достопримечательности, а хорошо отдохнуть в тишине и красоте по возможности у моря, но с красивыми, не слишком затруднительными прогулками. Люди они не больные, но все же требующие починки: диеты, хорошего стола и докторского совета. Ищут они или тихую, но комфортабельную гостиницу или санаторию, без запаха больницы. Люди они вполне состоятельные, на деньги они не скупятся, но ими и не бросаются, любят, чтобы было “preiswert”.²

Вы, вероятно, знаете Италию, как свои пять пальцев, и потому сможете дать нам хороший совет. Если бы Вы сами не знали ничего подходящего, то, может быть, Вы через знакомых врачей узнаете, что можно посоветовать нашим друзьям (им по 50-и лет). Большая просьба сообщить также цену пансиона, а может быть и прислать проспект.

Большое спасибо за присылку Вашей книжечки, прочел с очень большим интересом и душевным участием. Особенно поразило и где-то даже порадовало, что даже и Дузе боялась выступлений.

Получили ли мое письмо с извещением о таинственной пропаже фотографии Вячеслава Иванова и с просьбой прислать мне замену. Я подготавливаю книгу о русских писателях, в которой будут и портреты.³

Сообщите, пожалуйста, адрес Ольги Александровны, от которой, к сожалению, нельзя добиться ни одного слова. Собираетесь ли Вы еще в Германию и когда? Наташа и я шлем вам наш самый сердечный привет.

Искренне Ваш Ф. Степун

¹ Имеется в виду Карл Хансер (Carl Hanser, 1901-1985).

² Недорогой, добротный, стдящий (нем.).

³ *Stepun F. Mystische Weltanschauung. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus.* München: Carl Hanser Verlag, 1964. В главе “Вяч. Иванов. Русский европеец” (S. 210-278) эта фотография помещена между стр. 272 и 273.

О. Синьорелли – Ф. Степуну

20-го сентября <19> 52

Дорогой друг,

простите, что пишу только несколько слов, и справлюсь еще и напишу еще дня через два, три.

Мой муж очень болен, и мне трудно думать о другом.

В Италии, к сожалению, нет санатории для “здоровых”. Итальянцы боятся этого слова. Из хороших, комфортабельных гостиниц около мо-

ря я знаю Minerva – Capo di Sorrento (стоит 3000 лир), потом около Monte Circeo¹ есть две хорошие гост<иницы>. Цена приблизительно та же. Друзья моей дочери приехали из Alassio,² где жили в *очень хорошем* и очень не дорогом семейном пансионе Pension Amelia, Via per Solva, Alassio. Очень его советовали.

Если смогу, поеду лечить боли в колене в октябре в Абано.³ Там недешево и очень хорошо все организовано. Завтра или послезавтра еще напишу. Пока жму Вашу руку и сердечный привет обоим.

Ольга Синьорелли

¹ Капо ди Сорренто находится на неаполитанском заливе, недалеко от Сорренто, а мыс Монте-Чирчео – на берегу Тирренского моря, недалеко от Рима.

² Алассио – маленький курорт на Лигурийском побережье.

³ Абано – известный курорт на водах у подножия Эуганских холмов в Венето.

17

О. Синьорелли – Ф. Степуну

5-го окт<ября 19>52

Дорогой друг,

простите, что так долго не написала обещанное письмо. Но в волнении о больном дни летели незаметно.

Погода в Италии теперь скверная. На севере дождливо и холодно, на юге тоже. Думаю, что лучше советовать Вашим друзьям юг. В таком случае очень хорошая гостиница Albergo S. Caterina, Amalfi. Это одна из лучших гост<иниц> Италии. Цена около 3000 лир за человека; но они – друзья моей дочери, и наших друзей всегда принимали как друзей и делали скидку.

Сердечный привет вам обоим Ольга Синьорелли.

Кто-то говорил мне с большим восторгом о каком-то Вашем докладе.

18

О. Синьорелли – Ф. Степуну

18-го ноября 1960

Рим, Via Corsini 12

Дорогой Федор Августович,

от нашей Flamingo¹ имею иногда Ваши известия, и от нее знаю о Ваших заботах по поводу болезни Марии Николаевны и от души радуюсь, что опять все хорошо.²

Живо вспоминаю слишком короткое пребывание Вас обоих в Риме, и никогда не забуду как в последний вечер, около фонтана Треви, когда кто-то спросил Мар<ию> Ник<олаевну> что она больше всего любит, она сказала “ожидать”. Надеюсь, что эта любовь к ожиданию ей помогло <так!> облегчить страдание во время болезни.

Как Вы должно быть знаете, у моей дочери Марии имеется маленький театр кукол.³ Она начала делать куклы вместе с первыми шагами. Один ее ученик, швед, устроил ей tournée в Швеции и в Финляндии. На обратном пути они дадут одно или два представления в Мюнхене по приглашению директора Puppentheater Sammlung 15-го декабря.⁴ Пока не знаем ни в каком зале, ни в котором часу. Время под Рождеством, конечно, не подходящее, но так как это по пути, решили остановиться. Из-за языка надо было выбирать короткие вещицы с пением, или танцы.

Если Вам известно переведен ли *Пугачев* Есенина на немецком языке,⁵ была очень благодарна за сообщение где, когда, кем? Сердечно обнимаю Вас обоих Ольга Синьорелли

¹ Flamingo – семейная кличка О. А. Шор

² По всей видимости, Синьорелли путает имена матери и жены Степуна, и речь идет о Наталье Николаевне Степун.

³ Знаменитый театр кукол (L’Opera dei Burattini) Марии Синьорелли был основан в 1947 г. В его спектаклях сотрудничали актеры (Lina Job Wertmüller, Gabriele Ferzetti e Scilla Brini), художники-сценографы (Enrico Prampolini, Ruggero Savinio, Toti Scialoja), музыканты (Ennio Porrino, Vieri Tosatti, Roman Vlad) и известные режиссеры (Margherita Wallmann, Giuseppe De Martino).

⁴ Не удалось найти сведений о представлении Марии Синьорелли в Мюнхене.

⁵ Первый немецкий перевод “Пугачева” Есенина (переводчик Elke Erb) вышел отдельным изданием в Восточном Берлине только в 1980 г.; был ли он ранее опубликован в переодике или антологии установить не удалось.

19

Ф. Степун – О. Синьорелли

17 января 1961 года
<München>

Дорогая Ольга Ивановна!

Пишу Вам с покаянной головой. Получив Ваше письмо от 18 ноября, мы с Наталией Николаевной очень радовались посмотреть спектакль Вашей дочери, о ее куклах мы были давно и хорошо осведомлены. Прежде всего, если не очень изменяет память, Евсей Давидович

Шор.¹ Может быть, он даже был у нас в Дрездене не то с Вашей дочерью, не то только с ее куклами. Было это давно, а потому осталось в памяти несколько неотчетливо. Но случилось так, что в один прекрасный день я открыл здешнюю газету, увидел фотографию кукол и прочел очень хвалебную рецензию.² Было очень грустно, что мы прозевали представление. Объясняется это целым рядом неудач, которые постигли нас в первой половине декабря и которые еще и сейчас омрачают наши горизонты. 2-го декабря мы с Наташей поехали в Париж, где я должен был прочесть доклад о религиозной трагедии Толстого, а, кроме того, читать из своих воспоминаний. Так как мы долго не были в Париже, где в свое время часто бывали и где хотелось повидать многих старых знакомых и несколько последних оставшихся в живых людей. Но все это не вышло. В поезде я простудился, приехал в Париж уже с легкой температурой. Читал охрипшим голосом, от второго выступления пришлось отказаться и спешно вернуться домой. В Мюнхене злая простуда с каким-то подпольным вирусом разыгралась еще сильнее. Пришлось сидеть дома, принимать всякие гадости и претерпевать всячески неприятности. Так оно и случилось, что мы забыли о Вашем сообщении, что Вашей дочерью в Мюнхене будут показаны куклы. Очень все это жалко, но что делать.

Дорогая Ольга Александровна упорно зовет нас в Рим. Очень бы хотелось поехать, и мы от этой мысли еще не отказываемся, но осуществление требует целого ряда предпосылок, которые врозь и существуют, но которые собрать вместе довольно трудно. Но Бог даст, они соберутся.³

Простите, дорогая Ольга Ивановна, что не пишу больше. Длительное недомогание мешало быстрым ответам на письма, а их каждый день приходит довольно много. Так накопилась высокая стопка неотвеченных посланий, на которые надо срочно отвечать.

Мы всегда с радостью вспоминаем Ваше первое появление у нас в Дрездене и все наши последующие встречи, вплоть до последних в Риме и до того уютного ресторана, в котором мы ели какие-то не без фантазии приготовленные фазаны.

Наташа и я шлем Вам самый сердечный привет и желаем вам в Новом Году здравствования и процветания.

Искренне Ваш
Федор Степун

¹ Е. Д. Шор (1891-1974) собирался писать книгу о Марии Синьорелли как художнице-кукольнице (см. об этом в письмах Е. Д. Шор к Синьорелли в наст. томе).

² Сведений об этих рецензии не удалось найти.

³ Речь идет о нездоровье жены, Н. Н. Степун, которая умерла в Мюнхене 30 июня 1961, 75 лет отроду. Степун посетил Рим в мае 1962 г., работал в Римском архиве Вяч. Иванова и последний раз виделся с О. А. Шор.

20

О. Синьорелли – Ф. Степуну

28-ХП-<19>61

Рим, Via Corsini 12

Дорогой друг, от Flamingo я узнала о Вашем великом горе, и зная что это означает в Вашей жизни, признаюсь, я не находила слов, чтобы Вам писать.

Надеюсь, что Вы поймете, что мое молчание означало, что я молча жму Вашу руку, как бы я делала если бы была около Вас.

Flamingo дала надежду о Вашем приезде в Рим. Если это не сбылось в ноябре, как надеялась Flamingo, надеюсь, что это сбудется в ближайшем будущем, и что нашему желанию поможет притягательная сила фонтана, у которого мы прощались перед Вашим отъездом из Рима. С сердечным приветом Ольга Синьорелли

21

О. Синьорелли – Ф. Степуну

30. VIII. <19>62

Tirol, Wennis c/o Wassermann-32

Дорогой друг, я нахожусь уже несколько дней с дочерью Еленой (она врач)¹ в тихой тирольской деревушке, недалеко от Вас. Три часа езды от Инсбрука до Мюнхена, очень большой соблазн завернуть туда. Хочется поискать, нет ли в тамошней Theatersammlung писем или фото Дузе, хочется взглянуть на красивый Мюнхен, и, если будете в Мюнхене, пожать Вашу руку, и получить лично Вашу последнюю книгу. Уезжаем отсюда 5 сентября, приедем в Мюнхен в 14.28 часа. Позвоню Вам в тот же день, т. к. останемся всего дня два. Шлю Вам самый сердечный привет.

Ваша Ольга Синьорелли

¹ О Елене Синьорелли см. в примеч. к письму от 12 сентября 1951 г.

Перевод с английского предисловия и примечаний Александра Хартмана (Alexander Hartmann)